

Татьяна Василевская

16+

Снежные великаны

Сказки снежной метели

Татьяна Михайловна Василевская

СНЕЖНЫЕ великаны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40301145

SelfPub; 2019

Аннотация

Что делать, если твой мир рухнул? Если вся твоя жизнь в один день исчезла и не осталось никого из тех, кто был тебе дорог? Мстить. А если в твоём сердце живут только боль и ненависть, но вдруг появляется тот, кто несёт в себе надежду и свет. Что делать тогда? Вновь научиться жить. Очистить своё сердце, открыть душу свету и идти вперед.

Содержание

Проклятые горы	6
Глава 1. Иритай	12
Глава 2. Происшествие	20
Глава 3. Предание	26
Глава 4. Сваты	35
Глава 5. Тени во тьме	44
Глава 6. Свадебный караван	47
Глава 7. Селения	56
Глава 8. Возвращение	60
Глава 9. Метель	72
Глава 10. Орчи	82
Глава 11. Волки	90
Глава 12. Чудесный мир	97
Глава 13. Дом на реке	104
Глава 14. Город	115
Глава 15. Эрис	142
Глава 16. В горы	169
Глава 17. У подножия Алментин	179
Глава 18. Царство холода	191
Глава 19. Великаны	198
Глава 20. Пробуждение	206
Глава 21. Сказки у костра	212
Глава 22. Снова в путь	233

Глава 23. Странный мир и его нравы

241

Глава 24. Оконченная страница

268

Чтобы идти вперед, нужно найти в себе силы отпустить прошлое.

Не забыть о нем, а просто продолжать путь, не оглядываясь.

Проклятые горы

В самом сердце Алметинских гор, в недоступных, занесенных вечными снегами долинах, расположилось несколько небольших селений. Приземистые домики, построенные из обломков скал, стоят посреди белоснежных снегов уже несколько столетий. Каменные стены сложены крепко, куски камня тщательно подогнаны один к другому, чтобы ни ледяным ветрам, ни страшным метелям, налетающим долгими лютыми зимами на горные долины, ни диким зверям, изредка забредающим в эти места в поисках пищи, не под силу было разрушить их и подобраться к обитающим в них людям. Жизнь в этих краях суровая. Большую часть времени долины сковывает холод, такой сильный, что кажется, сказанное слово замерзает, звеня как льдинка, посреди прозрачной морозной тишины, нарушаемой лишь изредка человеком, зверем или звуком падающих камней и снега в горах. Порой с вершин неприступных скал сходят снежные лавины, и тогда замерзшая земля содрогается, толстые пласты твердого, как камень снега, разламываются, образуя глубокие трещины с острыми, рваными краями. Беда тому, кто попадет под сходящий с гор снежный поток. Выбраться из-под обрушившейся холодной белой массы почти невозможно. Вперемежку со снегом стремительно летят, увлекаемые им, огромные камни, сметая, ломая и погребая под собой все, что встретилось

на пути. Жители горных селений считают, что это Великий создатель всего мироздания Оил, сердится и стучит своим посохом по небесному своду, и от того горы начинают дрожать, и их снежные шапки падают с каменных голов вниз.

В этом суровом краю лето быстротечное и холодное, и оно лишь немногим теплее долгой зимы. Едва-едва подтаает снег на открытых солнечным лучам участках долины, проглянет на проталинах жесткая, буро-зеленая трава, раскроют свои бутоны белые и лиловые горные цветы, как уже снова налетают снежные метели, и вновь, едва ожившую землю, сковывает страшный холод, укрывает белое толстое покрывало снега. Выращивать, что-то в этих местах или прокормить скот, успевшей пробиться из-под снега, чахлой травой невозможно. Взрослые мужчины, живущие в селеньях, несколько раз в год спускаются «в низовья», запасают дрова, сено, обмениваются шкуры горных быков и коз, а также мягчайшую, тонкую и в тоже время прочную и необыкновенно теплую шерсть, которую прядут женщины их селений, на муку, овощи, одежду.

Предки жителей горных долин пришли сюда не по доброй воле. Много столетий назад, страной, лежащей у подножия Алметинских гор, управлял жестокий, коварный правитель князь Мехтынлар. Он притеснял свой народ до такой степени, что люди умирали от голода и непосильного труда. Никто не мог сказать слова против жадного, злого правителя. Нескончаемые налоги превратили жителей страны в нищих рабов, вынужденных день и ночь гнуть спину, чтобы удовле-

творить запросы владыки. Непокорных казнили без долгих разбирательств. Достаточно было сказать неосторожное слово, чтобы встретиться с палачом. Жители нескольких, наиболее притесняемых областей, не в силах выносить больше подобной жизни, подняли бунт и выступили против правителя. Мехтынлар отправил для подавления восстания свои лучшие воинские отряды. Посмевших восстать против власти князя, должны были заковать в кандалы и доставить в столицу, после чего жестоко пытаться и казнить на главной площади перед дворцом правителя. Чтобы после жестокой расправы ни у кого из подданных больше не возникало даже мысли противиться своему владыке и пытаться восставать против его методов правления. Но бунтовщики не сдались. Они отважно встретили присланные отряды и вступили с ними в бой. Несмотря на яростное сопротивление, не привыкшие сражаться ремесленники и крестьяне, под натиском воинов, были вынуждены начать отступать. Княжеские отряды жестоко расправлялись, с не желавшими сдаваться бунтовщиками, тесня их все дальше и дальше от родных земель в сторону гор. Большая часть, бросивших вызов власти правителя, погибла во время сражения с войсками князя и последующего отступления. Уцелевшие, понимая, что владыка не успокоится, пока не уничтожит их и их семьи, отступили в горы. Солдаты Мехтынлара преследовали бунтовщиков до границ вечных снегов. Люди, спасающиеся бегством, не имея другой возможности сохранить жизнь, были вынужде-

ны уходить все дальше и дальше вглубь гор. Воины, подготавливаемые командирами, с неохотой, но продолжали преследование. И тем и другим, не по душе были холодные мертвые земли, которые к тому же, с давних пор считались проклятыми. Много воинов замерзло в этом походе, провалилось в расщелины, сорвалось с горных склонов. Много спасающихся бегством бунтовщиков погибло также как и воины. Уцелевшая горсточка беглецов, перейдя через почти неприступные снежные перевалы, добралась до одной из долин, где замерзших, умирающих от усталости и голода людей, застала страшная снежная буря. Спасаясь от разбушевавшейся стихии, люди нашли укрытие в пещерах. В конце концов, все они непременно замерзли бы насмерть, но на их счастье, под каменными сводами пещер они обнаружили черные маслянистые камни, которыми кузнецы в их родном краю растапливают свои печи. Много бед и лишений претерпели изгнанники, скрывающиеся в горах. Будь у них хоть малейшая возможность вернуться, возможно, они бы и не смогли вынести всех тягот и испытаний, посланных им судьбой. Но назад дороги не было. Здесь, в горах был страшный холод, отсутствие еды и всего необходимого, но пока человек жив, в нем живет и надежда, он борется, старается изо всех сил выжить в любых условиях. Там, откуда они пришли было все кроме надежды. Там их всех ждала верная смерть. Волей-неволей люди начали приспосабливаться к новым, почти невыносимым условиям жизни. Начали охотиться, чтобы не умереть с го-

лоду, на снежных быков и коз. Как только, с приходом лета, солнце растопило нанесенные за зиму сугробы, изгнанники принялись строить дома, из единственного имеющегося под рукой строительного материала – каменных обломков скал. Едва закончили постройку нескольких жилищ, как снова налетели метели. Лето пронеслось стремительно, дав крошечную передышку, настолько короткую, что измученные, оголодавшие за долгую зиму люди даже не успели хоть немного отойти от страшных морозов, порадоваться, пусть не настоящему теплу, но хотя бы возможности спокойно находиться на открытом воздухе, не чувствуя, как немеет все тело, теряя чувствительность от холода.

Шло время. Постепенно «поселенцы» научились не только убивать, но и ловить коз и быков, приручать их. Мясо животных было крайне питательно, а молоко обладало целебными свойствами, помогало вылечивать сильнейшие простуды. Шкуры убитых животных стали настоящим спасением от лютых морозов, длинный густой мех давал защиту от любого холода. Пережив первую, самую страшную зиму в горах, с каждым годом люди все легче переносили холод и суровые условия. Первое лето, после зимовки в пещерах встретила лишь треть из спасшихся от солдат Мехтынлара, но те, кто выжил, были полны решимости не опускать рук, продолжать бороться за жизнь. Их родные и близкие не напрасно принесли свою жертву. Год за годом «беглецы» все больше принаравливались к новым условиям, вначале казав-

шимся невыносимыми. А несколько поколений спустя, когда не осталось уже никого из тех кто пришел сюда из низовий, жители селений уже и представить себе не могли иной жизни, чем та которой живут они. Конечно, в низовьях тепло и красиво. Земля щедра, много еды и жизнь намного легче, чем здесь, в краю снегов и холода. Давно прошли времена правления подлого, жестокого Мехтынлара, и можно было бы вернуться назад. Но там, внизу, все чужое. Как можно жить без сверкающего белизной снега, без огромных гор, уходящих в небесную высь покрытыми снегом вершинами? Разве может быть что-то прекраснее этих величественных молчаливых долин и неприступных каменных скал? Нет, нынешние жители Алментин не видели для себя другой жизни, не мечтали о ней и даже, скорее всего, ужаснулись бы при мысли, что им нужно покинуть родные места. Человек так устроен, что привыкает ко всему. А место где родился и вырос, где жили все те, кого ты знаешь и любишь, всегда самое лучшее место на всем свете. Потому, что это твоя родина, твоя земля – лучшее место для тебя.

Глава 1. Иритай

Иритай сильно замерз. Тело все сильнее и сильнее сковывал холод. Руки уже давно ничего не чувствовали, из потрескавшейся кожи сочилась кровь, тут же превращавшаяся в льдинки, но Иритай даже не замечал этого. Нос и щеки тоже потеряли чувствительность, хотя поначалу, их сильно щипало от мороза, и Иритай тер их меховыми рукавицами, пытаясь согреть. Потом рукавицы потерялись, и Иритай, уже в попытке согреть немеющие пальцы рук, начал засовывать их в рукава, забыв про лицо. Но идти через сугробы со спрятанными руками было невозможно, Иритай то и дело терял равновесие и падал. Чтобы подняться, каждый раз приходилось вытаскивать руки и опираться ими о снег. И вот теперь, и руки, и лицо у него были обморожены. Но Иритай не думал ни о руках, ни о лице. Он вообще не был мастером думать, но сейчас он испытывал сильнейший животный страх, заставлявший его соображать лучше обычного. Если он совсем замерзнет, то не сможет дойти до селения. И тогда все – смерть. А умирать Иритай не хотел.

– Бя! Бя! – крикнул он, как можно громче. Визгливый голос дурачка разнесся по долине и эхом отозвался от гор. – Бя!

Из глаз покатались слезы, но Иритай не обратил на них внимания. Слезинки замерзли, превращались в крошечные

сосульки на его щеках.

– Бя!

Бык как сквозь землю провалился. Иритаю было уже все равно найдет он его или нет. Он хотел только одного. Вернуться домой. Пусть его бранят, за то, что упустил быка. Пусть даже дадут пару подзатыльников. Он хочет домой! Иритаю огляделся. Он никогда не был в этой долине. Он вообще раньше никогда не покидал долину, где располагалось селение, один. Вероятно, он далеко ушел. Солнце уже над самой высокой горой Ауруш, а Иритаю, хоть и не умел определять время, как остальные, но знал, что до этой горы солнце добирается, когда уже давно прошел обед, и скоро наступит ужин. А это значит, скоро солнце сядет и наступит ночь – после ужина всегда наступает ночь, становится темно. А в темноте он нипочем не найдет дорогу обратно. Он боится темноты! Иритаю шмыгнул носом и пошел по своим собственным следам обратно. Чувство опасности и впрямь немного пробудило рассудок. Даже взгляд маленьких темных глазок стал как будто более осмысленным.

– Бя! – вполголоса снова позвал Иритаю, не столько, в надежде, что бык все же вернется, сколько от того, что ему было страшно совсем одному в звенящей, ничем не нарушаемой морозной тишине, вдали от дома.

Иритаю брел вдоль высокой отвесной скалы. Подул сильный ветер. В воздухе закружился снег. С каждой минутой он становился все мельче и тверже, превращаясь в крошеч-

ные кусочки льда, врезающиеся в кожу. Спустя немного времени началась настоящая метель, и Иритай больше не знал куда идти. Снег замел спасительный ориентир – его следы. Серая мгла, наполненная снегом, с каждой минутой становилась все темнее, превращаясь в непроглядный мрак. Иритай завыл. Он не столько понимал, сколько чувствовал – это конец. Ему не пережить ночь. Никакого укрытия поблизости. Только снег и отвесные каменные стены скал. Да порывы ветра, наполненные ледяными крупинками. Каждый новый порыв ветра забирает у тела остатки тепла и остатки сил. Ноги уже еле двигаются. Еще чуть-чуть и он больше не сможет сделать ни шагу. Ветер ненадолго стих, вероятно, готовясь обрушиться на долину и на одинокую фигурку, прижимающуюся к скалам с новой, еще более сокрушительной силой. В момент затишья Иритаю послышалось, как будто кто-то тяжело вздохнул совсем рядом с ним. Звук донесся со стороны скалы.

– Бя!?! – лицо дурачка озарилось надеждой, потрескавшиеся, обветренные губы растянулись в улыбке. Может это бык? Он может отвезти его в селение. Быки очень умные. Они запоминают дорогу. Может быть, бык сможет найти дорогу даже в метель. – Бя!

Утром Иритай сильно рассердился на быка – тот наступил на свистульку, которую Иритай случайно уронил в снег. Под тяжелым копытом, чудесная вещь, которую Иритаю привезли из «низовий», и он не мог нарадоваться и налюбоваться

на нее, превратилась в жалкие осколки. Увидев, что произошло, Ирита́й, в сердцах, стукнул быка кулаком в нос, а потом еще огрел, изо всей силы, поленом. Бык испуганно попятился, Ирита́й снова замахнулся, и тогда животное, не привыкшее к грубому обращению, побежало прочь от своего обидчика. Ирита́й, понимая, что его не похвалят, за то, что бык убежал, поплелся его догонять, но животное, оглядываясь назад, и видя обидевшего его Ирита́я, уходило все дальше и дальше. Так Ирита́й и оказался где-то в неизвестном ему месте, далеко от селения.

– Бя!?

Очередной порыв ветра, невероятной силы, буквально швырнул Ирита́я к каменной стене. Ирита́й отдышался. Снова совсем рядом послышался вздох. Ирита́й начал приглядываться. Чуть впереди на темно-серой каменной стене проглядывала совсем черная полоса. Ирита́й подковылял поближе на уже негнущихся ногах. В скале была трещина. Ирита́й заглянул внутрь, но ничего не увидел – внутри была непроглядная темнота. Но он снова услышал вздох. Там, в глубине скалы, кто-то был.

– Бя?

Ирита́й с опаской начал протискиваться сквозь узкий разлом. Пару раз он сильно приложился лбом о выступавшие сбоку и сверху острые камни. Один раз он споткнулся и упал, больно стукнувшись коленом. Проход стал чуть шире, Ирита́й мог уже спокойно пройти по нему. Он сделал еще

несколько шагов в кромешной темноте.

– Бя?! – позвал дурачок, не понимая, что бык никак не мог попасть в пещеру через узенькую щель в камнях.

Где-то в глубине, в непроглядном мраке, что-то потрескивало, слышалось непонятное шуршание и вздохи... Редкие и протяжные. Вздохи, казалось, доносились, с разных сторон. Но, вероятно, это происходило от того, что звук отдавался от каменных стен пещеры, да еще было совсем темно, и Иритай был напуган и еле держался на ногах от усталости. Да и соображение у него было хуже, чем у сбежавшего быка.

– У! – попробовал Иритай использовать новый призыв-обращение, к тому, кто вздыхал в темноте, где-то совсем рядом с ним. Ответа не последовало. Иритай решил, что раз то неведомое существо, которое издает странные звуки, не набросилось на него сразу, значит, скорее всего, оно не представляет опасности и бояться его нечего. В пещере, хоть и было также холодно, как и снаружи, но сюда не долетали порывы ветра. Иритай опустился на каменный пол и почти тут же провалился в сон.

–

Весь вечер, и добрую половину ночи, жители селения искали пропавшего дурачка. Началась метель, пришлось прекратить поиски и вернуться в дома. Никто уже не сомневался, что Иритай, по какой-то непонятной причине ушел за пределы долины и заблудился. А раз так, то живым его больше уже никто не увидит – ночью, в метель, на лютom холоде

ему не выдержать – у дурачка не было ни огнива, ни лучин, ничего, что бы развести хоть малюсенький костерок и согреться. Он никогда не уходил далеко от домов, а огнем ему запрещали пользоваться – сам себя спалит, или кого-нибудь, у него же соображения меньше чем у грудного младенца.

– Глупый дурак! Куда его понесло? – сокрушенно вздохнул Аюрмал, «старший» из мужчин селения. Его жена, Мерниса, украдкой утирала слезы. Глупый, безобидный дурачок, за всю жизнь не причинивший никому зла. Такая страшная смерть – один посреди ледяной пустыни испуганный и замерзший. Женщина всхлипнула.

– Да не реви! Кто же мог подумать, что он куда-то отправится один. Всегда такой спокойный, сроду от дома не отходил. – Аюрмал в последний раз попытался взглянуться в непроглядную темную муть все усиливающейся метели. Скорее всего, Иритай уже мертв.

Он обнял жену и слегка подтолкнул ее к дверям дома. Ему самому жаль было паренька. Хоть и дурак, а ведь добрая душа.

– Бык-то пропал, – всхлипнула Мерниса, – так знать он за ним пошел. Искать...

Она зарыдала в голос. Аюрмал сплюнул. Только женских слез ему сейчас не хватает.

– Не реви! Что толку от твоих причитаний? И так тошно.

–

К утру метель утихла, небо расчистилось. На сине-голу-

бом небе сияло яркое солнце, освещая долину своим холодным светом, отражаясь от белоснежного сверкающего снега и слепя глаза.

В полдень на фоне гор, опоясывающих долину, появились две фигурки, бредущие по направлению к домам. Продвигаясь по глубокому снегу, к селению шел бык, а рядом с ним, ухватившись за длинную шерсть животного, шел Ирита́й.

Несколько человек, заметившие приближающихся путников, бросились навстречу.

– Ирита́й! Слава Великому Оилу! Живой! – обнимая дурачка и смеясь от радости, кричали люди.

–

Первые два дня Ирита́й вел себя беспокойно, метался, как дикий зверь, то и дело громко выкрикивал что-то непонятное. Вскakiвал среди ночи, весь дрожа, заливаясь слезами, тараша испуганные глаза на тех, кто пытался его успокоить. На третий день он затих. Казалось, что он впал в оцепенение. Целыми днями сидел неподвижно уставившись в одну точку пустыми глазами, в которых и до того не было особого разума, а теперь они и вовсе казались лишенными даже самой жизни.

– Ирита́й наш, совсем видно спятил от пережитого той ночью, – сокрушалась Мерниса. Аюрмал хмыкнул.

– Да он и так не в себе был.

Жена покачала головой.

– Нет. То, что он дурачок, так это понятно. Да только вер-

нулся-то он совсем не в себе. То метался как зверь, а теперь сидит, с места не сдвинется, и глаза страшные, пустые. Как будто сама смерть в них. Не отзывается, не реагирует ни на что. Как и не слышит. Раньше-то радовался, как заговоришь с ним, по имени назовешь. Бедный! Вот ведь, наверное, страху натерпелся один-то за ночь на морозе, в метель! Ведь все руки и ноги, и лицо обморозил, как только жив остался? Прямо сердце разрывается!

Глава 2. Происшествие

– Ну, что ты еле плетешься?! Скоро солнце начнет садиться. Можешь побыстрее идти?

Ругор недовольно оглянулся на сестру и поправил сползший с плеча мешок с гостинцами. Нужно было ехать на санях. Вечно девчонки строят из себя. Тут идти-то всего ничего, а сестра изображает, будто у нее ноги сейчас отвалятся. Ругор фыркнул. Женщины! Впереди был довольно высокий подъем, потом еще мили две по снежной равнине, а там по тропе между гор и уже рукой подать до их селения.

– Я устала! И у меня ноги уже мерзнут, – обиженно сказала Сабила. – Все из-за тебя! Если бы ты не начал болтать с Вагиром и Урнусом, мы бы уже давно дошли.

Ругор презрительно хмыкнул. Ну конечно! Женщины вечно во всем винят мужчин. Сама-то с подружками из соседнего селения, куда они ходили проведать бабу с дедом, небось, тоже полдня проболтала, да вчера целый день языки чесали. А он в это время, между прочим, не бездельничал, а помогал дрова разгружать, которые привезли из низовий. Потом снег чистили, потом... Одним словом он был занят все это время делом, не то, что некоторые. А потом он чуть-чуть поговорил с ребятами, так что же значит теперь он и виноват?

– Вечно ты ноешь! Иди быстрее, и ноги согреются.

Сестра обиженно засопела. Противный! Мог бы руку дать и помочь подняться в гору. Как будто желая ее подразнить, Ругор пустился вверх по склону бегом.

– Вот, я уже почти наверху! А ты еле ползешь! – крикнул он, оглядываясь на отставшую сестру и широко улыбаясь. Ругор запрыгал на месте со смехом глядя на надутое хорошенькое личико Сабилы. – Смотри, сейчас лопнешь. Лучше, поднажми! Осталось всего ничего. Девчонки вечно изображают неженок...

Ругор замолк на полуслове, заметив, что лицо сестры застыло. Оно уже не выглядело обиженным или сердитым. Маленькое румяное личико странным образом исказилось, как будто от страха. Рот широко открылся, готовясь исторгнуть рвавшийся наружу крик, а глаза расширились и неподвижно уставились в одну точку, где-то за его спиной. «Лавина?! Не может быть. Ничего не слышно. И разве здесь может сойти лавина?...» – мысли молнией успели пронестись в голове Ругора, за то время пока он поворачивал голову в том направлении, куда смотрела сестра.

– Ругор!!! Аааа!!! – разорвал тишину долины полный невыразимого ужаса вопль сестры.

– Аааа!!! – просипел мальчик, лицо которого тоже исказилось от страха, а тело застыло, не желая больше подчиняться хозяину. Ругор набрал полную грудь воздуха, чтобы закричать, но воздух не желал выходить обратно, оставался внутри. – Аааа, – почти беззвучно прошептал Ругор.

—

— Тигилай! — жена метнулась к вошедшему в дом мужу.

Тигилай и несколько мужчин из селения уезжали далеко в горы, на восток, туда, где было чуть теплее, и водились снежные козы, охотиться. Их не было несколько дней и они только-только вернулись в селение. Тигилай с тревогой посмотрел на жену. В ее глазах было отчаяние. Они были полны слез, готовых вот-вот выплеснуться наружу. — Дети не вернулись! Они ходили в соседнее селение и должны были возвратиться несколько часов назад... — женщина зарыдала, закрыв лицо руками. Муж притянул ее к себе и погладил темные растрепавшиеся волосы. В доме было жарко натоплено, но Тигилай ощутил, что его тело пробирает страшный холод. Начинается метель, если дети не успели дойти до дома, то в метель они могут сбиться с пути и замерзнуть. Он беспомощно оглядел кухню. Все было как всегда. Кипящий котел с похлебкой на печке. Стол, накрытый к ужину. Жарко пылающий огонь в печи. Только не слышно звонких голосов детей... Отстранив жену, Тигилай твердо сказал:

— Все будет хорошо, мы их найдем. Слышишь? — он легонько встряхнул жену за плечи. — Пойду, позову остальных, и мы отправимся на поиски. Все будет хорошо...

Жена стояла, закрыв руками лицо и раскачиваясь из стороны в сторону, как будто даже и не слыша того, что сказал муж.

— Ох, Тигилай! Они ушли два дня назад. Я велела им се-

годня выйти сразу после обеда, – простонала она, – чтобы они успели дойти до дома до наступления сумерек.

Она снова заплакала. Горько и безутешно. Тигилай тяжело вздохнул. Он надел шапку и рукавицы и вышел за дверь.

Мужчины, обвязавшись веревками по двое, отправились на поиски. Найти того кто заблудился в метель дело почти невозможное. Должно произойти настоящее чудо, чтобы в клубящемся ледяном непроглядном мраке, найти того кто потерялся. Можно пройти в метре друг от друга и не заметить. Кричать бесполезно. Ветер заглушает и уносит самые громкие выкрики прочь. Можно только насмерть застудить легкие или в лучшем случае сорвать голос. На горящие смоляные факелы надежды тоже мало. На расстоянии нескольких метров свет от них уже не виден.

Каждый из отправившихся на поиски знал это, но никто даже думать не хотел, о том, что будет, если они не смогут отыскать детей. Мужчины шли вперед, преодолевая яростные порывы ветра, не обращая внимания на врезающиеся в лицо, слепящие глаза, колючие, твердые, заледеневшие снежинки. Всю ночь никто в селении не сомкнул глаз. Тех, кто вел поиски и возвращался согреться, растирали, поили горячим бульоном, и спустя некоторое время, они вновь уходили в темную клубящуюся мглу. Женщины грели воду в больших котлах. Варили похлебку для замерзших мужчин, жарили мясо. Мать пропавших детей стояла неподвижно возле малюсенького окна, через которое ничего невозможно было

рассмотреть. Она беззвучно повторяла молитвы, обращенные к Великому Оилу и его дочери Дерриан – повелительнице метелей и выюг, прося вернуть ей ее детей.

К середине дня выюга утихла. Выбившиеся за ночь из сил мужчины, вновь отправились на поиски. На этот раз женщины тоже пошли с ними.

Ругора и Сабилу так и не нашли. Родители были безутешны. Все селение погрузилось в печаль. Смерть ходила бок о бок с жителями горных долин постоянно. Условия жизни были таковы, что время от времени кто-то попадал под снежные завалы, погибал от лап хищного зверя во время охоты, бывало, что люди замерзали во время метели, заставшей их на открытом месте, когда они находились в пути. Но такого, чтобы в солнечный день, по дороге от одного селения до другого, расстояние между которыми всего-то миль семь, пропали уже не маленькие, а вполне самостоятельные четырнадцатилетний мальчик и пятнадцатилетняя девочка – такого никогда не случалось.

Конечно, в долину могла забрести стая волков, или даже снежная кошка, которая чрезвычайно опасна. Но Ругор бывалый охотник – без боя он себя и сестру на растерзание зверям не отдал бы. Конечно, случившаяся в ночь, после пропажи детей метель замела следы борьбы с диким зверем, но все же, все чувствовали, что что-то не так ... Что-то странное было в этом исчезновении и от того трагедия казалась еще более страшной. Необъяснимость случившегося придавала

событию особую мрачность и драматизм. Дикая звери почти никогда не доходили до этих мест. Слишком долгий путь, даже для них, по холодным, лишенным какой бы то ни было пищи снежной пустыне. Изредка волки появлялись здесь летом. А снежную кошку, пожалуй, так далеко от границы Алметин с низовьями, никто ни разу и не встречал.

Тигилай, едва сдерживая слезы, раздавленный горем отца потерявшего детей, с болью и тоской наблюдал день за днем как угасает жена, не в силах справиться с произошедшим ужасным, непоправимым несчастьем...

Глава 3. Предание

– Бабушка, расскажи сказку, – из-под толстой шкуры выглядывали озорные глаза.

– Цыц! Спите, негодные! – проворчала старая Аирим.

– Ну, ба! Ну, пожалуйста! Расскажи!

Уже две пары глаз смотрели на старуху. Она, делая вид, что сердится, сдвинула брови. Внуки хихикнули.

– Спите, говорю! – прикрикнула бабка.

– Бабулечка, ну пожалуйста! – маленькая Аните просительно посмотрела на нее.

– Страшную, про Алментинские горы, – уточнил Еши.

– Штаны обмочишь от страшной, – поддразнил, вырезавший возле очага, из кусочка дерева, фигурку быка, старший брат Замир. Еши возмущенно фыркнул. Вечно Замир его дразнит и смеется.

Аирим покосилась на внуков. Вот ведь напасть. Ночь уже, а им сказки подавай.

– Неужто, за день не умаялись?! Да и сто раз уж рассказывала, небось, слово в слово уж знаете... – проворчала она. Скрюченные, узловатые пальцы привычным движением вытягивали, из стоявшей у ног корзины, шерсть снежной козы, ловко сплетая ее в тонкую прочную нить.

– Бабушка, а почему Алметинские горы называют проклятыми? – решил схитрить Еши, в надежде, что бабушка нач-

нет сейчас отвечать на вопрос и заодно расскажет любимую детьми историю.

Старуха сердито шикнула.

– Тише, ты! Негодный! Услышит тебя Великий Оил и разгневается. Будешь тогда знать, как попусту языком своим болтать.

Дети замерли в трепете, немного напуганные, предупреждением старухи. Аирим прошептала молитву. Замиру тоже охота было послушать старое предание, которое просили дети.

– Ба, расскажи, они быстрее уснут, а то так и будут елозить в кровати.

Конечно ему уже семнадцать, даже почти восемнадцать. Почти взрослый мужчина. Но кто же не любит сказок? Особенно в уютной тишине, в жарком полумраке небольшой комнаты, когда огонь успокаивающе потрескивает в очаге, а весь остальной дом уже погрузился в глубокий сон после дневных забот. В углах прячутся густые, кажущиеся загадочными, скрывающими в себе что-то таинственное, тени. Самое подходящее время для занятой истории.

– Мы будем внимательно слушать. Тихо-тихо, – пообещала Аните.

– Да, ба, – подтвердил Еши. – И сразу уснем. Честно...

Старуха усмехнулась. Маленькие хитрецы. Где нужно – все соображают, знают как уговорить.

– Ладно, чтоб ни звука не слышала от вас, – предупредила

она. Дети закивали. – Расскажу уж, что с вами сделаешь.

Вздыхая, Аирим придвинулась поближе к горящему огню – старые кости требовали тепла. Дети, чуть дыша, боясь, как бы она не передумала, не смели торопить, хоть и сгорали от нетерпения, с трудом лежа спокойно и безмолвно на кровати под шкурой.

– Давным-давно, две тысячи лет назад, а может и еще больше, когда в низовьях не было еще и в помине княжеств, а все люди жили отдельными племенами, Алметинские горы были благодатнейшим краем, где всегда было тепло. Склоны гор и долины были покрыты густой травой и высокими деревьями, а о снеге и лютом холоде никто и слыхом не слыхивал. На обширных лугах пасся скот. У подножия гор лежали глубокие синие озера, в которых было полно рыбы. В густых лесах зверей и птиц было сколько хочешь.

Дети, никогда не видевшие, не то, что густого леса, но даже одного единственного деревца, не распиленного на дрова, а растущего из земли, не представлявшие ни синих озер, ни солнечного света, который бы не только ярко освещал землю, но и дарил тепло, слушали рассказ старухи, повторенный ею и впрямь уже не один десяток раз, как зачарованные. Не в силах даже представить все описываемые в нем чудеса.

– Жило в то время в Алментинских горах доброе, трудолюбивое племя. Люди племени занимались охотой, земледелием, разведением скота. Жили они в достатке и полном довольстве, потому что всего было хоть отбавляй. Кроме то-

го, в горных пещерах добывали они камни невиданной красоты. Искусные кузнецы делали для женщин племени красивые украшения. Часть камней алментинцы продавали. А в их жилищах стояли сундуки, доверху наполненные драгоценными камнями.

Старуха замолчала, и дети приподнялись в кровати, нетерпеливо глядя на нее. Аирим повернула голову, и внуки тут же юркнули обратно. Скрылись под шкурой с головой и замерли. Старуха улыбнулась.

– Не будете спать, не буду рассказывать.

– Мы спим бабушка, – пискнул тоненький голосок, и со стороны кровати послышалось громкое сопение.

– Негодники, – посмеиваясь, проворчала Аирим. Замир тоже сидел улыбаясь. Он знал, что бабка всегда специально пугала внуков, чтобы те не возились и не болтали.

– Однажды пришли в селение алментинцев люди, сказавшиеся купцами, прибывшими из далеких мест. Они желали купить камни и красивые меха, которые мастера были добывать местные охотники. Алментинцы были людьми гостеприимными, бесхитростными и открытыми. Гостей устроили на ночлег, наготовили угощений, устроили в их честь большой праздник. Только люди, пришедшие в селение, имели недобрые, черные помыслы. Были они такими же черными, как и их сердца. Во время пира подсыпали они сонное зелье в вино, и все мужчины в селении уснули беспробудным сном. А сказавшиеся купцами гости, достали спрятанное в

их повозках оружие и начали без всякой жалости убивать жителей селения. И спящих мужчин, и женщин, и детей, и стариков. Крик, стоны и плач неслись со всех сторон. Кровь залила землю и задрожала она от ужаса и вместе с ней и деревья, и холмы и горы. Никого не пощадили коварные, подлые убийцы. И когда не осталось в живых ни одного из жителей селения, начали злодеи ходить по домам, выносить из них сундуки с камнями и грузить их в свои повозки. Когда стали они ставить на повозку последний сундук, поднялся с земли старик. Был он тяжело ранен, истекал кровью, и жизнь еле теплилась в старом немощем теле. Поднял старик свои руки к небу и, собрав последние силы, закричал: «Великий Оил, создатель всего мироздания! Молю тебя, будь свидетелем того, что скажу я тем кто сотворил такое страшное зло, на благословенной тобою земле. Черна душа этих людей, черны их сердца и несут они в них огромное зло. Так пусть же воздастся им по их делам!». Один из убийц выхватил меч и направился к старику. Старик указал своей рукой на него и на его сообщников: «Проклинаю вас и ваши черные души. Пусть камни, ради которых вы загубили столько невинных жизней, не принесут вам ни богатства, ни радости, станут бесполезными для вас и принесут вам самим лишь боль, мучения и страдания. Проклятье это, будет лежать на вас до тех пор, пока хоть одна живая душа на земле не проникнется к вам чувством искренней благодарности, а этому не бывать!» – крикнул старик. Опустился на голову старика

тяжелый меч, и он упал мертвым к ногам убийцы. В тот же миг задрожала земля, пригнулись к земле деревья, и явился перед убийцами сам Великий Оил и три его прекрасных дочери. Ужас объял злодеев. Упали они перед божевами на землю и начали молить о пощаде. Грозно посмотрел создатель мироздания на убийц и обратился к своим дочерям, приказав им судить подлых убийц и воздать им по заслугам. Встали дочери Оила перед убийцами и произнесли им свой приговор. Старшая дочь Сели, повелительница тепла и света, приговорила их не видеть с этой минуты солнечного света и пребывать во мраке, таком же черном и непроглядном, как их собственные души. Зейра, царица животного мира трав, деревьев и всего что есть живого на земле, приговорила убийц к одиночеству, безмолвию и отсутствию вокруг них жизни, и повелела им пребывать во сне без сна – все чувствовать и все осознавать, но не иметь возможности двинуться с места. Младшая дочь Дериан, повелительница метелей и выюг, морозов и ветров швырнула к ногам убийц, обезумевших от страха, награбленные ими сокровища и повелела им пребывать в окружении одного лишь камня и вечного холода. «Вы хотели богатства и ради этого загубили целое племя, подлым и страшным образом. Отплатили за добро злом, – грозно сказала дочь Оила. – Вот ваши богатства. Они теперь принадлежат вам. Оставайтесь же с ними до скончания века, и пусть сознание того, что у ваших ног несметные сокровища, а вы не можете ими воспользоваться, принесет вам

еще большие страдания, чем тьма, неподвижность и одиночество». Дериан хлопнула в ладоши и поднялась страшная метель. Закружили ветры, повалил снег, скрывая под собой траву и деревья. В один миг замерзли синие озера. И благодатный край превратился в холодную, белую пустыню, окруженную неприступными горами, превратившимися из зеленющих холмов в голые безжизненные камни. Звери, населявшие долины, обратились в горных быков, коз, снежных кошек и волков и разбежались к границам холодного снежного края, поближе к теплу. А в самом сердце Алметин больше не было места ничему живому. Лесные птицы, распевающие песни, превратились в орлов и белых сов и последовали за зверями. А вокруг застывших в вечном сне без сна злодеев, встали неприступные скалы, одна из которых скрыла их самих в своих каменных недрах, навсегда закрывая от лучей света. «Заклятье это будет нерушимо, до тех пор, пока не исполнятся все слова проклятья, произнесенного стариком, а этому не бывать» – крикнула Дериан и взмахнула рукой. Вьюга улеглась, и Алметинские горы погрузились в мертвое безмолвие.

Огонь в очаге по-прежнему отбрасывал призрачные отсветы. По стенам подрагивали тени. Аните мирно посапывала, подложив под щеку маленькую ладошку, убаюканная рассказом.

– А где та скала, в которой спят сном без сна убийцы? – чуть слышно подал голос Еши.

– А ну, спи, негодный! – шикнула бабка. – Сейчас кликну отца, быстро тебе расскажет, кто, где спит.

Еши мигом нырнул в постель, укрывшись шкурой с головой.

– Нужно было вырвать каждому из убийц его черное сердце и заставить корчиться в мучениях, а не дарить вечный сон! Тоже мне наказание! – запальчиво сказал Замир.

– Ишь ты, какой! – усмехнулась старуха. – Божества не вырывают сердца злодеям. И не вмешиваются в дела людей. Люди творят много зла и много глупостей. Если бы не предсмертная мольба старика, Великий Оил ни за что не стал бы вмешиваться. Создатель мироздания, если пожелает, может послать удачу или исцеление от болезни. А решать дела между собой люди должны сами. И не забывай, что это предание, притом очень-очень старое. Кто знает, что из всего этого правда, а что нет. И наказание убийц, на самом деле страшное. Просто ты еще молод, Замир, и многого не понимаешь. Нет ничего ужаснее для человека, чем одиночество и тьма, которая не только вокруг него, но и внутри. Такой человек испытывает страдания намного более сильные, чем тот, кого подвергают жестокой пытке. Любую пытку можно вытерпеть, боль пройдет и закончится страдание. Ту же боль, которая живет внутри, человек ощущает постоянно, каждую минуту, день за днем, и она делает существование непереносимым.

Старуха отложила пряжу и, охая, пошла к своей крова-

ти. Заболтали ее внуки. Уж глубокая ночь, давно пора спать. Некоторое время спустя Замир тоже улегся. Но сон не шел. Вспоминался рассказ, хоть и слышанный много раз до этого, но всегда волновавший юношеское воображение, и слова сказанные старухой о том, какое наказание более страшное. Еши беспокойно ворочался в кровати, то ли видел тревожные сны, то ли тоже не спал, продолжая, как и старший брат, думать о злодеях. Только Аните посапывала, улыбаясь чему-то во сне, да бабушка в другом конце комнаты время от времени негромко всхрапывала, издавая протяжные, по-свистывающие звуки.

Глава 4. Сваты

Еши с завистью смотрел на отъезжающих. Он прекрасно знал, что его не возьмут, но ничего не мог с собой поделать. Поехать очень хотелось. Одна радость – Замир тоже остается дома, хоть он и намного старше. Ехать сватать невесту могут только мужчины, которым уже исполнилось двадцать зим. Замир тоже, то и дело, хмуро поглядывал в сторону готовившихся к отъезду, радостно улыбающихся, весело переговаривающихся между собой мужчин. Замир считал себя уже вполне взрослым. Да и побывать на большом веселом празднике в соседнем селении страсть как хотелось. Дома сплошная тоска. И из мужчин-то остаются только старый Мертига, которому давно уже за восемьдесят, да он сам и его приятель Орчи, который на год младше. Остальные и вовсе сопливые несмышлениши вроде Еши, так что они вообще не в счет. Замир вздохнул. Ладно, через несколько дней «сваты» вернуться с невестой и с гостями из ее селения, и тогда у них, здесь, устроят свадьбу. Будет большой праздник, несколько дней подряд. Тоже будет шумно и весело. Но уехать ненадолго из дома все равно хотелось...

Женская половина поселения наблюдала за отъездом мужчин со сдержанным спокойствием. Женщин сватать невесту не брали никогда, таков обычай. Да и дома женщинам всегда есть чем заняться. Скучать не приходится. Тем

более, нужно уже сейчас начинать готовиться к свадьбе. Девушки радостно улыбались, представляя, как приедут к ним в гости из Северного селения молодые парни. Как будут кружить они их в веселых танцах, петь песни и шептать нежные слова. Девичьи сердца от подобных мыслей замирали и начинали биться быстрее, на губах расцветали улыбки.

– Трогай! – крикнул Бернил, «старший» в селении. Караван из пяти саней, запряженных горными быками, тронулся в путь.

– Счастливой дороги! Легкого снега! Да пребудет с вами Великий Оил! Да уснут вьюги и метели и не скроют перед вами дорогу, и будет благосклонна к вам Дериан! – кричали вслед отъезжающим женщины, дети и старики.

Некоторое время спустя караван достиг границы долины и скрылся за цепью, гор.

– Добрый путь! – прошептала мать Замира, дождавшаяся вместе с ним момента, когда караван исчез из вида, и обняла старшего сына. – Не печалься, Замир. Оглянуться не успеешь, как сам будешь ездить с караваном за невестами для друзей, а потом и за своей суженой отправишься.

Мать засмеялась, а Замир фыркнул. Вот еще! Очень ему нужно жениться. Но, взглянув на радостно улыбающуюся мать, все же не удержался и тоже улыбнулся. Он в который раз подивился ее красоте. Отец всегда смотрит на мать полными любви глазами. Ей уже за тридцать, а она по-прежнему выглядит краше большинства молоденьких девушек.

Отец, как-то, когда был в веселом настроении, рассказал, как отбил мать у парня из ее селения. Родители сначала были против. Девушка уже просватана, не дело отказывать жениху, который вот-вот должен был заслать сватов, чтобы забрать невесту из родительского дома. Но потом, видя, как они влюбленно смотрят друг на друга, как сникают и страдают, слыша уговоры о том, что им нельзя быть вместе, потому что дело уже решено, махнули рукой и уступили. Замир вздохнул. Когда же уже ему тоже исполнится двадцать зим? Еще больше двух зим ждать!

– Замир, пойдешь, помоги старику, – кивнув на Мертигу, который с трудом потащил к себе в дом два полена, по одному в каждой руке, сказала мать. Замир побрел к соседскому дому. Он не прочь помочь немощному деду, но как было бы здорово сейчас ехать на санях с остальными! Петь песни, перебрасываться шутками, слушать интересные истории, которые мастера рассказывать его старшие приятели Волар и Периг, отправившиеся с остальными, потому что им уже по двадцать одной зиме.

–

Быки быстро бежали по твердому промерзшему насту, с легкостью увлекая за собой большие нагруженные сани. Кроме «сватов», которых вместе с женихом было пятнадцать человек, в санях были многочисленные подарки для невесты, ее родных и для всех жителей селения. Сладости для ребятишек. Лица у всех были радостные. Поездка была при-

ятной – повод-то самый, что ни на есть праздничный. Свадьба. Новая семья. Новое счастье. Скоро в селении прибавится ребятишек. Над снежной долиной разнеслась удалая песня, которую подхватили все ехавшие в санях.

– Ох, Карам, а ты знаешь, что с невестой-то делать? – подмигнул Периг жениху. Остальные захохотали. – Если, что не стесняйся, мы тебе всегда расскажем. Научим, что и как, чтоб ты не оплошал и молодая жена от тебя не сбежала.

– Языком чесать, ты научить можешь, это да, – весело отозвался нисколько не смутившийся жених. – На словах-то ты во всем горазд, это всем известно. Любого спроси, кто первый зубоскал и пустомеля, так, не задумываясь, ответят – Периг. – Карам засмеялся и мечтательно посмотрел вперед. День был ясный. Снежная дорога отличная, твердая и ровная. Через несколько часов, он, наконец, увидит свою ненаглядную Зарему и больше уже с ней не расстанется...

–

В Северном селении царило радостное оживление. Приезд гостей – это всегда великое событие. Мало того, что это большая радость, так еще и повседневная жизнь, в общем-то, размеренна и однообразна и так хочется порой праздника. «Сватовство» и вовсе праздник особенный. Самый радостный, желанный и веселый. Сваты привезут подарки, будет настоящий пир, с множеством угощений. Шумное веселье, песни, пляски. Будет рассказано немало веселых историй. Будут бесчисленные забавные розыгрыши. А потом начнут-

ся сборы в гости уже в селение жениха, не менее радостные и приятные. А там праздник продолжится самой свадьбой.

Женщины сновали возле печей, готовя все новые и новые кушанья. Не было ни одного человека, не занятого подготовкой к предстоящему событию. Морозный воздух возле домов пропитался вкусными, пробуждающими аппетит, дразнящими запахами. Из каждого дома пахло пирогами, запеченным мясом, похлебкой, киселем, грибами в сметане с травами, сладким печевом. Мужчины тоже находились в радостном предвкушении встречи с товарищами, вечерних посиделок с трубочкой табака и кружкой крепкого пива. Как и положено мужчинам, они вели себя более сдержанно, не выказывая излишнего нетерпения и не выглядывая то и дело во двор – не едут ли гости, но глаза радостно блестели, губы, то и дело, трогала улыбка.

Невеста, наряженная в праздничную алую рубаху, с заплетенными и убранными наверх толстыми темными косами, перевязанными яркими лентами, со вдетыми в них золотыми колечками, с замиранием сердца ждала, когда же наконец придет ее суженый, ее дорогой любимый Карам, лучше которого нет никого во всем свете. Ожидание было и радостным и томительным. Так и хотелось броситься на улицу и бежать навстречу любимому. «Скорей бы! Скорей бы!» – пело девичье сердце. Мать Заремы вздохнула и украдкой утерла слезы. Любимая дочь через пару дней уедет из дома, из родного селения к мужу. И не так далеко – полдня пути, а

материнское сердце разрывалось от предстоящей разлуки.

– Чего ревешь? Глупая, – ухмыльнулся муж, обнимая жену. Предстоящая разлука с дочерью печалила и отцовское сердце, но не дело мужчине показывать свои переживания. – Радоваться нужно – дочь замуж выходит, вон светится вся, улыбка с губ не сходит. А ты ревешь!

– Да я радуюсь, – махнула жена рукой. – Это я так... Ведь уедет, звездочка наша, из родного дома...

Мать Заремы снова всхлипнула, не в силах совладать с собой. Муж покачал головой – женщины, им лишь бы был повод, а уж слезы-то у них всегда наготове.

Гости задерживались. Уже начали опускаться на землю сумерки. Небо было ясное, и видны были загорающиеся то тут, то там звезды. Скоро уже весь небосвод был усеян светящимися точками.

– Что-то гости наши задерживаются, – проворчал один из стариков, гревшихся возле очага. Уже неплохо было бы выпить кружечку крепкого темного, пахнущего травами и медом пива за здоровье и счастье молодых.

– Может с выездом задержались? – пожал плечами другой старик. – А может в дороге чего?...

– Может...

На улице совсем стемнело. Караван давно уже должен был приехать в селение. Даже если в дороге, поломались, к примеру, одни из саней, или у быков порвалась упряжь, так что дальше ехать нельзя, пока не починят, кого-нибудь отпрати-

ли бы вперед, предупредить о задержке.

Собравшиеся в самом большом из домов, в ожидание гостей, обитатели селения начали испытывать некоторую досаду, постепенно, чем дольше длилось ожидание, переходившую в волнение, и затем уже в тревогу. Правда, в караване, наверняка человек пятнадцать, а то и двадцать взрослых сильных мужчин. Что может с ними случиться? Даже если сюда каким-то чудом забрела большая стая волков, такому большому количеству вооруженных копьями и луками людей они страшны. Волки не нападут, чувствуя, что сила не на их стороне, а и нападут, так бывалые охотники отобьются от них без особого труда. Снежный обвал? Дорога между селениями не проходит в тех местах, где случаются сходы лавин. Все пребывали в недоумении. Невеста уже всерьез начинала нервничать, хоть и старалась не подавать вида. Все сильнее всех присутствующих охватывало беспокойство. Прекратились веселые пересмеивания. Девушки не заводили больше песен, как днем, во время подготовки к празднику. Даже дети притихли, не осмеливаясь приставать к взрослым с вопросами, когда же уже можно будет сесть за стол и начать есть многочисленные вкусные блюда, расставленные на нем. В доме, под крышей которого собралось больше, полусотни человек, было непривычно тихо. Только огонь потрескивал в печи и очагах в разных концах дома, да звучали, время от времени, отдельные слова, брошенные кем-то из присутствующих, чуть ли не шепотом.

Когда уже не женщины и молоденькие девчонки, начали выглядывать на улицу, что бы посмотреть не едут-ли долгожданные гости, а наоборот взрослые, всерьез обеспокоенные мужчины, и уже даже стали подумывать, не поехать ли на встречу каравану посмотреть, что там могло приключиться, во дворе, наконец, послышался шум. Захрустел заледеневший снег. Все разом повернули головы к двери. Зарема привстала со скамьи, с горящими глазами и пылающими алым, в цвет рубахе, румянцем щеками. Аюрмал, как «старший» из мужчин селения, шагнул к двери, чтобы поприветствовать гостей как положено, по всем правилам. В это мгновение, дурачок Ирита́й, неподвижно сидевший, как и во все другие дни после своего «ночного» приключения, в дальнем углу комнаты, вскочил с места и, глядя на собравшихся диким взглядом, во весь голос заорал. Женщины вскрикнули. Даже мужчины вздрогнули от неожиданности.

– Бя! – закричал Ирита́й, мечась по комнате, тыча пальцем в сторону двери и вращая глазами. На губах у него выступила пена. – Бя!!!

Аюрмал уже открыл рот, чтобы прикрикнуть на дурака, но Ирита́й снова заорал, еще страшнее и пронзительнее, чем перед этим, а затем завыл и одновременно зарычал как зверь. Тут уж не только женщины заохали и уставились на него испуганно. Мужчинам тоже стало не по себе. Кто-то прошептал молитву, кто-то дотронулся до оберега на груди. Ирита́й начал бросаться из стороны в сторону, выкрикивая что-то

непонятное, перемежая выкрики с воем и рычанием.

– Замолчи, безумный! – вскочив с места, закричала Зарема, сотрясаясь всем телом от ужаса и рыданий, подступивших к горлу. – Беду накличешь, дурак пустоголовый!

Иритай, не обращая внимания на слова девушки, как будто не замечая никого вокруг, продолжал кружить по комнате и кричать. Дети заплакали, женщины запричитали, начали читать молитвы. Распахнулась дверь, и в жаркий натопленный воздух ворвались порывы морозного, обжигающего кожу ветра.

Глава 5. Тени во тьме

Жители Западного селения, или как называли его алметинцы, Крайнего, потому, что сразу за ним начиналась цепь неприступных, непроходимых для человека гор, на праздник «сватовства» к своим ближайшим Северным соседям не поехали. Заранее отвезли подарки для молодых и выразили свою искреннюю радость по поводу предстоящего события. После исчезновения Ругора и Сабилы прошло два месяца. В селении все еще был траур. Не дело ехать веселиться, после того, как произошла такая страшная трагедия.

К вечеру воздух стал таким морозным, что Дамира, навещавшая несчастную мать пропавших детей, пустилась к дому чуть не бегом. Холод проникал даже сквозь толстый мех шубы из горного быка. Дамира потеряла лицо, а то можно и щеки и нос обморозить. Холодный воздух был наполнен острыми кружащимися снежинками. Вроде вечер был такой ясный. Все, хоть на праздник и не поехали, порадовались, что «сватам» досталась легкая дорога, ясная, безветренная и не слишком морозная. А потом поднялся ветер, небо заволокло тучами, и пошел снег. Не иначе, ночью разыграется метель. Дамира побежала еще быстрее. Лицо уже горело и руки, даже сквозь рукавицы начинали подмерзать. Видно мороз-то усилился не на шутку, просто невозможно терпеть. Сзади, сквозь завывание ветра слышался звук, как будто

ломается замерзший снежный наст. Дамира оглянулась, пытаясь, сквозь снежную, кружащуюся муть, разглядеть, чтобы это могло быть. Может, один из быков бродит? Как он умудрился проломить снег-то в такой лютый холод? Снег смерзся как камень, ему даже копыта быка нипочем. В темноте, да еще во время метели разглядеть, что то почти невозможно. Если это бык, то уж он-то не пропадет, главное, чтобы ногу не повредил, если и впрямь в снег провалился. Умное животное найдет дорогу в любую метель и не замерзнет, какой бы мороз не ударил. Когда Дамира уже начала поворачивать голову в сторону дома, ей показалось, что мелькнула какая-то тень. Снова что-то хрустнуло.

– Тикай! Тикай! – стараясь перекрычать ветер, крикнула женщина. Бык не отозвался.

Дамира побежала к дому. Она была уже у самой двери, когда снова послышался хруст снега.

– Тикай! – позвала она.

В ответ слышно было только завывание вьюги. Дамира постояла в нерешительности. Пальцы рук и ног начинали неметь. На таком морозе невозможно стоять, даже несколько секунд. Руки и ноги моментально замерзают.

– Тикай!

Снова почудилась мелькнувшая тень. Хотя, какая тень может быть ночью во время вьюги, когда на расстоянии вытянутой руки ничего не видно? Дамира вошла в дом.

– Где ты ходишь? – сердито проворчал муж, но во взгляде

его читалось волнение. – Метель и мороз страшный. Я уж думал идти тебя искать.

– Арид, там, кажется, бык бродит, наверное выбрался из загона. Я видела какую-то тень и слышала, как снег хрустит...

Муж махнул рукой.

– Не болтай. Какая тень? Какой снег хрустит? Метель. Ветер воет. Снег твердый, что его только топором и прорубишь. Тебе все показалось. А если и впрямь бык, так ничего страшного. Они любую бурю спокойно переносят, сама знаешь. Ничего с ним не случится. В другой раз будет знать, как уходить из-под крыши и от еды, – муж улыбнулся. Он и впрямь волновался за жену и обрадовался, что она, наконец, пришла. После пропажи Ругора и Сабилы, всякие мысли в голову лезут...

Дамира кивнула и пошла к очагу, разогревать ужин. Но, почему-то она никак не могла выкинуть из головы то, что как считает муж, ей почудилось и послышалось. Арид прав. Услышать или увидеть, что-то во время вьюги, почти что невозможно. Но она была уверена – она видела и слышала.

Глава 6. Свадебный караван

Караван, уехавших мужчин, а заодно и караван гостей, которые приедут на свадьбу, ожидали назад на третий-четвертый день, после отъезда.

За подготовкой к важному событию время пролетело незаметно. Женщины занимались готовкой, украшением домов. Замир и Орчи, после случившейся в ночь после отъезда каравана метели, два дня расчищали снег, которого навалило чуть не на метр в высоту. Сбрасывали снег с крыш, расчищали тропинки между домами. К вечеру руки отваливались от махания топором и работы деревянными скребками для расчистки снега. Следующие два дня мальчишек заставили помогать на кухне. Носить дрова, таскать припасы из погребов и из амбара, где хранились запасы муки, круп, вяленого и мороженого мяса. Девушки, занятые готовкой, чувствуя свою власть в данный момент, со смехом гоняли молодых ребят по делу и без дела – принеси то, унеси это. Замир и Орчи совсем умаялись и уже не знали, что хуже: убирать мерзлый снег или быть на побегушках у разошедшихся, шаловливых девчонок, то и дело придумывавших совсем бессмысленные и бесполезные поручения, просто из озорства. На четвертый день все было готово к встрече гостей. Начиная с обеда праздничный караван ждали с минуты на минуту, но наступила ночь, а гости так и не приехали. Конечно,

все испытали некоторое разочарование. Но никто особенно не удивился. Загуляли в Северном селении. Пир по случаю сватовства затянулся. Видно двух дней показалось мало и решили и прихватить и третий. Значит веселый праздник. А там еще день на сборы, значит, свадебная процессия пребудет завтра.

– Ну, ничего, – улыбнулась мать. – Зато, мы все как следует подготовили. Сегодня отдохнем, а завтра с новыми силами встретим гостей, и тоже будем праздновать. – Она засмеялась. – Они-то приедут уставшие, квелые. А мы будем свежие, повеселимся от души. – Мать потрепала темные кудри сына.

Замир был не согласен с подобным утверждением. Он и сейчас был полон сил и готов гулять и веселиться. Ему не терпелось поскорее встретиться с товарищами. Хотелось, чтобы праздник уже побыстрее начался. А то они там все гуляют, уже целых три дня, а он здесь целыми днями снег чистит, да выполняет глупые поручения по хозяйству, половина из которых просто выдумка вредных девчонок, вообразивших себя невесть кем.

Первую половину дня накрывали столы – сегодня-то уж мужчины и гости точно приедут. Женщины и тут не упустили своего, пользуясь временной властью обретенной над мужчинами – отправили Замира и Орчи выколачивать шкуры. «Займитесь делом, а то только под ногами путаетесь. Мешаетесь только», – с важным видом заявила шестнадца-

тилетняя Тамлу, указывая ребятам на ворох шкур, которые нужно было выбить. Замир и Орчи одарили разважничавшуюся девчонку хмурыми взглядами. Ничего, праздник закончится, они ей устроят. Командирша нашлась!

После обеда Замир то и дело выскакивал на улицу, посмотреть, не показался ли вдали, возле гор караван. Еши выскакивал вслед за старшим братом и, в конце концов, мать прикрикнула, что они оба и сами наглотаются ледяного воздуха, выскакивая раздетые, и выстудят весь дом, постоянно открывая дверь.

– А ну уймись! Замир! Такие страшные морозы! О чем ты думаешь?! Ты же старший!

Замир показал младшему брату кулак – из-за него он теперь даже не может посмотреть, когда же появится караван. Он бы с радостью отправился навстречу, несмотря на и впрямь лютый мороз, но не положено ехать встречать караван, везущий невесту. Примета плохая. Хотя Замир считал, что примета глупая. Чем это может повредить будущей семье? Или он не видел невесту раньше? Сто раз видел, а тут вдруг нельзя. Чушь, а не примета.

Он уселся у очага вырезать новую фигурку из дерева. Когда они ездили в низовья, хоть туда-то его, слава Оилу, уже брали, Замир видел красивую черную, переливающуюся синим и зеленым птицу. Вот такую птицу он и решил вырезать. Подарит сестре с братом, Аните обожает слушать рассказы про птичек, которые живут в низовьях, ей кажется, что это

самые прекрасные создания. Вот пусть и порадует. Замир так увлекся вырезанием, что даже забыл ненадолго о предстоящей свадьбе. Время незаметно приближалось к закату.

– Может, случилось что в пути? – с легким беспокойством в голосе, сказала мать, и накинув шубу, сама выглянула за дверь. На улице уже начало темнеть. Каравана не было.

На следующий день, и в наступивший за ним еще один день, караван так и не приехал. Никто, из оставшихся в Южном селении не знал, что и думать. Никакого объяснения такому долгому отсутствию не было. Всех одолевали тревожные мысли. Что-то случилось. Только вот что?

Мать ходила туда и обратно по комнате, в которой уже два дня как должны были пировать гости. Взгляд прекрасных глаз был тревожным, растерянным. На бледном лице застыл страх, который она пыталась скрыть от детей.

– Не знаю даже, что и подумать, – вполголоса, чтобы не услышали младшие, сказала она Замиру.

– Завтра утром мы с Орчи поедem в Северное селение, – сказал Замир, твердо глядя матери в глаза. Пусть он не достиг возраста взрослого мужчины, но сейчас он старший мужчина в их селении, и вправе принимать решения. Мать в отчаянии протянула руки к сыну.

– Замир!... – в ее голосе слышались мольба и отчаяние.

– Он прав. Они должны поехать, узнать, что произошло, – сказала Аирим, с хмурым видом, сидевшая возле очага. Она как и остальные терялась в догадках по поводу случившего-

ся, но в том, что произошло что-то дурное она была уверена. Мать обессиленно опустила руки и молча пошла к себе. На глазах у нее дрожали слезы.

—

— Как ты думаешь, что могло случиться? — вглядываясь в ровную белую поверхность долины, простирающуюся до едва видных впереди голубовато-серых гор, спросил Орчи, легонько направляя поводьями движение быков.

— Я не знаю, — честно признался Замир. На душе было тяжело. Что-то нехорошее случилось. — Я боюсь, что случилось что-то... плохое...

Орчи кивнул. Что-то и впрямь произошло, раз мужчины их селения, их отцы, старшие братья, родные и соседи, а заодно и жители Северного селения не приехали на свадьбу. Один, даже два дня задержки, еще можно было как-то объяснить. Но четыре. Что-то произошло, и вероятно, какая-то беда. Орчи был на одну зиму младше Замира. По хорошему, им обоим полагалось сидеть дома, но в селении остались только женщины, дети, старики и они — одному семнадцать зим, другому шестнадцать.

Спустя два часа они достигли гор, казавшихся, когда они только въехали в долину, крошечными бугорками на горизонте. На самом деле, гряда, опоясывающая соседнюю с их селением долину, по которой они сейчас ехали, возвышалась, чуть не до самого неба. Горы были огромны. Если бы не удобный широкий проход, образованный, вероятно сот-

ни, а может быть и тысячи лет назад, их невозможно было бы преодолеть.

За горами располагалась еще одна долина поменьше, а за ней Северное селение. Оставив позади дорогу пролегающую между гор, быки вновь помчали сани по твердому сверкающему насту снежной равнины быстро и резво.

Замир подумывал о том, не дать ли животным отдых, когда Орчи, заметив, что-то в стороне от саней, притормозил, натянув кожаные ремни упряжи.

– Смотри! – он показал, на то, что торчало из снега, в нескольких десятках метров от остановившихся саней. Из ровной белой поверхности примерно на полметра в длину из снега выступало что-то тонкое и вытянутое, покрытое заледеневшей белой коркой.

Ребята спрыгнули с саней и, попробовав наст на прочность, исключительно по привычке, даже быки не проваливались, настолько сильно все подморозило, резво побежали к находке.

Замир, не в силах оторвать взгляд, от торчавшего из снега предмета, ухватился за него и с немалым трудом вытащил из снега. Это было охотничье копьё. Орчи посмотрел на приятеля. В глазах его была тоска и осознание чего-то неотвратимого и страшного. Ни один охотник не оставит свое копьё торчать в снегу. Слишком ценятся здесь в горах, где нет ни единого деревца, такие вещи как стрелы, луки и копьё. Вообще все, что сделано из дерева.

Замир не отрываясь смотрел на копьё. Тело у него застыло, отказываясь двигаться. И мысли в голове застыли, противясь осознанию напрашивающегося вывода, что тот, кому принадлежит копьё, оставил его здесь потому, что сам он уже мертв. Это единственное объяснение, того, что копьё торчит из снега посреди горной долины. Еще одна метель скрыла бы древко копья полностью, и они бы уже не нашли его. И даже не догадались бы, что что-то произошло на этом самом месте. Выйдя из состояния оцепенения, ребята вновь переглянулись и оба, разом, бросились к саням. Схватив скребки и топоры, побежали обратно. Ловкие, сильные руки заработали с невероятной быстротой. Топоры взлетали и опускались на промерзший снег. Тут же снова взлетали и опускались. Уже через несколько минут обоим стало жарко. Пот стекал со лба из-под толстых капюшонов, спины под шубами взмокли. Оба тяжело дышали, оба не останавливались ни на минуту. Когда снег стал чуть податливее, в ход пошли скребки. Мальчишки наклонялись, и через секунду в сторону летел полный скребок снега. И так раз за разом. Бессчетное множество раз. Кровь тяжело стучала в висках. Сердце бухало. Внезапно скребок Замира наткнулся на что-то твердое. Он свесился в выкопанную ими яму и заработал руками, пригоршнями выгребая снег. Орчи вовсю помогал.

Невидящими, побелевшими, превратившимися в две застывших льдинки глазами, в небо смотрел Периг. Шутник и весельчак, всеобщий любимец, лучший певец на все три

селения, знавший множество шуток и еще больше историй смешных и страшных, сказочных и случившихся в действительности. Замир застыл над покрытой кристалликами льда, как будто поседевшей головой друга. Он хотел закричать, но не мог. Легкие, как будто сжались, превратились в крошечный комок. Орчи всхлипнул и отшатнулся от ямы. Замир услышал, что он дышит часто-часто и тяжело, как уставший от долгого быстрого бега бык. Минуту спустя Орчи снова нырнул в яму и заработал скребком еще яростнее и быстрее чем прежде. По щекам его катились слезы и тут же замерзали, а из глаз уже выкатывались новые, застывая поверх предыдущих. Замир тоже заработал скребком, отчего-то повторяя, то ли вслух, то ли мысленно, он и сам не знал: «Великий Оил, Великий Оил...».

Рядом с Перигом был Волар. У него было разорвано горло. Рана была страшная. Шуба и снег вокруг потемнели от замерзшей крови. Застывшее лицо казалось удивленным.

Замир и Орчи, не останавливаясь, копали до темноты. Быки жалобно начали мычать, сообщая о том, что проголодались, но ребята не обращали внимания на призывы животных. Они продолжали копать. Когда Орчи наткнулся на отца, он всхлипнул и заплакал во весь голос, но не остановился, а продолжил все дальше и дальше перекапывать замерзший снег. Здесь были и Карам, так и не доехавший к своей красавице Зареме. И Бернил – теперь в их селении нет больше «старшего» из мужчин. Теперь у них вообще нет мужчин.

Есть только вдовы, сироты и старые, немощные старики. Когда уже совсем стемнело, мальчишки нашли отца Замира. Отчего-то Замир подумал о матери, как потемнеет ее прекрасное лицо от горя. Как погаснут глаза. Уйдет с губ улыбка... Замир закричал. Его крик разнесся над долиной. А потом прокатился эхом, вторя ему, повторяя... Замир повернул голову и увидел, что это Орчи также как и он кричит во весь голос.

Они откопали всех. Все пятнадцать, уехавших сватать невесту соплеменников были здесь. Замерзшие, неподвижные. Со страшными белыми глазами. Со страшными ранами на телах.

Покачиваясь от усталости, мальчишки побрели к саням. Нужно было доехать до следующей долины. Жители Северного селения, помогут отвезти тела погибших. Нельзя оставлять их здесь. Вьюга заметет их, и тогда их уже не найдешь. Странно, что за столько дней жители Северного селения не начали беспокоиться, что гости, о приезде которых они знали, и естественно готовились к встрече, так и не появились. Но мальчишки были настолько потрясены и так сильно устали, что эта мысль просто мелькнула в их головах, не вызвав особого интереса или тревоги.

Почти ничего не соображая и не чувствуя они проделали остаток дороги.

Глава 7. Селения

В Северном селении было темно. Ни одно окошко, с помощью которых ориентировались в темноте жители, и те, кому случалось приехать в селение после захода солнца, не светилось. Замир и Орчи переглянулись. Сердца, казалось, уже потерявшие после сегодняшнего всякую способность чувствовать, вновь сдавило недоброе предчувствие.

Глядя перед собой невидящим взглядом, оба паренька пошли вперед. Только теперь, когда они подошли совсем близко к домам, в свете звезд и ярко светившей полной луны, они увидели, что Северного селения больше нет. Большая часть домов стоит наполовину разрушенными. В загоне нет ни одного быка. Мальчики вошли в ближайший из домов. Замир чиркнул огнивом и зажег пропитанную смесью жира и смолы лучину. В доме было холодно и пусто. Стены мебель, коврики на полу – все покрывал толстый слой инея.

В одном из домов рядом с дверным проемом лежала мертвая старуха. Тело, как и все внутри дома покрывал толстый слой инея, и о том, что это старуха они догадались, по зажатой в застывшей руке, палке. Двери в доме не было. Ее буквально выдернули вместе с петлями, судя по вывороченным из косяка кусками дерева.

Шатаясь, не видя ничего, не думая ни о чем, они добрались до самого большого дома. Часть дома развалилась почти до

основания. Сквозь проломы в стенах во время метели внутрь нанесло снега. Ничего невозможно было рассмотреть. Но Замиру и Орчи не требовалось вновь раскапывать снег, чтобы узнать, что там под ним. Они и так знали, что там те, кто готовил праздничную встречу. Хозяева, не дождавшись гостей, не забеспокоились потому, что их больше уже ничего не беспокоило – они были мертвы, также как так и не доехавшие до них гости.

Замир посмотрел на приятеля. Глаза у него были пустые, безжизненные. И голос тоже звучал безжизненно, равнодушно.

– Сейчас покормим быков и поедem в Крайнее селение.

– Да, – ответил Орчи таким же безжизненным, бесцветным голосом.

–

Они увидели мерцающий огонек, едва въехали в долину. Чем ближе они подъезжали, тем отчетливее видели, что огонек, указывающий путь в ночи, в самом удаленном селении от их собственного, всего один.

Большая часть домов была разрушена, но несколько остались целыми. Мальчишки направились к тому, где горел свет. Перед очагом, как попало, были свалены поленья. Целая гора. Огонь горел ярко и радостно, создавая ощущение, что все в порядке, ничего не произошло и все плохое им только привиделось. Комната, судя по обстановке была «общей», той, где семья собиралась за столом, где принимали

гостей, играли дети, разговаривали взрослые. Где проходили милые и уютные вечера, после долгого дня, наполненного работой и заботами, где звучал смех, где обитатели дома были счастливы... Напротив очага, прямо на полу сидела скрюченная фигурка, закутанная в шубу, несмотря на то, что в комнате было очень жарко натоплено.

Замир подошел поближе.

– Эй!

Его глаза встретились с огромными испуганными глазами. Увидев перед собой двух парней из Южного селения девочка скривила рот, разинула его, и издав тоненький протяжный писк, завывала во весь голос. Замир обнял ее и прижал к груди. Худенькое тельце вздрагивало в его руках, сотрясаясь в рыданиях. Замир чувствовал, как горячие, обжигающие слезы падают на его руку.

Он хотел спросить, что случилось, но не мог. Он не мог произнести ни слова, и даже не знал, хочет ли он услышать, ответ на вертевшийся в голове вопрос, почему изо всех жителей двух селений они нашли только ее. Одну маленькую перепуганную девочку, сидящую перед жарко горящим очагом, спасающуюся от холода и собственного страха, от того, что ей пришлось пережить, свидетельницей чего пришлось стать.

– Они... Они... – всхлипывая, попыталась сказать девочка и снова расплакалась.

– Все. Успокойся, – глядя светлые, растрепанные волосы,

ласково сказал Замир, найдя, наконец, в себе силы заговорить. – Успокойся, Лиа.

Девчонка затихла, продолжая беззвучно вздрагивать всем телом. Постепенно она замерла в его руках. Слышалось только тяжелое, прерывистое дыхание. Глаза у нее закрывались, вероятно, она долго не спала, то ли боялась, то ли не могла уснуть. Замир довел ее до лавки застеленной мягкой шкуркой. Она легла и тут же уснула.

– Что происходит? – хриплым голосом спросил Орчи.

– Не знаю, – покачал головой Замир. – Нужно поспать. Завтра с утра едем домой.

Голос у него дрогнул. Орчи кивнул и отвел глаза. Оба подумали об одном и том же, и эта мысль была еще ужаснее, чем все, что они пережили за сегодняшний день.

Глава 8. Возвращение

– Я не видела, что случилось, – глядя вдаль, сказала Лиа. Она говорила отрывисто, стараясь сдержаться и не заплакать. – Мама пошла проведать соседку, мать пропавших Ругора и Сабилы. Замир и Орчи кивнули, в знак подтверждения того, что печальная весть дошла до их селения.

– Она после этого слегла, а в последние дни совсем стала плоха. Боялись, что она долго не протянет...

Девочка тяжело вздохнула. Пару минут она молчала, собираясь с силами продолжить рассказ.

– Когда мы пришли, несчастная попросила сварить кисель. Мама обрадовалась – она почти ничего не ела, а тут вдруг попросила... Я спустилась в погреб за ягодами, но никак не могла их найти. А потом... – Лиа всхлипнула, но взяла себя в руки и продолжила: – Потом раздался страшный грохот и крики. И мама закричала: «Лиа, не выходи! Сиди там! Не смей выходить!». Потом снова что-то загрохотало, я услышала мамин крик...

Она тяжело дышала. Слезы душили ее, но она все же закончила рассказ:

– Я очень испугалась. Не знаю, сколько времени я просидела в погребе. Я очень сильно замерзла. Сверху ничего больше не было слышно. Я хотела выйти, и боялась... В конце концов, когда я больше уже не могла терпеть холод, и

лучины у меня закончились, осталась последняя, я подняла крышку погребца и выглянула. В доме было темно. И холодно – дверь была распахнута... Когда я поднялась по ступенькам... я увидела маму... Она лежала с открытыми глазами, и я сначала подумала... что она просто лежит... Я подошла и поняла...

Она заплакала.

– Во всем селении никого больше не осталось... Все умерли... Вернее их всех убили... И я не знаю кто! Кто мог такое сделать?!

Замир помотал головой

– Мы не знаем, Лиа...

Она печально посмотрела на него.

– Я натаскала дров, и сидела возле огня. Я не знаю сколько. Я боялась спать. Я боялась выйти из дома, боялась всего... И я думала, что зря мама велела мне не выходить... Лучше бы я тоже умерла тогда... Сразу... – тело ее вновь начало содрогаться от рыданий.

– Успокойся, – Орчи обнял ее и прижал к себе, покачивая как маленькую. В глазах у него была ненависть – ненависть к тем или к тому, неведомому, неизвестному, кто сотворил такое. Его душа жаждала мести. Орчи сжал свободной рукой рукоять охотничьего ножа отца, который он забрал, когда они откапывали мертвые тела из-под снега. Они отомстят. Обязательно отомстят. Они заставят ответить того, кто погубил их родных, близких, друзей. Взгляд у него

был страшный.

—

Было еще светло, поэтому они сразу увидели все. Лиа тоненько пронзительно заголосила. Орчи замер, лицо его бледное, перекошенное страданием, превратилось в маску. Замир зажмурил глаза, замотал головой.

Они опоздали совсем немного. Над крышей одного из домов из трубы еще поднимался, уходя в морозный воздух, прямо вверх, уютный дымок. Половина дома была разрушена, а дым из трубы продолжал идти. И это было ужасно страшно. Страшнее всего, что им довелось увидеть за эти два дня. Потому, что совсем недавно, возможно в то время когда их сани ехали по тропе между гор, окружавших долину, все здесь было еще по-прежнему. Была жизнь, такая же, как всегда, привычная и размеренная. Были люди. Близкие им, любимые и родные. И все они были живы. А сейчас ничего не осталось, кроме разрушенных домов, ледяного безмолвия и струйки дыма, идущей из трубы уже не существующего и никому не нужного дома. Возможно там, в уцелевшей части дома на печи продолжает готовиться вкусная похлебка, которую уже некому есть...

— Нет!!! Нет!!! Нет!!! — заорал Замир, чувствуя, как легкие разрываются от этого дикого крика. — Нет!...

Прямо на снегу, среди развалин, у загона для быков лежало что-то темное, бесформенное. Только вернувшиеся домой мальчишки, и приехавшая с ними Лиа абсолютно точ-

но знали, что это. Это тела их соплеменников. Тех, кого они видели каждый день, с кем смеялись, разговаривали, делили радости и горе.

– Аaaa! Аaaa! – казалось, сердце вот-вот разорвется от невыносимой боли. Больше всего Замир хотел, чтобы оно и впрямь разорвалось. Потому, что жить больше было не зачем. Их жизнь закончилась. Вчера. В тот момент, когда они достали из снега копье. Они еще не знали об этом тогда, но их жизни больше не было. Ничего больше не было...

На неслушающихся ногах он дошел до того, что осталось от дома, в котором еще несколько дней назад так счастливо жила его семья. Дом, в котором царила любовь и радость, звучал смех, звонкие голоса Еши и Аните... Замир дернул перекосившуюся, болтающуюся на одой петле дверь. Он обрушился на нее с яростью. Вырвал оставшуюся петлю и отшвырнул тяжелую дверь, которую в другое время с трудом смог бы даже приподнять, далеко в сторону. В доме все было перевернуто. Стены уже подернулись тонким, полупрозрачным слоем инея. Задней части дома больше не было, вместо стены видны были горы и белые сугробы. А прямо рядом с домом, раскинув руки в стороны, лежала маленькая женская фигурка. Глядя перед собой безумным, застывшим взглядом, Замир прошел через разлом в стене и опустился на колени перед неподвижной фигуркой.

– Мама... – просипел он едва слышно. – Мама...

Она смотрела вверх, в сияющую прозрачную голубую

высь. Густые черные волосы разметались по белому снегу. Лицо было как всегда прекрасным, только не живым. И кожа почти такая же белая как снег. В середине груди у нее была большая глубокая рана. Шуба была залита кровью. И снег вокруг в алых брызгах, а рядом с телом он весь сделался красным. Сначала Замир даже не обратил на это внимания... Он затрясся от беззвучного плача. Слез не было, тело просто содрогалось в конвульсиях. Возможно, даже слезы у него закончились...

– Мама...

Замир отнес тело матери в дом, в их с отцом спальню, положил на постель и прикрыл ее шкурой. Интересно, она встретилась с отцом, там, где они сейчас? Мысль мелькнула и исчезла. Он не мог думать. Он не мог думать о них. Если он начнет думать сейчас, он сойдет с ума.

Он вновь вышел на улицу, обошел обломки разрушенной стены, валявшиеся на снегу. Внезапно слух уловил едва слышный шорох и тоненький звук, похожий на писк или всхлипывание. Замир застыл на месте.

– Эй! – позвал он, неуверенно. Скорее всего, воображение разыгралось, не выдержав всех потрясений. Снова, что-то пискнуло. Замир бросился к груде камней, в которую превратилась стена дома.

– Эй! Кто здесь?! – дико вращая глазами, закричал он, с непонятно откуда взявшейся силой, отбрасывая в сторону тяжелые камни. – Эй!

Ему показалось, что он услышал слабый голос. Замир еще яростнее заработал руками.

– Помогите!!! Орчи! Лиа! – срывающимся голосом крикнул он, как безумный, продолжая ворочать непреподъемные каменные глыбы. Сердце бухало в груди, как будто собиралось вот-вот разорваться. – Эй! Кто там?! Сейчас, сейчас... Эй!!!

Услышав крики, Орчи вынырнул из охватившего его оцепенения. Выпустив из объятий тело матери он осторожно опустил его на снег. Орчи нашел ее неподалеку от загона для быков, наверное, она шла накормить их. И не дошла... Шуба была порвана, на боку. Большой клочок меха был вырван вместе со шкурой. В дыре виднелась, уже начинающая замерзать вытекшая из раны кровь. Еще час и она превратится в кусок льда. Только не белого, а темно-бурого. На лице удивленное, даже немного обиженное выражение. Рыжие волосы, собранные в высокий пучок, съехали на один бок, несколько волнистых прядей разлетелись в разные стороны, придавая ей задорный вид. Как будто она только что танцевала на каком-нибудь празднике, да так лихо, что прическа растрепалась. А потом просто решила прилечь ненадолго, отдохнуть. Даже кожа с россыпью золотистых веснушек еще хранила нежный розово-бежевый оттенок. Если бы не темное, застывающее пятно на боку, в том месте, где порвана шуба... Орчи всхлипнул.

Он пошел в ту сторону, откуда раздавались крики. Уви-

дев друга, с яростным рычанием отбрасывающего в стороны камни, и рядом с ним, пытающуюся помочь Лиа, Орчи побежал. Ему нужно было выплеснуть свою ненависть, свою боль. Он подбежал к завалу и с такой силой отшвырнул камень, что тот пролетел несколько метров. Орчи схватил следующий.

– Осторожно! – Замир указал рукой. – Там.

Втроем они с осторожностью приподняли большой камень, который лежал под наклоном, упираясь на другие, размером поменьше.

Маленькая дрожащая рука потянулась к Замиру.

– Еши! – Замир подхватил маленькое худенькое тельце, совсем заледеневшее на морозе, и прижал к себе с такой силой, что младший брат заревел. – Еши!

– Замир! – дрожащие ручонки вцепились в шею Замира.

– Еши! Еши! – смеясь и плача, повторял Замир. Он чувствовал, как по щекам катятся слезы. Значит они все-таки не закончились. – Братишка!

– Холодно! – стуча зубами, сказал Еши. На нем были домашние штаны и рубаха из тонкой шерсти. Замир сбросил шубу и завернул в нее брата. Еши посмотрел на рухнувшую стену. – Там Аните и ба...

Замир отдал братишку Лиа и они с Орчи снова принялись раскидывать камни. Лицо у Замира было напряженное, застывшее. Глаза горели пугающим огнем. Сейчас, под этим камнем или под следующим, они найдут тело его маленькой

сестренки и бабушки. Замир гнал мысли прочь. Он должен. Должен их найти. Он вынесет это. Он не может оставить их под камнями. Он должен и он это сделает...

– Смотри! – Орчи убрал очередной камень. На них смотрели темные, испуганные блестящие бусинки глаз.

– Аните!... – выдохнул Замир, все еще боясь поверить, что малышка жива.

Рядом с Аните лежала бабушка. Она тяжело дышала, глаза были закрыты. Один из камней придавил ногу. Орчи с Замиром осторожно убрали камень и вдвоем приподняли тело старой Аирим. Старуха застонала.

– Замир! – дрожащая сморщенная рука потянулась к щеке внука и бессильно упала.

– Ба...

–

В очаге жарко горел огонь. Дети отогрелись, поели и крепко спали укутанные шкурами.

Старая Аирим лежала возле самого очага. Дыхание у нее было слабое, прерывистое, воздух выходил из груди со свистом и хрипом.

– Что произошло, ба?

Старуха, как будто не слышала, о чем ее спрашивают. Она обвела мутными глазами сидевших возле нее Замира, Орчи и Лиа.

– Ты нашел своего отца, сынок? – прохрипела она.

Замир часто-часто заморгал, пытаясь прогнать, так

некстати подступившие к глазам слезы. Стараясь, чтобы голос не дрожал, он ответил:

– Нашел... Они все... Их больше нет, ба... Никого нет. Остались только мы.

Тело старухи напряглось, лицо исказилось, как будто от невыносимой боли.

– Земля задрожала, – сказала она. Она говорила так тихо, что все трое юных слушателей склонились к самому ее лицу, чтобы расслышать слова. – Потом раздался грохот, как будто снежная лавина сошла. Крики. А потом дом задрожал, и посыпались камни. Все случилось так быстро...

– Ты и дети ничего не видели?

Аирим качнула головой.

– Не знаю зачем Оил сохранил мне жизнь. Чем я прогневила его, что он наказал меня, дав пережить моего сына, невестку и остальных соплеменников. Но раз уж я жива, вот моя последняя воля Замир! – взгляд у нее немного прояснился, голос зазвучал громче, стал почти властным. – Я знаю, что ты исполнишь ее, потому, что последняя воля человека священна.

– Ба...

– Не перебивай! – приказала старуха и пытливо посмотрела на внука. – Ты сделаешь то, что я скажу тебе.

Замир опустил взгляд.

– Да, – тихо сказал он, понимая, что то, что потребует от него старая Аирим не совпадает с его собственными желани-

ями. Вернее с единственным желанием, которое у него еще осталось.

Старуха вновь обвела взглядом всех троих. Ее глаза наполнились слезами. Напротив нее с суровыми, застывшими от страдания и боли лицами, сидели совсем еще дети. Еще вчера все относились к ним как к детям. Взрослые решали что и как им делать. Теперь, им самим предстояло принимать все решения. Судьба послала им столько горя и боли, что и на десять жизней хватило бы. Но ничего уже не изменишь, теперь они должны сами о себе позаботиться. И нести в себе свою боль, как-то справляясь с ней. В силу обстоятельств они повзрослели, всего за один день. Не от того, что они так хотели, а потому, что пришлось... Аирим вздохнула.

– Слушай же Замир. Сейчас вы немного отдохнете. Затем соберете все, что только может понадобиться в дальней дороге и что можно увезти на паре саней и отправитесь в низовья. Здесь больше нет жизни. Это больше не ваш дом и вы должны покинуть это место. Как можно быстрее.

– Мы должны узнать, что произошло. Должны узнать, кто виноват во всем. Должны позаботиться о погибших...

– Нет! – Аирим сердито посмотрела на внука. – Вы возьмете детей и уедете сразу. Мертвым вы уже не поможете. Вы должны выжить сами. Это моя последняя воля! И ты обязан ее выполнить, нравится тебе это или нет.

– Мы лишились всего! И мы даже не знаем, что случилось! – почти выкрикнул Замир.

– Сынок, ты должен спасти детей. – Аирим сделала глубокий вдох, ей не хватало воздуха, ее силы были на исходе. – Поклянись, что ты спасешь детей! Мне недолго осталось. Оил уже зовет меня. Возможно, он продлил мою жизнь именно для того, чтобы я смогла сказать тебе слова моей предсмертной воли...

По морщинистой щеке скатилась слеза.

– Хорошо, ба. Я отвезу детей. Они будут в безопасности. Но потом я вернусь, – глаза его гневно сверкнули, – и узнаю, что произошло, и покараю виновных, кто бы они ни были.

– Мы вернемся! – твердо сказал Орчи, и его губы тронула улыбка. Не радостная и дружелюбная, какой должна быть улыбка шестнадцатилетнего паренька, а страшная и беспощадная.

– Пусть будет так. Тому, что вы станете делать дальше, я воспротивиться не могу, – сказала Аирим. Лицо у нее было печальным, в глазах погас свет. Казалось жизнь уже покинула ее тело. Она выглядела совсем старой и немощной. – Вы теперь мужчины. И никто больше не может решать за вас, что вам делать.

– Нам нужно совершить обряд прощания с погибшими, – сказал Замир. Ему невыносима была мысль, что их близкие останутся лежать в снегу посреди долины или под развалинами жилищ. – Прошу, позволь нам его совершить. Мы уедем завтра.

– Нет! Вы уедете сегодня. Мертвые не обидятся на вас.

Они любят вас, но они не хотят, чтобы ваша встреча произошла раньше положенного времени. Им не нужен обряд. Не нужно погребение. Они там где жили. Они у себя дома, навеки. Разве может быть какое-то место лучше чем дом?

Уже заранее зная ответ, Замир сказал, дрогнувшим голосом:

– Поедем с нами, ба...

Аирим улыбнулась ласково. Бедный ее Замир! Бедный мальчик! Такая тяжесть легла на его плечи.

– Нет, сынок. Ты сам знаешь, что я не могу. Я слишком стара и слаба, и в любом случае не вынесу дороги. Но даже если бы мне хватило сил проделать путь до низовий, я и тогда не поехала бы. Я прожила долгую, хорошую жизнь и хочу умереть там, где она прошла. Я останусь с остальными и буду молить Великого Оила, послать вам удачу. Чтобы он помог вам благополучно добраться до безопасного места и потом хранил бы вас всех... Мне незачем больше жить, сынок, мой путь пройден.

Заметив на глазах внука слезы, она дотронулась до его руки и едва заметно, насколько у нее достало сил, сжала ее.

– Сынок, смерть для меня благо. Я не боюсь ее, я ее жду, как избавление. Единственное чего я хочу, чтобы вы, дети, были в безопасности, и чтобы у вас все было хорошо.

Глава 9. Метель

К вечеру проехали через две долины. Нужно было устроиться на ночлег. Спать на открытом месте нельзя. Дикае звери или метель погубят немногочисленный отряд, если они устроятся на ночлег посреди снежной равнины. Для ночевки нужна пещера, или хотя бы какое-то закрытое от ветра место среди скал, в котором волки не смогут подобраться незаметно и где можно будет дать им отпор.

До низовий оставалось три дня пути по хорошей погоде. Если не начнется метель, или мороз не ударит совсем уж невыносимый для поездки. Маленькие дети не выдержат в дороге в слишком сильный холод, сколько шкур на них не надень.

– Стой! – Орчи натянул поводья и прыгнул на снег. В нескольких десятках шагов от них неприступной стеной тянулись вверх скалы. – Я пройду вдоль гор, поищу пещеру.

– Я с тобой, – слезая с саней, сказала Лиа. Орчи пожал плечами. Охота топтать через сугробы, так пусть идет. Но может ей нужно чем-то себя все время занимать, чтобы мысли о случившемся не лезли в голову и не лишали рассудка. Орчи это понимал. Он сам готов был делать, что угодно, только не сидеть на месте без дела. Как только он садился или пытался закрыть глаза, перед ним сразу вставало замерзшее лицо отца и мама, лежавшая на снегу, со сбившейся на бок

прической и страшной застывающей раной... Орчи помотал головой, отгоняя видение.

– Пошли, Лиа. Держись рядом, не отходи.

–

Пещера была узкой и уходила вглубь скалы. Но для ночлега вполне сойдет. Вход закрыли большим каменным обломком. Волки точно не проберутся. Быков разместили у входа. Им может и тесновато и хочется на открытое место, но если быки будут снаружи и нападут волки, то могут убить их. А без быков до низовий с маленькими детьми не добраться. От быков сейчас зависят их жизни, рисковать нельзя.

Еши достал кусочек соли и положив его на раскрытую ладонь, давал лизать соль каждому из быков по очереди. Животные тыкались в детскую ладошку широкими мягкими носами, осторожно лизали соль длинным языком, фыркали от удовольствия. Еши улыбался, гладил косматые морды, проводил рукой по большим загнутым рогам. Аните сидела молчаливая, безучастная ко всему. Замир поглядывал на сестренку с беспокойством. Вдруг она не сможет пережить случившееся? Взрослому человеку невыносимо нести такую ношу в душе, что уж тут говорить о маленькой девочке. Вот так, сразу, лишиться всего, это слишком тяжело, слишком страшно.

– Аните, хочешь сладкий пряник? – ласково спросила Лиа. Аните молча помотала головой. Замир вздохнул.

Орчи сидел глядя на огонь. Одной рукой он поглаживал

рукоять отцовского ножа. Они выполняют наказ бабки Замира, а потом вернутся. И он вырвет сердце тех, кто все это сделал. Он заставит их страдать. Они умрут в мучениях... Костер поплыл перед его глазами, и стены пещеры задрожали и начали расплываться, и лица Замира, Лиа и детей. Орчи шмыгнул носом. Нет. Он не будет плакать. В его жизни больше нет места слезам. Теперь вся его жизнь превратилась в желание мстить.

—

Замир проснулся от тихого звука, похожего на перекатывающиеся, бьющиеся друг о друга, камушки в ручейке, которые стекают летом по склонам гор. Приоткрыв глаза, он замер, прислушиваясь. Послышался едва уловимый шорох. В пещере было почти темно, только маленький костерок продолжал гореть. Фыркнул один бык, второй. Животные испуганно шарахнулись, забили копытами по каменному полу. Замир вскочил на ноги. Одновременно с ним вскочил Орчи. В руках обоих уже поблескивали в неверном трепещущем свете длинные острые лезвия ножей. Орчи даже успел схватить копьё. Из темноты высветились две зеленые точки. Замир, краем глаза заметил, как Лиа притянула к себе детей, закрывая их, делая знаки сидеть тихо. Быки снова беспокойно забили ногами. Мелькнула тень и в тот же миг пронеслось в воздухе пущенное Орчи копьё. Зафыркали и заметались быки, раздался душераздирающий крик и рычание. Орчи и Замир бросились в сторону обезумевших от страха быков.

Лиа тихонько охнула, стараясь, не закричать. Она чувствовала, как дрожат дети. Аните тихонько плакала.

Одновременно поднялись вверх и опустились охотничьи ножи. Раздалось шипение, очередной вопль. Замир почувствовал, как полоснуло по щеке что-то острое, разрывая кожу, принося невыносимую боль. Через секунду с той стороны, где стоял Орчи, послышалась возня. Замир бросился на звук борьбы. Появился свет – Лиа зажгла факел и подбежала к месту схватки, освещая пространство у входа. Замир разглядел пятнистую шкуру и бешено молотящий из стороны в сторону толстый длинный хвост. Орчи вскрикнул, лицо его исказилось от боли. Снова взметнулись и опустились два острых лезвия. Напружиненное, мощное тело животного начало оседать. Снежная кошка повалилась у ног тяжело дышащих после схватки мальчишек. Пасть с острыми страшными зубами была слегка приоткрыта, остекленевшие глаза застыли навечно.

– Ты как? – обеспокоенно спросил Замир у товарища. У него самого щека горела, как будто к ней приложили раскаленные угли.

– Нормально, плечо зацепила тварь, – продолжая тяжело дышать, сказал Орчи. Он поморщился. По пальцам руки, выглядывающим из рукава шубы, стекала кровь. Глаза у Орчи лихорадочно горели, каким-то кровожадным огнем. Он жаждал мщения, жаждал убивать врагов. Его душа просила битвы. Он хотел смотреть глаза в глаза противнику. Это при-

носило радость, облегчение...

Лиа промыла раны, оставленные кошкой, смазала мазью. У Орчи плечо было сильно разорвано. Лиа наложила повязку. Орчи морщился, но продолжал улыбаться.

Еши с интересом разглядывал убитую кошку. Раньше он видел только шкуры. У охотника в Северном селении было целых две. Добыть шкуру снежной кошки считалось большой удачей. Это редкий и необыкновенно сильный и коварный зверь. Не каждый охотник мог справиться в одиночку с этим хищником. Бывали случаи, когда снежная кошка разрывала охотников своими острыми когтями и страшными зубами.

Аните тоже подошла посмотреть на страшного зверя. Провела рукой по густой мягкой шерсти, а потом вернулась к костру и молча легла.

– Я ужасно испугалась, – прошептала Лиа, когда дети уснули.

– Не бойся. Снежные кошки редко встречаются. Видимо она пряталась в глубине пещеры, – сказал Орчи. – А может, тут есть еще один вход, и она пробралась через него.

– А вдруг придет еще одна? – глаза у Лии стали огромными, испуганными. Орчи усмехнулся. Девчонки! Вечно всего боятся.

– Не придет. Они живут поодиночке. Такие злобные твари, что даже друг друга не выносят. Да и им нечего здесь делать. Нет еды. Не знаю, что заставило ее забрести так далеко

в горы да еще в такой мороз.

– Возможно, ее привлекли быки, разбежавшиеся из селений после всего... – хмуро сказал Замир.

– Возможно, – Орчи кивнул.

Лиа огляделась по сторонам, явно прислушиваясь. Потом подбросила в костер угля. Орчи и Замир, неожиданно для самих себя, рассмеялись.

– Трусиха!

Лиа тоже улыбнулась. В первый раз за все время. Замир вздохнул. Может быть, когда-нибудь им всем удастся залечить свои раны, куда более глубокие и болезненные, чем оставленные когтями снежной кошки. Может быть, они смогут жить, как раньше. По крайней мере, чувствовать, как раньше и радость, и веселье. Возможно, боль перестанет занимать основное место в сердце.

–

Утро было пасмурное. Похоже, что скоро может начаться метель.

– Как думаешь, следующая долина совсем небольшая, если начнется метель, мы сможем доехать до гор? – обратился Замир к Орчи. Тот пожал плечами.

– Думаю да. Только нужно укрепить груз на санях.

Затянув, как следует, свои пожитки кожаными ремешками, и с особой тщательностью укутав детей, крошечный караван из двух саней двинулся в путь.

Шкуру убитой ночью кошки Орчи привязал позади одних

из саней. В низовьях им могут понадобиться деньги, которые используют тамошние жители при расчетах друг с другом. А мех снежной кошки из-за своей редкости очень высоко ценится. Отец говорил, что за такую шкуру можно купить муки на целую зиму для всего селения или несколько десятков метров хорошей, тонкой ткани. А можно купить и оружие. Именно оружие, настоящее, боевое им потребуется, когда они отвезут детей в низовья и вновь отправятся сюда. К примеру, мечи или копья, с толстыми мощными древками и большущими тяжелыми наконечниками, и тяжелые боевые луки, или арбалеты.

До гор оставалось совсем немного. Метель налетела неожиданно. Обычно сначала начинает идти снег. Потом налетает ветер. Потом снег и ветер усиливаются, пока не закрутят с силой, наполняя все вокруг быстрыми ледяными потоками, перемешанными со снегом. На этот раз снег повалил большими хлопьями, а уже через несколько минут налетел порыв ветра такой силы, что даже быки замедлили бег. Воздух сразу превратился в бело серую непроглядную муть. Ветер завывал как безумный. Дети испуганно выглядывали из-под шкур. Стало нечем дышать.

Замир и Орчи переглянулись. Сани ехали почти рядом, но они с трудом могли разглядеть друг друга. Орчи кивнул. Замир кивнул другу в ответ. Они смогут. Они не позволят метели взять верх. Они должны дойти. Они должны выполнить последнюю волю старой Айрим. И они должны выжить

и вернуться, чтобы отомстить.

– Накройся шкурой и не высовывайся, – перекрикивая завывания ветра, крикнул Орчи Лиа, ехавшей с ним в санях. Замотав лицо куском ткани, он спрыгнул с саней и пошел рядом с быками. Минуту спустя рядом с ним зашагал Замир. Метель все усиливалась. Горы, казавшиеся до начала непогоды совсем близкими, теперь представлялись недостижимыми. Воздух стал совсем белым от снега. Непроглядная белая кружащаяся мгла обволакивала, пыталась погубить попавших в ее лапы маленьких, беспомощных человечков. Даже сквозь ткань было тяжело дышать. Ветер проникал сквозь толстые шубы, забирал у тела тепло, а вместе с теплом забирал силы.

«А вдруг мы сбились с пути?» – мысль пронзила как раскаленной иглой. Замир попытался не думать о возможности того, что они сбились с дороги. В такой снежной круговерти очень легко чуть-чуть отклониться в сторону и постепенно уйдешь не туда. А можешь и вовсе кружить вокруг одного и того же места. Замир оглянулся на сани. Дети, к счастью сидели не высовываясь. Видимо совсем перепугались.

Налетел порыв ветра, едва не сваливший их с Орчи с ног. Замир ухватился за длинную шерсть быка. Быки трясли головами, Низко наклоняли их, давая понять, что они не желают идти в такую метель, есть предел и их выносливости. Замир наклонился к самому уху Орчи.

– Может, укроем быков и переждем здесь?

Орчи помотал головой.

– Нет. Отец, и все остальные мужчины, и старики всегда твердили, что нельзя останавливаться на открытом месте в метель. Если попал в нее нужно идти вперед. Как бы не было тяжело. Ты же помнишь – это первое чему нас учили с самого детства.

Спустя некоторое время, быки Орчи встали. Следом за ними остановились два других быка.

– Тикай! Тикай! – орал Орчи, перекрикивая ветер. Быки не двигались с места, ни в какую не желая идти вперед.

– Да, что за напасть? – Орчи сокрушенно посмотрел на заупрямившихся животных.

– Пусть стоят, – махнул рукой Замир. – Давай сюда копьё.

Спустя полчаса, стараниями измучившихся, отмороживших, изрезавших в кровь руки мальчишек, между санями, стоял хорошо укрепленный, сделанный из шкур, копий и других подручных материалов, шалаш.

Развели огонь. Согрели еду. Снаружи продолжала завывать выюга. Орчи подумал, вдруг быки пустятся вперед и увезут сани со всем их нехитрым скарбом. Но мысль промелькнула в голове лениво. Встать и проверить, на месте ли быки не было ни сил, ни желания. Орчи почувствовал, как его неодолимо клонит в сон. Сказывалась усталость, накопившаяся за последнее время. Проваливаясь в забытие, он хотел сказать Замиру, что немного поспит, пусть тот присмотрит за всем. Но прежде чем открыть рот, Орчи уснул. Замир то-

же уже крепко спал, свернувшись клубочком у горящего костерка. Во сне он улыбался своей прежней, беспечной улыбкой. Ему снились сны про ту жизнь, которая осталась навсегда в прошлом. Во сне все были счастливы, все любили друг друга. Все были живы...

Глава 10. Орчи

Было очень тихо и очень холодно. В первый момент Замир подумал, что его тело превратилось в кусок льда. «Может быть, я умер? Может быть, мы все замерзли во время метели?». Он попробовал пошевелиться. Руки и ноги ничего не чувствовали.

– Быки! – заорал совсем рядом Орчи, подскакивая. Замир тоже подскочил. Из-под вороха шкур испуганно выглянули Лиа и дети.

Орчи охая, дрожа от холода и хлопая себя руками, стараясь немного согреться, выглянул наружу. В лицо ему ткнулась широкая морда быка.

– Хороший мальчик! Молодец малыш! – с облегчением, ласково сказал Орчи и погладил мягкий бархатистый нос. – Я перед тем как заснуть, подумал, что быки могут уйти с санями.

Орчи немного смущенно улыбнулся.

Лиа разожгла, погасший за то время пока они спали, огонь, и принялась готовить еду для всех. Замир с Орчи выбрались из их «дома» из шкур чтобы накормить быков. Меньше чем в сотне шагов были горы. Они величественно возвышались над маленькими людьми и их ненадежным укрытием, уходя к облакам. Друзья переглянулись.

– Вот почему быки отказались идти дальше, – задрал го-

лову вверх, сказал Орчи. Рот Замира расплылся в улыбке. Сам не зная почему, он захохотал. Орчи посмотрел на него и тоже начал смеяться. На улицу выглянули Лиа и дети. С удивлением взглянув на смеющихся Замира и Орчи, они переглянулись и тоже начали смеяться.

– Я думал, я все руки обморожу, пока мы вязали проклятые узлы из ремней, – закатываясь в приступе безудержного смеха, с трудом выговорил Орчи. – А горы... горы были в двух шагах. А я орал на быков! Думал, что нам конец и думал, что даже быки с ума сошли... Ой, не могу.

Быки с укором смотрели на людей, по непонятной причине ведущих себя очень странно. Они честно сослужили службу. Стойко выдержали метель, такую лютую, что даже им пришлось несладко. Теперь они хотели есть. А люди, странные, непонятные существа, вместо того, чтобы дать им вкусного сена и немного хлеба или зерна, или каши, ведут себя как безумные и занимаются непонятно чем.

– Я всегда хотел увидеть деревья, – уплетая приготовленный Лиа завтрак, сказал Орчи. – Отец рассказывал, что когда они живые и растут в земле, на них есть такие зеленые листья. Тоненькие и нежные. Как тонкая ткань. Он как-то привез из низовий веточку нам с матерью. Но пока они были в дороге, листья сморщились и превратились в бурые непонятные комки. Отец сказал, что они не выносят мороза. Когда приедем в низовья наконец-то посмотрю на них. А еще там есть реки и озера. Это когда много воды. И она не в кот-

ле, не растоплена из снега, а прямо на земле.

Лия и дети недоверчиво посмотрели на Орчи. Ну, листья ладно. Про это все слышали. Но вода прямо на земле, да еще много. Нет, этого не может быть. Вода просто вся разольется и впитается в землю. Или замерзнет и превратится в лед, если холодно. Хотя, говорят, в низовьях не бывает морозов. В это тоже конечно верится с трудом. Там, говорят, никто не ходит в шубах. Прямо по улице ходят в одежде из тонкой ткани. Чудеса!

Замир ел, посмеиваясь. Он уже видел листья, траву и даже реку. Интересно конечно, но ему это уже не казалось чем-то невероятным. И люди в тех краях действительно носят одежду, сшитую из тонких тканей. Яркую. Красивую. Женщины носят блестящие украшения на шее, на пальцах и на запястьях. А на ногах у всех не сапоги из меха, а обувь из тонкой, мягкой кожи.

– А еще там полно зверей и птиц. Птицы, говорят, есть малюсенькие, не больше чем с детскую ладошку. И зверьки всякие разные. И маленькие и большие.

Еши и Аните слушали рассказ Орчи с зачарованным выражением на лицах. Конечно, им и раньше рассказывали про чудеса, которые есть за пределами снежных гор. Но рассказы эти были скорее как волшебные сказки. Еши еще много лет нужно было ждать, чтобы увидеть все это своими глазами. А Аните и не думала об этом. Женщин в низовья не брали – слишком долгая и трудная дорога. Да и мужчины туда

не развлекаться ездили, а по делам. Листочки и птички это просто приятное дополнение.

– Замир, ты поймаешь мне птичку? – Аните доверчиво посмотрела на брата. Сердце у него защемило от нежности и невыносимой тоски.

– Конечно, Аните. Только ты ее потом отпустишь, договорились? Птице нужна свобода. Хоть большой, хоть маленькой.

– Хорошо. – Аните улыбнулась. Замир с радостью подумал, что малышка начала понемногу отходить. В глазах, вновь появилась жизнь. Они с Еши слишком малы, чтобы раз и навсегда перемениться, даже из-за всего что им довелось пережить. Пусть в их сердцах продолжает жить вера в хорошее, любовь и доброта. Не дело ожесточаться и превращать сердце в кусок льда таким малышам. Он бы рад растопить свое, снова наполнить его любовью и радостью, да видно уже не получится. Замир отвернулся и стал смотреть на снежную долину, через которую они вчера с таким трудом прошли во время бури. Сейчас снег лежал ровным белым покрывалом, сверкающим в лучах яркого, не дающего тепла солнца. Полное безветрие и тишина. В такие минуты всегда с трудом верится, что все может быть по-другому. Что воздух может быть не прозрачен, а мутен и непрогляден. А снег не искриться ровным белоснежным ковром от одного края долины до другого, а кружить, наполняя собой все пространство, нороя погубить, наполнить легкие, заморозить,

замести и не оставить следа.

После завтрака путешественники погрузили в сани вещи. Застоявшиеся за ночь быки радостно пустились в путь.

– Мы вчера совсем мало проехали из-за метели. Считай, день потеряли, – сказал Замир.

– Ничего, нагоним, – радостно улыбнулся в ответ Орчи и легонько стегнул быков. – Догоняй!

Замир улыбнулся. Приятель тоже, кажется, понемногу начинает «оттаивать». Получится ли у него самого? Возможно. Когда-нибудь. Замир тоже стегнул быков. Почувствовав легкий удар поводаев, быки резво понеслись вперед по ровному снежному насту. Они тоже были не прочь размяться.

– Смотри, быков не загони, – крикнул Замир.

– Струсил, что не догонишь? – засмеялся Орчи.

–

Они миновали следующую, после того места где они ночевали долину, проехали горную тропу и въехали в новую долину, бесконечно огромную по размерам.

– Надеюсь, погода не подкачает, – сказал Орчи.

– Не дразни Дериан! А то, как пошлет тебе еще одну метель.

–

Сани начали спуск с большого, довольно высокого холма. Пришлось даже сдерживать быков. Спуск хоть и был пологим, но под гору животные могут так разогнаться, что сзади на них налетят сани и переломают ноги, или сами перевер-

нуться от столкновения.

Вокруг был такой простор и красота, солнце так радостно и ярко светило, что Орчи не выдержал и запел. Голос, звонкий и чистый разлетелся далеко вперед. Орчи встал на ноги и управлял быками стоя. Вид у него был лихой и радостный. Казалось, что ничего плохого и не было. Просто они едут, к примеру, в соседнее селение. Проведать дальних родственников и друзей, погостить. А потом вернуться домой, с подарками от соседей. Их встретят радостно. Малышня будет прыгать вокруг саней, в ожидании гостинцев. Отец, улыбаясь, выйдет на встречу, похлопает по плечу. Мама выбежит из дома. Обнимет. Орчи широко улыбнулся.

Внезапно быки резко рванули вперед. Зафыркали, задержали головами. Что-то их испугало. Орчи едва не свалился.

– Стой! Стой! – придерживая поводья, закричали Орчи и Замир одновременно. «Может волки?» – пронеслось в голове у обоих.

Быки немного замедлили бег, но было видно, что они бы с удовольствием снова припустили вперед как можно быстрее. Замир, а за ним и Орчи обернулись назад и оба замерли. Рты у обоих непроизвольно открылись, а глаза вытаращились. Стали круглыми.

Над белой вершиной холма, с которой они только что начали спускаться, выросал еще один снежный холм. Вот он еще немного поднялся и друзья увидели, что это не снежный холм, выросший над другим холмом, а огромная голо-

ва. Длинная белая шерсть переливалась и искрилась в лучах солнца, как снег. Посреди этой громадной головы, размером с дом, тусклым светом поблескивали два черных глаза. Их чернота была страшной. В них была сама смерть. Огромная пасть, сплошь утыканная длинными острыми зубами, была широко разинута. Из нее не выходил пар, как будто существо не было живым и от него не исходило тепло. Чудовище еще приподнялось над холмом и застывшие в ужасе путники увидели туловище, как и голова, сплошь покрытое длинной белоснежной шерстью. Огромные лапы тянулись в сторону саней. Длинные загнутые, желтоватые когти, судя по размеру, легко могли разорвать быка, не то, что человека.

Схватив копьё, Орчи спрыгнул с саней. В другой руке сверкнул нож, совершенно очевидно, бесполезный против такой громадины, также как и копьё. Существо было огромным. Над вершиной холма показались ноги.

– Гони, Лиа! – заорал Орчи, оцепеневшей от ужаса девушке.

– Орчи! – крикнул Замир, хватаясь за свое копьё. На мгновение Орчи обернулся. Взгляд голубых глаз горел решимостью. В нем была такая ненависть, что Замир застыл на месте.

– Прощай брат! Ты поклялся спасти детей.

Орчи шагнул навстречу великану.

– Ну, что тварь! – крикнул он и пошел вверх по склону. – Значит это ты! Вот мы и встретились!

Над долиной полетела песня. Звонкий чистый голос звучал радостно и твердо.

– Гони! – заорал Замир бледной как снег Лиа и сам стегнул ее быков. Затем огрел своих, что есть силы. Животные рванули вперед.

Несколько секунд вслед им лилась песня. Потом она резко оборвалась, и больше ничего не нарушало тишину долины. Было слышно только тяжелое сопение быков и скрип мерзлого снега под копытами. Да яростный, сумасшедший стук, готового выпрыгнуть из груди сердца.

Замир не оглядывался. Он гнал и гнал уже выбивающихся из сил быков вперед. Длинные языки свесились набок. Со всем скоро придется сбавить скорость. «Еще чуть-чуть! Еще чуть-чуть!» – повторял мысленно Замир. Рядом неслись сани, управляемые Лией. Судя по звукам, доносившимся с ее стороны, она плакала. Замир глубоко вдохнул. Он не может плакать. Только не сейчас. За его спиной тихонько подвывали дети.

Глава 11. Волки

До вечера они проехали еще одну маленькую долину. Быки совсем выбились из сил. У всех в голове крутился один вопрос. А если чудовище придет сюда? Но вслух никто ничего не сказал.

Во время ужина Замир достал флягу из бычьей кожи с крепким настоем из трав. Он налил чуть-чуть Лиа. Немного плеснул в костер. Сам глотнул прямо из фляжки. Взяв нож, он сделал на руке надрез и сжал кулак. Кровь потекла по руке, начала капать на пол пещеры.

– Клянусь! Не знать мне покоя, пока не свершится месть. За наше племя, за моих родных, за соседей, за друзей. За моего брата Орчи.

Замир еще раз глотнул из фляжки. Взгляд у него был страшный. Глаза горели беспощадным огнем.

Лиа отвернулась. Замир позавидовал, что она женщина и может плакать, очищая и хоть немного успокаивая душу. Ему самому хотелось не плакать. Хотелось завывать, заорать. Начать крушить все, что попадется под руку. Но он испугает детей и ее. А он в ответе за них. У них никого больше нет. Только он. А у него только они...

–

– Давайте, быстро ешьте. Нужно двигаться дальше.

Лиа покосилась на хмурое лицо Замира. Казалось, что он

как будто заледенел. Даже после всего, что случилось в селениях, у него все же были живые глаза. В них оставалось, что-то от прежнего Замира. Товарища по детским играм. Доброго, веселого парня. Сейчас глаза у него были пустые. Холодные и пугающие.

Дети как будто чувствовали произошедшую в брате перемену. Сидели притихшие, жались к Лиа.

–

Они миновали две небольшие долины. Начались горные тропы, петляющие между скал. Ехать приходилось медленнее. Если разогнаться, можно налететь на камни.

– Теперь, так будет до конца пути, – предупредил Замир.

Казалось, что горы стали более хмурыми и неприветливыми. Теперь они нависали со всех сторон. Воздух стал чуть теплее.

Сани осторожно пробирались через узкое, утыканное острыми обломками скал место. Позади, послышался шорох, быки дернулись. Все испуганно оглянулись, с ужасом представляя громадное белое чудовище, догнавшее их. Чудовища не было. Были волки. Целая стая. Двенадцать скалящих пасти животных, готовящихся броситься на добычу в любой момент.

– Садись в мои сани и поезжай как можно быстрее, – приказал Замир.

Лиа легонько стегнула быков. Руки у нее дрожали. «Великий Оил! Великий Оил!» – повторяла она одними губа-

ми. Дети испуганно смотрели назад, на оставшегося один на один с волками старшего брата. Сани стукнулись о камень. От толчка Еши повалился с сидения на сложенные внизу вещи.

– Держитесь! Как можно крепче, вы оба! – прикрикнула Лиа и снова стегнула быков.

Дети изо всех сил вцепились в спинку саней. Аните скривила рот, готовая заплакать, но взглянув на брата, сдержала рвавшиеся из испуганного истрадавшегося ото всех переживаний сердца рыдания.

–

Волки бежали следом. Они готовились напасть, выжидала момент, когда лучше сделать решительный рывок и броситься на добычу. Замир понял, что по петляющей узкой тропе утыканной камнями, ему не уйти. На равнине по гладкому снегу можно оторваться от волков. Здесь нет. Он остановил быков и, не выпуская из вида подходящих все ближе волков, перерезал ремни, удерживающие быков. Настал решающий момент. Как только быки побегут, волки бросятся вперед. Кто-то из них погонится за быками, кто-то бросится на него. Замир положил рядом с собой копье. Взял в одну руку лук и приготовил стрелы. Волчьи пасти с оскаленными клыками были совсем близко. Замир надеялся, что Лиа отъехала уже достаточно далеко. Чуть дальше дорога станет пошире и будет не такой извилистой. У них есть шанс.

Пора. Он, что есть силы огрел несчастных, натерпевшихся

в последнее время не меньше людей быков поводьями.

– Тикай! Тикай! – крикнул он и для верности легонько ткнул одного из быков острием копыя в зад. Быки сорвались с места. В тот же миг волки бросились вперед. Четверо из них обогнули сани и помчались вслед за быками. Остальные предпочли более легкую добычу.

Одну за другой Замир выпустил пять стрел. Один волк рухнул на землю и замер. Один заскулил и завертелся на месте пытаясь схватить зубами торчащую из задней ноги стрелу. Один из волков преследовавших быков тяжело осел на снег и пополз, волоча за собой задние ноги. Из спины у него торчала стрела. Две стрелы прошли мимо – слишком быстро приходилось делать выстрелы, не было возможности прицелиться и к тому же мешали торчавшие повсюду камни. Замир потянулся за следующей стрелой. Совсем рядом щелкнули зубы. С такого расстояния из лука не выстрелишь. Замир схватил копые и ткнул им со всей силы вперед. Еще раз. Раздался визг. Заливающийся кровью хищник упал на снег, окрашивая его в алый цвет.

Еще одна зубастая пасть оказалась в нескольких сантиметрах от лица Замира. Выхватив нож, он несколько раз с силой вонзил его в горячее, тяжело дышащее тело. Волк упал. В следующий миг раздалось рычание, и Замир почувствовал, как острые зубы сомкнулись на его запястье. Изловчившись, он ударил ножом. Еще раз и еще. Нестерпимая боль пронзила ногу. Еще один волк бросился ему на грудь и ед-

ва не впился зубами в горло. Замир почувствовал зловонное дыхание. Злобные светящиеся желтые глаза уставились в его. Преодолевая боль в ноге, которую продолжал грызть, разрывая кожу и мясо, еще один из волков, Замир воткнул нож прямо в шею зверя пытавшегося вцепиться в его горло. В лицо ему брызнула горячая кровь. Замир наклонился и, чувствуя, что сейчас потеряет сознание, ударил ножом вцепившегося в ногу волка. Он только слегка разрезал кожу зверя. Все вокруг плыло, ничего невозможно было разглядеть. Борясь с подступившей дурнотой и слабостью, он схватил копье и, размахнувшись, как можно сильнее вонзил его в рычащее, подергивающееся от наслаждения человеческой кровью тело животного. Замир почувствовал, что начинает проваливаться в темноту. Он успел заметить еще двух волков подбирающихся к нему. «Все», – подумал он равнодушно. Уже теряя сознание, он метнул копье в одного из двух хищников. Послышался визг. Второй, готовившийся к нападению волк, прыгнул вперед. Замир закрыл глаза.

—

По стенам пещеры плясали тени. Замир повернул голову. Лиа ласково улыбнулась ему и положила на лоб что-то прохладное. Замир почувствовал, как голове стало приятно. Он попробовал пошевелиться, но все тело страшно болело.

Замир заметил Аните. Она сидела чуть в стороне, пристально глядя на него своими огромными голубыми глазами. Увидев, что он очнулся, малышка робко подошла и осторож-

но взяла его за руку. Он слегка пожал маленькую ручку и улыбнулся.

– Мы боялись, что ты умер, – сказала Аните.

– Нет, Аните. Я еще поживу. Я обещал бабушке доставить вас в безопасное место. И потом, ты же помнишь, я обещал поймать тебе птичку.

Она радостно улыбнулась.

– Мы с Лиа убили двух волков, – гордо сказал Еши, вынырнув из темноты сбоку от Замира.

– Да, что ты? Ты оказывается герой! И Лиа тоже. – Замир хотел потрепать братишку по голове, но у него не было сил поднять руку. Ему ужасно хотелось спать. В конце концов, он закрыл глаза и снова провалился в черноту.

–

– Ну, наконец-то. – Лицо у Лиа было радостное. Из-за ее плеча выглядывали Аните и Еши. – На этот раз ты напугал нас еще сильнее, чем в первый. Ты никак не приходил в себя. И у тебя был страшный жар.

Замир с удивлением смотрел на них. Потом он вспомнил схватку с волками. А потом все остальное. То, что случилось до волков. На самом деле, этого он не забывал, но сейчас воспоминания встали перед глазами ярко и удивительно четко, одно за другим проносясь в голове, как картинки в книжке.

– Я долго лежу?

– Два дня.

– Вы два дня безвылазно сидите в пещере?! А быки? Вол-

ки не съели их?

Лиа засмеялась.

– Вижу, ты идешь на поправку. В тебе проснулся мужчина. Вожак, которому сразу нужно решить все вопросы, все узнать, начать искать решения.

Он улыбнулся.

– Мы решили рискнуть и выходили несколько раз ненадолго. Нужно было прогулять быков. – Она снова засмеялась. – Они все целы, не волнуйся. Одного волк немного подрал, но он сумел сбросить его и лягнул копытом. Видимо поломал ребра, волк больше не поднялся и мы с Еши прикончили его. А потом убили того, который бросился на тебя. Я ужасно боялась. Но пришлось взять себя в руки.

– Ты молодец. Ты очень храбрая. И не только для девчонки. А вообще. Но вам не стоило возвращаться назад, вы могли погибнуть.

Она сжала его руку.

– Мы не могли оставить тебя одного...

– Спасибо! Вы все очень-очень смелые, – Замир улыбнулся.

Глава 12. Чудесный мир

Скалы расступались все шире, становились ниже, в дуновении ветра уже не было обжигающего, морозного холода. Насколько Замир помнил, им осталось проехать совсем немного через горы, и начнутся холмы поросшие деревьями с острыми длинными иголками. Там уже не будет снега и совсем не холодно, по крайней мере, по меркам жителей Алментин. А потом начнутся равнины и леса. Там растут деревья с нежными листочками, которые так мечтал увидеть Орчи, и живет великое множество птиц и животных. Там совсем тепло.

Для брата с сестрой и для Лиа это будет целое приключение. Будут всю дорогу ехать с открытыми ртами, вертя головой по сторонам, удивляясь всему, что встретится на пути. Для него это тоже было приключением, когда они приезжали сюда полгода назад за дровами, продуктами, сеном для быков. Он так радовался поездке в низовья. Захлебывался от восторженного удивления и при виде деревьев, и цветов, и птиц, и зверей... Замир тогда ужасно гордился, что он уже взрослый. Подтрунивал над Еши. И над Орчи... Сейчас кажется, что с тех пор прошло не несколько месяцев, а десятки лет.

—

Наконец горы кончились и перед путниками, стоявшими

на краю высокого склона, открылась удивительная картина. Справа и слева, и впереди, насколько хватало глаз, поднимались вверх и вновь опускались невысокие пологие холмы, покрытые травой. Отделяла их от этих холмов четкая граница. Здесь, где пока еще находились они, был снег. Правда, не такой как у них дома, в горных долинах, скованных морозом, твердый как камень и ровный, как расстеленный на полу ковер. А мягкий и рыхлый, пропитанный талой водой. В сотне шагов этого места снега уже не было. Там была трава. Густая и зеленая, без малейшей примеси бурого, как у травы появлявшейся летом в горах. На холмах росли высокие деревья, с гладкими светло коричневыми стволами и зелеными верхушками. Отсюда было не видно, но Замир знал, что верхушки деревьев – это множество и множество длинных зеленых иголок. Мягких и гибких, с острым концом. И пахнут эти деревья приятно. Даже приятнее чем дрова, которые они привозят... привозили домой из низовий. Светлые гладкие стволы пропитаны золотистой смолой. Местами он выступает наружу и застывает вязкими каплями, как будто дерево плачет.

– О, Великий Оил! – всплеснула ручонками Аните, восторженно глядя на удивительную картину. Замир и Лиа улыбнулись. Девушка тоже смотрела во все глаза на невиданные чудеса, о которых она только слышала. Но ни один рассказ не может заменить и в полной мере передать то, что видишь, собственными глазами.

– Вот это да! – зайдясь от восторга, крикнул Еши. Он нетерпеливо подскакивал на месте. Ему хотелось как можно быстрее побежать вперед. Потрогать и траву, и стволы деревьев. Все рассмотреть, как следует, с близкого расстояния.

– Дальше придется идти пешком. Сани не могут ехать по траве, – сказал Замир. Дети захлопали глазами. Они и представить не могли, что где-то нельзя проехать на санях, ну кроме каменных скал, разумеется.

– Здешние жители ездят на повозках. Это почти как сани, только вместо полозьев колеса. Они круглые, и когда колеса крутятся повозка едет... – Замир показал руками, какие именно круглые колеса, но, разумеется, его спутники не могли себе представить ни повозок ни колес. Ни того, как можно ездить на круглых крутящихся штуках, вместо полозьев. – Аните, вы с Лиа можете ехать на одном из быков. А ты, Еши, на другом, на остальных погрузим вещи и я поведу их.

– Нет, Замир. Можно я пойду пешком? – Аните с мольбой посмотрела на брата. – Я хочу пойти по этой зеленой штуке. Она такая красивая!

– Это называется трава Аните. Она здесь везде. Ну, почти везде. Сено, которое едят наши быки это высушенная трава.

Девочка с восторгом смотрела на зеленый, колышущийся от дуновения легкого ветерка, ковер. Сено для быков не имеет ничего общего с этой невероятной красотой.

–

Через несколько часов устроили привал. Первоначальный

восторг у детей немного поутих. Под конец, Аните даже согласилась сесть на быка. Еши по-прежнему мужественно шагал пешком, но было заметно, что он устал и идет из последних сил, не желая проявлять слабость из упрямства. Он теперь считал себя настоящим мужчиной. Раз старший брат и даже Лиа идут пешком, то и он тоже нипочем не поедет на быке. Замир все сильнее прихрамывал на покусанную волком ногу. Он был все еще слаб после полученных в схватке с волчьей стаей ранений, но мужчина должен уметь терпеть. И он шел вперед, не давая себе поблажки. Можно было уже не слишком торопиться. Здесь им не грозила смертельная опасность на каждом шагу, но Замир шел вперед, неся в сердце одно желание – как можно скорее вернуться назад и отомстить. Уничтожить чудовище, отнявшее у них все. Всех, кого они любили, кто был дорог им. Мерзкая тварь разрушила их жизнь. Замир хотел мести, больше всего на свете. Ненависть кипела, клокотала внутри него. Возможно, именно она придавала ему сил.

– Что ты собираешься делать дальше? – спросила Лиа.

– Мстить, – не задумываясь, ответил он.

Она опустила глаза.

– А потом?

– Не знаю. Возможно, не будет ни какого потом. Но я не успокоюсь, пока не сделаю все, что в моих силах чтобы расправиться с мерзким убийцей. Я просто не смогу жить с этой злостью и ненавистью в моем сердце.

– А дети?

Они оба посмотрели на мирно посапывающих возле ароматно пахнущего ствола дерева детей.

– Сначала я позабочусь о них и о тебе.

– Я отправлюсь в горы с тобой...

– Нет.

Лиа обиженно посмотрела на него. Даже теперь право принимать решения только у мужчины.

– Я, точно так же как и ты, потеряла все. И желаю мести не меньше твоего.

– Ты – женщина. Твое предназначение – дарить жизнь. Нести добро и заботу. Мечь – это удел мужчин.

– Ладно, посмотрим, – понимая, что спорить бесполезно, сказала Лиа.

На ночь остановились в лесу.

– Ты уверен, что здесь безопасно? – оглядываясь вокруг, спросила Лиа. С наступлением сумерек лес уже не казался таким приветливым и уютным, как при ярком солнечном свете.

– Думаю, что здесь точно нет таких опасностей, как в наших краях. Мы можем спать по очереди. Сначала поспи ты, а я буду смотреть, а потом поменяемся.

Ночной лес был полон шорохов и звуков. Вскрикивали птицы. То здесь, то там раздавался хруст веток. Иногда слышалось пыхтение или шуршание в кустах, производимое ка-

ким-нибудь мелким, невидимым в темноте, зверьком. Замир неподвижно сидел, прислонясь к стволу, вглядываясь в ночную темноту. Здесь было намного темнее, чем в их родных краях. В горах ночь не была непроглядной, если только не было метели. Все вокруг было белым, и даже скудный свет звезд и луны, отражаясь от снега, давал возможность видеть силуэты гор и домов. Здесь на расстоянии нескольких шагов невозможно было, что-то рассмотреть. Замир сидел, убирая руки с рукояти ножа, готовясь в любой момент отразить опасность. Но все было спокойно. Замир боялся, что его начнет клонить в сон, но перед ним вновь и вновь вставали картины прошлого, разрывая сердце, не давая покоя. Возможно, даже если бы ему не нужно было охранять Лиа и детей, он бы все равно не смог уснуть.

Уже начало светать. Первые лучи солнца окрасили верхушки деревьев нежно-розовой дымкой, когда Замир, наконец, решился разбудить Лиа.

– Ты сидел всю ночь? Почему ты не разбудил меня раньше?

– Не волнуйся, ничего не произошло, пока было темно, так, что думаю, после восхода солнца вообще никакой опасности не будет. – Сказал он, оставив без внимания ее легкий упрек, продиктованный заботой о нем. – Если, что разбуди меня, – пробормотал он, укладываясь возле корней высокого дерева. Через две минуты он уже крепко спал.

Проснувшиеся дети рвались продолжить путешествие.

Им не терпелось увидеть что-то новое. По рассказам Замира, впереди еще столько всего. Но Лиа строго-настрого запретила будить брата.

– Пусть поспит. Он устал и все еще не совсем здоров. Вы же теперь взрослые и должны это понимать, – она улыбнулась.

Поначалу, замечание, насчет того, что они взрослые даже обрадовало детей. Преисполнившись гордости, они отошли от места ночевку и стали изучать лес. Но по мере того, как шло время, нетерпение все сильнее одолевало их. Они вернулись к месту стоянки и уселись напротив брата. Сгорая от любопытства, они то и дело недовольно пыхтели, внимательно следя, когда же Замир, наконец, откроет глаза. К их неудовольствию, брат не спешил просыпаться. Замир улыбался во сне. Ему снились отец и мама, бабушка. Их селение. Как и все предыдущие ночи перед этим, за последнее время. В своих снах он по-прежнему был счастлив. И от того пробуждения были еще болезненнее.

Глава 13. Дом на реке

– Замир! Замир! Лиа! Смотрите! Смотрите! – наперебой кричали Еши и Аните, приплясывая от охватившего их восторга. – Вода на земле! Много воды! И она не растекается! И не убегает в землю! Это все – правда!

– Тише, вы. Это река, – усмехнулся Замир.

Лиа не кричала, как малыши, но и она смотрела сияющими от восторга глазами на невиданное чудо. Вот такая она река! И вода не просто была на земле и ее было очень много. Она была живая. Она двигалась широкой полосой, перебежала по камням. Текла вперед. Как вода в ручейке, летом в горах, только в сотни раз больше. Это было невероятно.

Холмы, поросшие деревьями с колючими листьями, и густые леса с нежными, тоненькими листочками, остались позади, и теперь они шагали по зеленой равнине, пестревшей разноцветными цветами. Здесь тоже изредка попадались деревья. Высокие и совсем низенькие, чуть выше Еши и Аните.

Все, что встречали на пути выходцы с гор, вызывало у них удивление, восхищение, восторг. И зеленые листья, и яркие, разноцветные цветы, совсем не похожие на те, что распускались в горах. Увидев порхающих над цветами бабочек, дети и вовсе потеряли головы и принялись носиться за с радостными криками следом за ними. Замир объяснил Аните, что это не птички, а бабочки. А полосатые жужжащие суще-

ства с мохнатыми тельцами это пчелы, которые делают мед. Их нельзя ловить потому, что они больно жалят маленькими иголочками, спрятанными в своем теле.

– Ох, а я всегда думала, какие же они, – в восхищении выдохнула Аните. Жители гор любили мед. Его привозили из низовий, а иногда еще собирали далеко в горах, где было не так холодно, и жили дикие горные пчелы. Но путь туда был очень труден и опасен. Восточные горы были почти непроходимы, поэтому горный мед был даже большей редкостью, чем привезенный с низовий.

И вот теперь перед ними была река. Вид был поистине великолепный. Посреди изумрудных совсем невысоких холмов, на фоне видневшегося вдали широкого луга и леса, протекала быстрая и довольно полноводная река. С одного берега на другой был перекинут мостик, а чуть дальше, чем стояли путешественники, на другом берегу, прямо над водой, стоял большой красивый дом. Он был намного выше жилищ алметинцев, стены дома были белыми и гладкими, а к стене, подступавшей к самой воде, был приделан большой, вращающийся круг из дерева.

– Это повозка! – прошептала Аните, во все глаза глядя на удивительный дом и пытаясь представить, как же ездят на нем местные жители.

Замир рассмеялся.

– Это мельница, глупышка. Здесь делают муку.

Что такое мука дети знали. Ее тоже привозили мужчины,

а женщины пекли из нее хлеб, расходуя очень бережно. Хлеб считался лакомством.

– Вот этот большой круг – это колесо, только оно нужно не для того, чтобы ездить по дороге. Видите, оно опущено в воду, а вода в реке бежит также как и в горном ручейке, только с намного большей силой, и толкает колесо. Оно вращается и внутри мельницы огромные каменные жернова, соединенные с этим колесом, тоже начинают двигаться и перемалывают зерно.

– О! – только и смогла произнести пораженная девчушка. Еши просто молча моргал глазами, пораженный новым невероятным впечатлением.

Навстречу путникам, вытирая руки вышитым передником, вышла женщина. Она смотрела на пришедших с нескрываемым удивлением. Судя по одежде, и по тому, что старшие дети вели за собой, нагруженных вещами горных быков, они пришли из Алметин. Впервые на ее памяти алметинцы пришли с детьми. На мельницу всегда приходили только мужчины. Они рассказывали, какую долгую и трудную дорогу нужно преодолеть, чтобы добраться от горных селений до низовий. Поэтому ни женщин, ни детей никогда не брали с собой. Значит, на этот раз что-то произошло, что заставило их взять с собой детей. Женщина вновь с удивлением оглядела гостей. Где же взрослые? Почему они отправили детей вперед одних? Может быть, кто-то заболел, и дети пришли за помощью? Лицо старшего мальчика показыва-

лось ей знакомым. Да, так и есть, он же приезжал сюда весной с отцом и другими мужчинами из их селения, за мукой. Его очень интересовало, как устроен механизм перемалывающий зерно, и муж ему все показывал. Он еще сказал потом, какой смысленый и любознательный парнишка. Теряясь в догадках, что же все таки произошло, она сказала:

– Здравствуйте, милые! Вы же из Алметинских гор? А где же остальные, почему вы одни? – Она кивнула Замиру и улыбнулась. – Ты был у нас весной, я тебя помню. Мой муж нахвалиться не мог, какой ты сообразительный и любознательный...

Улыбка застыла на добром круглом, как луна лице мельничихи, а потом начала медленно исчезать. Встретившись с застывшими взглядами детей, наполненными болью, увидев, как их лица исказились от невыразимого страдания, она в ужасе начала понимать, что и впрямь что-то произошло. Какое-то несчастье. Что-то страшное. И именно поэтому дети здесь... Но, что же такое ужасное могло случиться, что им пришлось проделать такой долгий, опасный путь? И где же и впрямь остальные? Не одни же они пришли?... Или одни?! Мельничиха зажала ладонью рот, чувствуя, как ее переполняет дурное предчувствие, а из груди рвется крик.

– Дети... – прошептала она. – Что случилось?...

Старший мальчик, глядя куда-то сквозь нее, сказал бесцветным голосом:

– Произошло несчастье... – он откашлялся. – Нам при-

шлось прийти сюда...

Мельничиха прижала руки к груди, чувствуя, как колотится сердце. Казалось, что оно сейчас разорвется от невыразимого чувства сострадания и сочувствия к этим детям. Мальчик мотнул головой, как будто прогоняя назойливое насекомое.

– Из жителей Алметинских гор остались только мы...

– Великий Оил!... – вскрикнула мельничиха, ожидавшая страшной вести, но то, что она услышала, было намного ужаснее всего, что она могла вообразить. Из ее глаз покапались слезы. Она быстро смахнула их рукой, чтобы не расстраивать еще больше уже и так готовых зареветь малышей, да и старшую девочку. – Пойдемте! Пойдемте, милые, в дом. Сейчас я вас накормлю...

Сердце доброй женщины разрывалось от горя и сострадания. Что же могло произойти, что из нескольких сотен жителей горных селений остались только четверо детей?! И, что же пережили эти дети?! Какие ужасы? Какую боль они вынесли. Женщина тяжело вздохнула, стараясь взять себя в руки.

–

– Ешьте, ешьте, мои хорошие, – глядя светлые кудри малышки и темные вихры мальчика, приговаривала мельничиха. Старшие тоже ели с аппетитом. Хозяйка дома решила ничего не выпытывать. Дети устали, они пережили что-то ужасное, страшную трагедию. Пусть придут в себя, отдохнут, по-

том все расскажут. Как раз скоро вернется муж, так некстати, уехавший сегодня в соседнюю деревню. – Ешьте милые...

Мельничиха украдкой вытерла слезы.

–

– Да, дела... – сокрушенно покачав головой, сказал мельник, когда Замир и Лиа закончили свой рассказ. Суровое лицо было печальным. Мельник вздохнул. Ему нравились алметинцы. Мало того, что всегда жаль людей, когда происходит несчастье. Но жители гор были народом мужественным, трудолюбивым. Они вызывали уважение. Страшное несчастье...

На землю спустились сумерки. В темноте слышался треск и попискивание, издаваемое ночными насекомыми. Тихо и уютно журчала вода в реке. Темное небо было усыпано звездами. Теплый воздух обволакивал нежно и невесомо, и казалось совершенно невероятным, что где-то там, в горах все стоит застывшим от трескучего мороза. Что везде лежит снег толщиной в два человеческих роста. Казалось, что все это осталось далеко-далеко. Не в нескольких днях пути, а и во все совсем в другой жизни. И прошла не неделя, а сотни, а может быть и тысячи лет, с тех пор, как они покинули родные места. С тех пор, как их жизнь изменилась раз и навсегда.

Мельник попыхивал трубочкой. Его жена, тихонько утирала уголком передника сбегавшие из глаз слезы. В какой-то момент она не удержалась и всхлипнула. Мельник покосился на нее.

– Цыц! Не реви...

Она покивала головой и шмыгнула носом. Мельник тоже вздохнул. Вот же какое горе, так сразу и не справишься с таким известием. А детям-то какво? Остались сиротами. Ничего у них не осталось. И насмотрелись такого, что страх берет даже слушать. Дела...

– Что ты собираешься делать Замир? – справившись с нахлынувшими чувствами спросил мельник.

– Мне нужно пойти в город. Отец говорил там можно купить оружие. Настоящее боевое...

Мельник повернулся к парнишке и внимательно посмотрел на него.

– Уж не собираешься ли ты вернуться назад, в горы?...

Замир твердо посмотрел ему в глаза и мельник даже испугался, какая неукротимая ярость и ненависть горели в них.

– Я поклялся отомстить...

– Сынок, разве ты сможешь один?...

Замир пожал плечами.

– Возможно, найдется кто-то, кто захочет пойти со мной. А нет, значит, я пойду один. Я должен.

Мельник кивнул. Он понял, что отговаривать парня бесполезно. Да и если уж он дал клятву, значит, не может не исполнить ее. Клятва священна. Тот кто ее приносит знает, что это не пустые слова.

– Вот, что, – сказал мельник. – Вижу, ты твердо решил. Не буду тебя отговаривать, хотя затея твоя мне не по душе,

честно скажу. Но ты теперь мужчина и сам принимаешь решения. Детей и Лию оставь у нас. Им здесь будет хорошо. И нам со старухой радость. Наши-то дети давно выросли и разлетелись из родного дома.

– Спасибо, – сказал Замир, чувствуя, что глаза у него защипало. Дальше ему предстоит идти одному. Но это ничего. Это даже хорошо. Мельник и его жена – добрые люди, детям и Лию будет у них и впрямь хорошо. А, если он не вернется, то они о них позаботятся.

Мельник пыхнул несколько раз трубкой. Вздохнул. Парнишка ему нравился. Очень не хотелось его отпускать. Тем более парень собирался, чуть не на верную гибель. Но ничего не сделаешь, он принял решение...

– Завтра утром пойдем в соседнюю деревню. Там один крестьянин как раз собирается в город ехать. Отвезет тебя и все тебе покажет.

Мельник кивнул на спящих быков, по привычке тесно привалившихся друг к другу.

– Ты можешь продать своих быков и получить хорошие деньги. Думаю, найдется много желающих купить таких животных. Ваши мужчины говорили, что эти быки не только необычайно выносливы, но и очень умны.

Замир помотал головой.

– Нет. Я не стану их продавать. Они часть моей семьи. Они не раз спасли нам жизнь, служили верой и правдой. Да к тому же, они будут мне нужны, когда я пойду в горы.

Мельник улыбнулся.

– Удивительный вы народ, алметинцы. Тут никто про скотину не скажет, что это часть семьи. А у вас там, видать, все друг за друга стояли. . . Иначе, наверное, и не выжить при такой трудной жизни.

– Да. Там в горах, можно выжить, только если все друг за друга держатся, – в голосе Замира прозвучала нескрываемая гордость. Пусть его род погиб, но он не позволит умереть памяти о нем. Алментинцы были достойным народом. Стойким. Каждый был готов прийти на помощь другому. Каждый был готов отдать жизнь за другого. . .

–

Глаза Аните и Еши наполнились слезами. Оба, то и дело шмыгали носом. Лиа тоже часто моргала, стараясь не разреваться. Она была немного обижена, что Замир так и не согласился взять ее с собой, но в душе понимала, что она мало чем сможет ему помочь, в том, что он задумал сделать.

– Замир! – всхлипнула Аните. Еши тоже прижался к брату, изо всех сил вцепившись в рубаху. Замир обнял их. Сердце его разрывалось. Они совсем маленькие. Они потеряли всех кого любили. Теперь бояться потерять и его.

– Я вернусь. Я очень скоро вернусь, обещаю, – он потрепал брата с сестрой по волосам.

– Правда? – Аните доверчиво посмотрела ему в глаза чистыми и яркими, как небо голубыми глазами.

– Правда.

Замир обнял Лию.

– Прощай, сестренка. Береги их и себя.

– Прощай Замир! Пусть Великий Оил хранит тебя. Возвращайся, мы будем тебя ждать.

– Мы еще увидимся то того, как я отправлюсь в горы, – он улыбнулся. – Так, что напрасно вы так печалитесь. Совсем скоро мы опять увидимся.

Быки, как будто тоже чувствуя разлуку с хозяином подошли поближе и потянулись мягкими мордами, высовывая длинные языки. Замир погладил широкие морды, дал каждому по припасенному специально для них сухарику.

– Ишь! – ухмыльнулся мельник. – Животина, а все понимают. И впрямь не зря ваши всегда говорили, что быки эти умнющие.

Замир в последний раз взглянул на своих близких и пошел к повозке мельника, боясь, что еще немного, и он не сам не выдержит и расплчется. Что же будет, когда через несколько дней он вернется и отправится в горы? Они, наверное, вторую реку наплачут рядом с первой, или первая выйдет из берегов и зальет все вокруг.

– Трогай! – крикнул мельник рыжей лошадке, понимая, что дети и парнишка сильно расстроены и не стоит тянуть время.

–

Представив Замира мужику, собиравшемуся в город, мельник отвел его в сторону.

– Ты к парнишке не приставай, что, как и зачем. – Он многозначительно посмотрел на крестьянина. Тот пожал плечами. Не приставать, так не приставать. Хотя ему, конечно охота было послушать про горы – алметинцы к ним в деревню редко приходили. Но нет, так нет, ничего не поделаешь.

– Давай, парень, забирайся в повозку, поехали. Если все удачно сложится, к вечеру будем в городе. – Крестьянин хлестнул пару мохноногих лошадок, и повозка тронулась в сторону от деревни. Мельник помахал вслед отъезжающим.

Глава 14. Город

До города добрались, когда солнце уже низко опустилось, почти коснувшись горизонта, и небо окрасилось розово-багряными полосами.

Множество домов в два и даже три этажа, вымощенные камнем, большое количество людей поразили Замира. Он чувствовал себя неуютно. Казалось, будто находишься в пещере – со всех сторон стены домов. Ему не хватало простора, тишины. Улицы города наполняли звуки голосов, сливающиеся в неразличимый гул, цоканье копыт, грохот повозок по камням. Где-то лаяли собаки. То и дело кто-то громко кричал и бранился. И еще запах. Воздух был пропитан запахами еды, конского навоза, гниющих отбросов, которые валялись прямо на улице. В зловонных кучках копошились грязные всклокоченные собаки, шныряли крысы. Если в низовьях воздух был наполнен тягуче-пряными ароматами трав, цветов, меда и жаркого солнца, и хоть и не походил на чистый бодрящий морозный воздух гор, но был приятным, то здесь Замиру, поначалу, показалось, что он задыхается. Ему было непонятно, как люди могут жить в такой тесноте и зловонии, когда вокруг сплошь прекрасные благодатные земли. Места сколько хочешь. Строй дом и живи. Есть место, где пастись скоту, и даже о корме для него думать не нужно. Все вокруг покрыто густой травой. Замир решил, что как

можно быстрее закончит свои дела здесь и уедет. Это место не для него.

– Ничего, парень. Это ты с непривычки так на все смотришь, – посмеивался крестьянин, привезший его. – Ты даже побледнел. Да, согласен. Горожане люди неопрятные. Сами ходят разодетые, нос кверху задирают, а весь мусор прямо на улицу вываливают. В деревне-то оно куда лучше. И проще, и приятнее.

Замир, стараясь не вдыхать глубоко и от того, все сильнее испытывая желание, как следует отдышаться, ничего не ответил, только покивал головой, полностью разделяя мнение крестьянина.

– Вот постоянный двор. Сегодня заночуем в нем, – сказал крестьянин, подталкивая Замира к дверям большого дома, которые то и дело открывались и закрывались, впуская и выпуская посетителей и постояльцев.

Пока добирались до города, крестьянин сто раз пожалел, что дал слово не расспрашивать паренька о цели его поездки и о том, почему он едет один. Но слово есть слово. Сначала парень ехал молча, сидел хмурый. Немного погодя сам начал расспрашивать про город, про то где там можно купить хорошее оружие. Крестьянин в очередной раз пожалел о данном мельнику слове. Дело-то точно необычное. Алметинцы, мало того, что никогда поодиночке не ездят. А уж боевое оружие им и вовсе сроду не было нужно. Они охотники, а не воины. Им в горах и сражаться-то не с кем. Кроме

дикого зверя там нет никого. Кто в своем уме пойдет к ним в их лютый холод, да вечные льды? Да и ради чего? Там только снег и камни. Крестьянин, конечно, парнишке на его вопросы ответил, и обещал проводить туда, где оружием торгуют, но сам сидел, ерзая от любопытства, сдерживаясь из последних сил, чтобы не начать спрашивать самому. И уже всю проклиная мельника, с его дурацкой просьбой. Самто, небось, знает, что и как. А другим значит не обязательно. Крестьянин решил, что по возвращении из города поедет на мельницу, как раз повод есть – муки нужно прикупить, и уж тогда, как угодно, но вытрясет из мельника ответы на интересующие его вопросы.

Войдя в полутемное помещение, освещаемое парой десятков свечей, Замир с удивлением признал, что на улицах города запах был не самый противный. Он едва сдержался, чтобы не выбежать обратно на улицу. Здесь ко всем присутствующим на улице ароматам, примешивался еще запах перебродившего пива, пота, невымытых ног и еще много всяких неприятных неопределимых запахов.

– Да, брат, – чуть не расхохотался крестьянин, видя страдальческое выражение на лице паренька. – Привыкай. Пока ты в городе, везде будет так. Завтра пойдешь на рынок, так там еще хуже.

При этих словах глаза у Замира выпучились, а желудок, первый раз в жизни, скрутило, и во рту появился неприятный привкус горечи.

– Давай, парень, поешь. – Уговаривал крестьянин, при-
двигая к Замиру миску с похлебкой. Замир отодвинул миску
от себя. Есть ему не хотелось. Крестьянин пожал плеча-
ми и с аппетитом принялся поглощать содержимое миски. –
Вон, брусничный кисель или травяной настой, попей. Полег-
чает, – с набитым ртом посоветовал крестьянин. Надо же, па-
рень привык к страшнейшим морозам и невыносимым усло-
виям, вон шрам свежий на щеке, ясно, что оставил его се-
рьезный дикий зверь, а от вони совсем раскис. Сидит зеле-
ный, глаза как стеклянные бусины. Крестьянин ухмыльнул-
ся. Чего только не бывает.

Замир попил травяного чая. Вроде, немного отпустило.

Ночь была настоящим мучением. Спертый, душный воз-
дух, опять же пропитанный вонью. Крики и хохот, раздавав-
шиеся снизу, из комнаты, где постояльцы и просто забред-
шие гуляки пили и ели. Крики на улице, какой-то грохот, лай
собак. Среди ночи Замир почувствовал, как по нему что-то
ползает. Он подскочил и увидел, что по кровати и по одежде
бегают маленькие жучки. Он начал стряхивать их, но жу-
ки появлялись откуда-то снова и снова, подбирались к нему,
заползали в складки одежды, ползали по телу. Крестьянин
спал богатырским сном, храпя так, что казалось, стены со-
дрогаются. По нему тоже ползали жуки, но он, время от вре-
мени почесывался во сне и продолжал храпеть.

– Да это ж клопы! – услышав утром рассказ о странных
жуках, сказал крестьянин.

– А почему они живут в доме?

– Так они же кровь пьют!

– Кровь?! – Замир недоверчиво посмотрел на него.

– Ну да. Такая дрянь приставучая. Все постоянные дворы ими кишат.

С каждым новым открытием Замир все сильнее желал покинуть место, которое такое количество местных жителей считает вполне приемлемым для жизни. Даже княжеский дворец, говорят, находится в городе. Замиру было непонятно почему правитель страны желает жить в таком ужасном месте. Разве только он хочет разделять все тяготы своего народа? Замир не очень представлял, что такое дворец. Сначала он хотел, когда покончит с делами, сходить посмотреть, но теперь желание пропало. Как можно скорее прочь из зловонного, давящего каменными стенами, кишашего маленькими, мерзкими кровопийцами места.

После постоянного двора, уличный воздух показался Замиру почти свежим. Крестьянин проводил его до рынка. Сам он ехал дальше, ему нужно было попасть в другой город, где проводили торги лошадей. В столице, торговать крупными животными, по приказу князя, было запрещено, из-за тесноты.

– На обратном пути, дня через четыре, заеду за тобой, парень – предложил Замиру крестьянин.

Представив еще четыре ночи, проведенные на постоялом дворе, Замир ужаснулся.

– Нет, спасибо, – энергично помотав головой, сказал он.

Крестьянин удивленно посмотрел на него.

– Так, а как же ты назад доберешься?

– Пешком дойду.

Крестьянин засмеялся.

– Так это же дня два пути, на своих двоих.

– Ничего, дойду.

Крестьянин помотал головой. Вот чудак!

– Ладно, парень. Удачи тебе. И смотри, не зевай. Народ тут ушлый.

–

На городском рынке творилось, что-то невообразимое. Казалось, что все жители города собрались разом на площади, где располагались торговые ряды. Народу было столько, что протолкнуться между рядами можно было с трудом. Было так шумно, что торговцам и покупателям приходилось чуть ли не кричать, чтобы расслышать друг друга. Здесь запах был и вовсе невыносимый. От мясных и рыбных рядов несло похлеще, чем от куч мусора гниющих на улицах. Сжав зубы, Замир направился вдоль рядов, в поисках торговцев пушниной. Ему нужны были деньги, и для этого нужно было сначала продать шкуру снежной кошки, убитой им с Орчи в пещере.

Наконец, Замир нашел место, где расположились торговцы мехами. Народу здесь было поменьше. Дорогой товар был по карману только богатым покупателям. Между ряда-

ми важно прохаживались несколько разодетых женщин, сопровождаемых слугами. Женщины придирчиво разглядывали вывешенные шкурки. Торговцы подобострастно улыбались, во всю расхваливая свой товар.

– Что желает молодой господин? – поинтересовался торговец, заметив, как Замир рассматривает развешенные над прилавком шкурки лис, зайцев, куниц и росомах.

Замир развернул шкуру. Глаза торговца заблестели. Шкура снежной кошки – редкостная вещь. Какая-нибудь богачка выложит за нее кучу денег.

– Сколько хочешь? – спросил торговец, стараясь скрыть собственную заинтересованность.

Замир назвал сумму, как учил его мельник, который разбирался в местных ценах. Торговец замахал руками.

– Что ты, что ты?! Да эта шкура и полцены не стоит. Вон, посмотри еще и дыры.

Пухлые пальцы торговца ткнули в места, в которые пришлись удары охотничьих ножей.

– Шкура попорчена. С дырами она даже полцены не стоит.

Замир наклонился к торговцу и одарил его хмурым взглядом.

– Эта кошка едва не убила меня и моего товарища. Нам некогда было думать, куда воткнуть нож. Не хочешь, найду другого торговца, не такого привередливого.

Замир хотел забрать шкуру, но торговец вцепился в нее обеими руками. мех был шикарный. Он это понимал, как и

то, что его сосед, тут же купит эту шкуру у парня, без разговоров, а потом получит за нее хороший навар.

– Хорошо. По рукам. Себе в убыток беру. Только из уважения к смелому охотнику.

Отсчитав монеты, он отдал Замиру туго набитый кошелек.

– Если смелый охотник добудет еще такую шкуру, я, пожалуй, куплю и ее.

Замир усмехнулся.

– Надеюсь, что больше не встречусь с такой шкурой. Хотя если встречусь, пожалуй, чтобы не портить мех попробую поймать ее живой и привести к тебе, чтобы ты уж сам сделал все как нужно.

Торговец сердито посмотрел на него. Мало того, что ободрал его как липку, так еще насмехается. Но тут же мысли торговца переключились на подсчеты, сколько можно выручить за бесценный мех. Пожалуй, он запросит три цены, а лучше четыре, а может даже пять! Маленькие глазки алчно заблестели. Да, неплохая сделка. Удачный день.

Замир направился в сторону оружейных рядов.

– Ох!

На Замира налетела девушка. Совсем молоденькая. Маленькая и очень стройная. Лицо у нее было растерянное.

– Меня толкнули, – сказала она. – Здесь одни сплошные невежды. Она бросила на Замира быстрый взгляд и неожиданно всхлипнула.

– Что случилось? – встревоженно спросил он, стараясь за-

крыть незнакомку руками, от снующих туда-сюда, толкающихся людей.

Девушка судорожно вздохнула и смахнула скатившуюся из глаз слезинку.

– Прости меня, добрый юноша, – печально сказала она.

Замир осторожно взял ее за плечи и отвел в сторону.

– Тебя кто-то обидел? – спросил он, усадив незнакомку на пустой деревянный ящик. Она печально улыбнулась.

– Нет. Просто... – она вновь всхлипнула. – О, прости меня, добрый юноша. Это совсем не твоя забота. Ты пришел сюда по своим делам, не трать время на меня...

Девушка закрыла лицо руками.

– Скажи, что случилось? Если тебе нужна помощь, я помогу, – твердо сказал он.

Девушка подняла на него глаза, они были темные, почти как ягоды черешни, которыми угощала их мельничиха. Замир никогда не видел таких глаз. У женщин его племени глаза были голубые или серые.

– Просто... Моя матушка... – Девчонка опять всхлипнула. – Она очень больна. Находится при смерти...

Она вновь закрыла лицо руками. Замир вздохнул. Ему стало очень жалко девушку. Он отлично понимал ее горе. Но тут он, к сожалению, помочь ничем не мог.

– И, что, ничего нельзя сделать? Что говорит знахарь?

Девчонка непонимающе посмотрела на него, но потом, кивнула.

– Лекарь? О, добрый юноша, лекарю нужно платить. Без денег он не станет помогать. Даже смотреть не станет...

Замир достал кошелек.

– Сколько нужно заплатить лекарю?

Девчонка изумленно посмотрела на туго набитый кошелек.

– Три монеты, – тихо сказала она. – И еще две монеты за лекарство.

Подивившись тому, что врач берет столько денег за осмотр больного, Замир отсчитал пять монет и протянул девушке. Она посмотрела на него с благодарностью.

– Ты так добр! Пусть тебе сопутствует удача, – растроганно сказала девушка. Замир немного смутился, но ему было приятно, что она смотрит на него почти с восхищением. К тому же она была очень красива, хотя это-то, конечно, было неважно...

– Пусть твоя матушка поправляется.

– Благодарю, – прошептала она, протягивая руку за деньгами. Внезапно выражение лица у нее стало крайне удивленное. Рот широко открылся, глаза стали круглыми.

– Смотри! Летающие люди! – крикнула она, показывая пальцем куда-то за его спину. Замир быстро обернулся посмотреть на такое диво. Все тут чудно, но летающие люди – про такое он и слыхом не слыхивал. Он вертел головой и вправо и влево, но никаких летающих людей не видел. Он уже хотел спросить, где же они, потому, что ему очень хоте-

лось взглянуть на них, но как раз в этот момент его сильно дернули за руку, и он почувствовал, что в ней больше нет кошелька с монетами. Замир изумленно повернулся назад. В толпе мелькнуло яркое платье девчонки. На мгновение она обернулась. Сверкнула озорная улыбка, темные глаза смотрели насмешливо и дерзко, от недавней печали не осталось и следа.

– Спасибо, простофиля! Ты и впрямь добрый парень! Да пошлет Оил тебе удачу! – она помахала кошельком и исчезла в толпе. Замир бросился следом. Он выискивал взглядом яркое платье и темные волосы незнакомки. Со всех сторон его толкали, теснили. Замир вертел головой. В какой-то миг ему показалось, что он увидел яркую ткань, похожую по цвету на платье девчонки, и вроде волосы такие же, как у нее, но толпа тут же снова скрыла и платье, и темноволосую голову.

– Эй, парень! Чего встал посреди дороги? Дай людям пройти! – прикрикнул толстый мужик, толкая Замира большим животом.

Зажав в руке, оставшиеся пять монет, которые он собирался дать девчонке, Замир побрел в сторону выхода с рынка. Что теперь делать? На, что он теперь купит оружие? У него остались только быки. Но их он не может продать. Хоть, правда, отправляйся добывать еще одну снежную кошку. Но девчонка! Как она могла?! У него дома никто даже и подумать не мог взять что-то чужое. Если что-то нужно, можно попросить и тебе обязательно дадут. Но просто взять, да еще

при помощи обмана! Он хотел ей помочь. Пожалел ее. Ее больную матушку. Может, и матушки никакой нет, по крайней мере, больной? Погрузившись в невеселые размышления, Замир шел, опустив голову, ни на кого не глядя, кипя негодованием и злобой. Обидой, разочарованием...

– Эй, деревенщина, куда прешь? Посторонись! – раздавалось совсем рядом с Замиром. – Что, оглох? Сейчас плетью огрею, сразу слышать начнешь!

Замир поднял голову. Перед ним, сердито сверкая надменным взглядом, стоял богато одетый молодой мужчина. Рядом с ним был еще один, тоже разодетый в богатые одежды, высокий, светловолосый, глаза озорные, по возрасту, вероятно, чуть старше самого Замира. Из-за спин обоих выглядывали рукояти мечей.

– Чего встал? Отойди, говорят! – вновь прикрикнул первый, довольно грубо толкнув Замира. Замир толкнул его в ответ. В нем закипала злость, требующая выхода. Что за проклятое место? Грязное, зловонное, да еще полно, как оказалось, не только гадких, но довольно безобидных насекомых, питающихся кровью, но и намного более неприятных и зловредных человеческих созданий, готовых обманывать, брать чужое, вести себя заносчиво и грубо.

– Ах ты, негодяй! – заорал толкнувший Замира. – Я тебе сейчас покажу, грязный оборванец!...

– Сейша! – властно крикнул светловолосый парень. – Оставь его.

Заносчивый грубиян, которого звали Сейша, сердито сверкнул глазами, но отошел в сторону.

– Приветствую тебя! Мой товарищ немного вспыльчив, извини его, – сказал светловолосый. Он протянул Замиру руку. Глаза у него были веселые, в них так и прыгали озорные огоньки, почти как у проклятой девчонки. – Я вижу, ты прибыл издалека и не знаком с местными нравами. – Он рассмеялся. – Тут, друг мой, если ты будешь так идти и мечтать, никого и ничего не замечая, тебя просто затопчут. Откуда ты?

– Из Алметинских гор.

Лицо юноши расплылось в радостной улыбке. Глаза загорелись.

– Да, что ты?! Как повезло, что Сейша налетел на тебя! Настоящая удача! Наконец-то его грубость принесла хоть какую-то пользу, а не вред, – парень весело подмигнул приятелю, продолжавшему стоять с хмурым лицом. – Пойдем, посидим где-нибудь. Ты расскажешь нам про Алметины. Страсть как хочу послушать про те места. Меня зовут Волман.

– Замир.

– Сейша, давайте, миритесь, – потребовал Волман. – Замир, Сейша не хотел тебя обидеть. Как я уже сказал, он не сдержан. Но у него есть много достоинств. И он великий воин. За это можно вполне простить некоторые его недостатки.

Замир с интересом взглянул на заносчивого грубияна Сейшу. Значит меч за спиной, не просто для устрашения и

придания своей особе важности. Оружие он носит по праву. Замир даже проникся уважением и искренне пожал руку Сейши, знакомство с которым началось не самым приятным образом. Но ведь у светловолосого паренька тоже меч за плечами. Значит и он воин. Может быть, эта встреча не просто случайность. Может сами небеса послали ему двух воинов в минуту отчаяния. Замир решил, что расскажет новым знакомцам все, как есть. Может быть, они захотят ему помочь. В любом случае, они могут ему дать дельный совет, что тоже не помешает для выполнения поставленной им задачи.

– Ну, надо же! – не переставал радоваться Волман. Он весь прямо светился.

Замир решил, что, наверное, Волман из очень знатной семьи, раз уж его приятель Сейша, разодетый и сам как настоящий богач, беспрекословно слушает его. Здесь в низовьях большое значение имеет происхождение. И сколько у тебя денег. Можно ничего не уметь или быть глупым, но если ты знатен и богат, все тебя слушают и исполняют все, что ты велишь. Очень странно, конечно. Но тут все чудно, так, что чего уж удивляться?

–

– Мне жаль твое племя, Замир. – Лицо Волман было печально. Взгляд голубых глаз стал серьезным. – Алметинцы славный народ. Достойный и мужественный.

– Мы скорбим вместе с тобой, – сказал Сейша, во взгляде которого больше не проскальзывало пренебрежения, как

вначале разговора. Теперь он смотрел на «деревенщину» попавшуюся ему на пути, с уважением и искренним сочувствием.

Они сидели за широким столом в корчме. Большая просторная комната была чистой и опрятной, не было ни вони, ни шумных сильно подвыпивших гуляк, как на постоялом дворе. Хозяин, одетый в вышитую рубаху и полотняные штаны, обслуживал посетителей почтительно, низко кланяясь богатым господам, приходившим поесть в его заведении. При виде спутников Замира, он расплылся в любезной улыбке и склонился чуть не до самого пола. Сам проводил знатных гостей к столу, продолжая непрерывно кланяться и повторять, что для него огромная честь, принимать их у себя. Он долго суетился и пытался всячески угодить, покрикивая на слуг, чтобы те поторапливались и несли поскорее угощение для дорогих гостей. В конце концов, Волман отослал лебезившего хозяина, дав ему несколько золотых монет и уверив, что они всем довольны, и его услуги больше не требуются. Корчмарь, приседая и кланяясь, не переставая расточать улыбки, ушел. Исходя из поведения хозяина корчмы, Замир окончательно убедился, что его новые знакомые и впрямь очень знатные господа. Даже посетители, сидевшие за соседними столами, заметив их, кланялись и произносили почтительные приветствия.

– Я однажды бывал в Алметинских горах, – сказал Волман. Он улыбнулся. – Когда мне было шестнадцать, я напро-

сился с вашими людьми. Очень хотел посмотреть как там, в суровом краю вечного холода. С самого детства мечтал увидеть не таящие снега, ощутить сковывающий тело мороз, увидеть скалы с вершинами покрытыми снегом, бескрайние долины. Мне казалось, что именно там можно почувствовать себя настоящим мужчиной, в месте, где жизнь – это постоянное преодоление трудностей, где люди день за днем совершают подвиг, и не для того, чтобы снискать славу, почести, богатство или власть, а просто для того чтобы выжить. Я был буквально одержим горами. – Он засмеялся, и лицо у него стало совсем мальчишеским. – Меня взяли с условием, что после двух дней пути я со своими людьми вернусь назад. Меня потрясли те места. То что я увидел, превзошло все мои ожидания. В своих мечтаниях я и представить не мог, насколько реальность окажется действительно суровой и в то же время прекрасной. Я тогда понял – чтобы жить там, нужно быть очень сильным духом. В какой-то момент я готов был повернуть назад. Только гордость меня останавливала. Я боялся показать себя трусом и слабаком. Час за часом я преодолевал самого себя. Казалось, что мои легкие смерзлись, что еще чуть-чуть, и я весь превращусь в кусок льда. Я уже мечтал о теплом ласковом ветре низовий, о воздухе, не сжигающем внутренности и тело морозом. И в то же время, мной овладевал восторг. Эта суровая, почти невыносимая безжизненная застывшая красота завораживала меня. Я хотел назад, домой, в тепло и в то же время я уже мечтал

очутиться в этом суровом краю снова. Я знал, что это место теперь всегда будет манить меня. Не как детская мечта и желание испытать новые ощущения, почувствовать себя сильным, способным преодолеть трудности, а как реально пережитое, уже испытанное мною чувство. Невыносимое, пугающее и одновременно прекрасное. – Взгляд Волмана стал задумчивым. На губах блуждала мечтательная улыбка. Наконец он вынырнул из мира воспоминаний и посмотрел на товарищей. Глаза вновь искрились веселым задором. – Когда мы ехали по извилистым горным тропам, нам повстречалась стая волков. Они скалили пасти, рычали, перебегали с места на место, неотрывно следя за нами злобными горящими глазами. Казалось, что в любой миг они могут оттолкнуться от земли и броситься на нас. Но напасть они так и не решились. Нас было много. Алметинцы сказали, что волки нападают, только если людей мало и волки чувствуют, что сила на их стороне. Но мне, признаться, было все равно не по себе. Казалось, что инстинкт хищника все же пересилит и животные все же набросятся на нас. Я испытывал одновременно и страх и какое-то необъяснимое желание схватиться с ними. Почувствовать опасность, возможно близость смерти, и одержать верх. Хотелось вновь испытать себя, доказать, что я сильнее не столько волков, сколько собственных страхов.

– Да ты романтик, друг мой, – усмехнулся Сейша. – И у тебя непреодолимое желание постоянно преодолевать свой страх и доказывать самому себе собственную силу. Для во-

ина стремление к бессмысленному, неоправданному риску, лишь ради того, чтобы потешить собственную гордость и самолюбие, может стать губительным.

Волман рассмеялся.

– Пожалуй, мне и впрямь часто мешает мое желание испытывать судьбу. Но это сильнее меня, как ни стыдно это признавать. Если хочешь – в этом моя главная слабость. Я желаю быть сильнее, чем я есть и не могу смириться, если чувствую, что чего-то боюсь. Мне обязательно нужно преодолеть самого себя, чтобы не чувствовать себя слабаком и трусом.

Замиру было странно слышать подобные слова. Жизнь в Алментинах сама по себе являлась постоянным преодолением. Ни одному из жителей селений даже не пришла бы в голову мысль, что нужно подвергнуть себя какому-то испытанию, чтобы что-то доказать. Сам образ жизни состоял из постоянных трудностей, риска и опасностей. Риск и невероятные трудности были самой обыденной, самой привычной вещью в горах. Замир подумал о том, что, чем проще и легче жизнь, тем вероятнее, больше людям приходится прикладывать усилий, чтобы почувствовать внутреннее удовлетворение, довольство самими собой. Они не могут быть счастливыми просто так. Им все время чего-то не хватает, при том, что у них, казалось-бы все есть. Станный мир. Станный во всем. Во всем отличный от того к чему он привык.

– Когда мы уже почти приблизились к низовьям, на гор-

ных тропах нам тоже повстречались волки, – сказал Замир.

Волман внимательно посмотрел на него. В его глазах было неподдельное любопытство.

– Они напали?...

– Да, – Замир кивнул. – Нас было мало, и они чувствовали, что мы легкая добыча.

– И как же вы смогли с ними справиться? – Волман знал, что алментинцы честнейший народ, и парень не врет просто, чтобы покрасоваться. На него и на его спутников действительно напали волки. Волман просто не мог себе представить, как парнишка, с которым была только девчонка, младше его самого, да двое маленьких детей, смог противостоять стае кровожадных диких зверей. Волман почти физически ощутил, то чувство сжимающего сердце страха и одновременно возбуждения близостью опасности, когда волки провожали их взглядами желтых глаз, в которых не было ни жалости, ни надежды на спасение. Эти глаза ясно говорили, что если волки смогут добраться до добычи, то они разорвут, растерзают ее. Он ощутил также легкое чувство зависти к парнишке, сумевшему, пусть и не по собственной воле, пережить чувство торжества над злобными тварями. Он оказался сильнее их. В первую очередь потому, что его дух силен. Хотя, ему, в отличие от Волмана, совершенно не требуется постоянно доказывать себе, что он способен преодолеть собственный страх.

– Мы чуть не погибли, – сказал Замир. – Их было больше

десятка, одному из них удалось вцепиться мне в ногу, и я потерял сознание. К счастью, это произошло, когда большая часть волков была уже перебита. Моя сестра Лиа и братишка добились одного раненого волка и убили еще одного, который бросился на меня, пока я лежал без сознания.

– У Вас и женщины достойны восхищения, – голубые глаза Волмана сверкнули.

Замир видел волнение, охватившее Волмана, и оно даже немного позабавило его. Новому знакомому, как он сам признал, постоянно нужны приключения, чувство опасности. Он отчаянно стремится к ним. И если они выпадают на долю кого-то другого, он чувствует огорчение и разочарование. Даже завидует немного.

– Наши женщины добрые и заботливые, – сказал Замир. Он почувствовал боль, потому, что все, что касалось его племени теперь осталось в прошлом. И говорить о людях, с которыми он жил, которых любил, теперь можно только в прошедшем времени. – Они нежные, милые и ласковые, но в случае необходимости, каждая из них готова была встретить опасность, смело глядя ей в лицо и при этом еще и поддерживать мужчин.

На некоторое время за столом повисло молчание. Всем троим было грустно. Волман и Сейша, побывавшие за свою хоть и не слишком долгую жизнь уже не в одной битве, ощущали, что произошедшее в горах совсем не похоже на то, что им доводилось видеть на поле боя. Во время сражения,

воины осознают, что могут погибнуть. Каждый из них хочет жить, и никто не желает пасть мертвым от рук врага, но они готовы к тому, что это может произойти. Мирные жители тоже гибнут. Война всегда несет смерть даже тем, кто в ней не участвует напрямую. Но алментинцы не участвовали ни в каких сражениях. Они не воевали, они жили мирно, борясь за жизнь не с врагом, пытающимся захватить их земли, а с теми условиями, в которых они находились. Много веков никто из них не брал в руки оружия, кроме как для охоты. И то, что они вот так, погибли все в один день, такой страшной смертью, было несправедливее и страшнее всего.

– Послушай, Замир. Ты задумал отомстить за свое племя, – нарушил, наконец, молчание Волман. – Поверь, я понимаю твоё желание. Только стоит ли так рисковать, и идти на верную смерть, когда ты, с таким трудом, преодолев столько трудностей и испытаний, только-только сумел избежать ее со своими спутниками? Раз уж вам удалось выжить, может быть лучше попробовать начать жить здесь? У тебя есть близкие, которым ты дорог. Что толку, если они потеряют тебя. Ты же не сможешь вернуть тех кто умер. Может быть оставить все как есть? Просто жить дальше. Ты не воин. Ты не жаждешь славы. У тебя впереди жизнь. Ты молод. У тебя сильный дух и ты хороший человек. Возможно, ты будешь здесь счастлив. Судьба ведь не напрасно распорядилась так, что ты выжил. Используй то, что она дала тебе. Живи. Оставь прошлое позади. Это тяжело, я понимаю. Но твоя жертва – не станет ли

она напрасной? Ты причинишь новые страдания тем, кто тебя любит. Возможно, ничего не добившись...

Замир внимательно посмотрел на молодого воина. Он видел, что Волман желает ему добра, и его слова звучат разумно, и, наверное, он прав. Но Замир не мог принять того, что он говорит. Он не сможет жить спокойно. Ни здесь, ни в любом другом месте. Не сможет забыть прошлое и наслаждаться жизнью. Ненависть и злоба, живущие в его сердце, будут разъедать его изнутри, пока не сведут с ума. Не будет ему жизни, и не будет покоя, если он отступит.

– Я согласен с тем, что ты говоришь. Но я не могу поступить так. Я должен исполнить клятву. Я должен освободить свою душу от переполняющей ее ярости. Лучше я погибну, чем буду жить с болью, разрывающей мне сердце, отравляющей душу, превращая ее в кусок льда. Представьте себе, что выйдя из корчмы, вы отправитесь домой. Но дойдя до него обнаружите, что вашего дома уже нет. И никого из близких тоже нет. Нет вообще всей вашей жизни, которой вы жили до этого, еще только сегодня утром. Неужели вы бы не почувствовали, что теперь главная ваша цель это месть? Неужели смирились бы, закрыли на все глаза и сказали себе, что нужно забыть обо всем и жить дальше?

– Нет, – сказал Волман. – Я бы жил дальше с мыслью о мести. И не знал бы покоя, пока не совершил бы ее.

Сейша кивнул, подтверждая согласие со сказанным товарищем.

– Вот и я собираюсь мстить. Это единственное, что я могу сделать. И это единственное, чего я хочу... Возможно, судьба и впрямь не просто так позволила мне пережить все. Возможно мое предназначение именно в отмщении, а сам я, на самом деле уже мертв, как и все остальные...

Волман пристально посмотрел на молодого алментинца. Во взгляде голубых глаз вспыхивал и разгарался все сильнее яркий огонь, который уже нельзя было потушить. Молодой воин принял решение. Глаза его сияли радостным торжеством.

– Одному тебе Замир, как бы смел и отважен ты не был, и как бы не переполняла тебя ярость и ненависть, не справиться. – Волман широко улыбнулся. – Вот моя рука, друг. Я пойду с тобой. Не могу упустить возможность вновь взглянуть в лицо собственному страху и победить его. Возможно, мое предназначение – именно в этом.

Он подмигнул Замиру и рассмеялся.

Рука Сейши легла поверх рук Волмана и Замира.

– Не знаю в чем мое предназначение, но я иду с вами, – он тоже улыбнулся. – Я как и вы убежден, что месть должна свершиться. А кроме того, я слишком тщеславен, чтобы упустить возможность стать героем. Ну и, конечно, алментинцы и впрямь славный и достойный народ. Нельзя допустить, чтобы их гибель осталась безнаказанной. Да и нечего какой-то там твари разгуливать по землям нашей страны. Пусть даже это и холодные безжизненные горы.

Замир смотрел на своих новых знакомых, неожиданно решивших разделить с ним предстоящие трудности и опасности, с искренней признательностью. Он и надеяться не мог, что ему так повезет, и судьба пошлет ему сразу двух надежных, верных товарищей.

– Мне нужно еще кое-что сделать, – сказал Замир. – Нужно купить оружие. Я продал шкуру снежной кошки и получил достаточно денег, но тут мне повстречалась девчонка... В общем эта девчонка украла у меня кошелек. Обманула меня и потом стащила его. – Замир немного смущенно потупился. Признать, что какая-то девчонка оставила его в дураках было не слишком приятно. – Теперь я должен сначала раздобыть денег, чтобы купить оружие.

Волман рассмеялся.

– Ты справился со стаей волков, а девчонка обвела тебя вокруг пальца! Да, друг, здесь у нас так. Нельзя зевать по сторонам и быть слишком доверчивым. Ты привык, что у вас все по-другому.

Сейша тоже захохотал.

– У нас большинство женщин норовит оставить мужчин без денег. Одни с помощью воровства, другие, используя более законные способы, вытрясая деньги из собственных мужей. Но и те и другие делают это с удивительной ловкостью. Женщины, те, что живут здесь, коварные создания, вертят нами, мужчинами, как хотят.

Замир вздохнул.

– У нас и впрямь все по-другому. У нас никто не совершает... не совершал бесчестных поступков.

– Не печалься Замир из-за денег. Оружие мы тебе найдем, – сказал Волман. – Но не доверяй больше девчонкам. Да и вообще, помни, что здесь полно тех кто только и ждет, чтобы прибрать к рукам, что-нибудь чужое.

Закончив смеяться, Сейша вполне серьезно сказал:

– Нужно собрать отряд из хороших воинов для похода в горы. Судя по всему, даже втроем нам не справиться.

– Не думаю, что это правильно заставлять людей идти в горы сражаться с неведомой тварью. Мне бы не хотелось, чтобы воины подвергали свои жизни риску из-за того, что я хочу отомстить за свой род. Это не их беда, и не их забота, – с сомнением сказал Замир.

– Друг мой, воины драться будут, за возможность попасть в наш отряд. – рассмеялся Волман. – Каждому хочется стать героем. Мало того, что сейчас мы с соседями пришли к согласию, и все вокруг тихо и мирно. В ближайшее время никаких военных походов, где можно снискать славу, не предвидится. Так, что воины будут рады возможности поучаствовать в таком деле, где можно проявить себя. Да и что может быть более достойного настоящего воина и более героического, чем возможность сразиться со страшным чудовищем и избавиться от него земли своей страны? Про нас будут складывать песни и рассказывать легенды. Кто откажется от такого? – он подмигнул друзьям. – Мы возьмем только луч-

ших из лучших. Тем более, что дело-то нешуточное. Кто знает, на что способна эта тварь. – Волман поднялся, глаза у него горели. Мысленно он был уже в предстоящем походе. Тело и дух воина рвались вперед навстречу приключениям и опасности. Настоящая удача, что им повстречался алментинец. Волман уже буквально сгорал от нетерпения. – Пойдемте. Приглашаю тебя Замир быть гостем в моем доме. Пока соберем отряд, подготовимся, окажи честь пожить под его крышей. Надеюсь, ты не слишком привязался к клоповнику, в котором остановился вчера?

– Откуда ты знаешь про клопов? – с удивлением глядя на нового товарища спросил Замир. Может молодой воин наделен способностью угадывать мысли и видеть то, что было, а возможно, даже то, что будет?

Видя растерянность алментинца Волман расхохотался.

– Друг мой, любой постоялый двор кишит ими, – он ухмыльнулся. – Как-то было дело, ночевал я на постоялом дворе. Свидание, – он обвел друзей смеющимся взглядом. – Так вместо свидания, мы вместе с дамой всю ночь клопов гоняли. На всю жизнь запомнил.

– Кто же устраивает свидание на постоялом дворе? – рассмеялся Сейша. – Да ты, оказывается, о превратностях жизни в столице знаешь не на много больше, чем наш друг Замир. – Он подмигнул Замиру. – Надеюсь, тебе понравится в княжеском дворце, Замир. Поверь, там намного лучше, чем на постоялом дворе. И намного чище. Но если Волман те-

бе чем-то не угодит, милости прошу ко мне. У меня дом поскромнее, но место найдется.

– В княжеском дворце?... – несколько ошарашенно переспросил Замир.

– Наш скромник Волман не упомянул, что он сын князя, – ухмыльнулся Сейша. – Но сам видишь, он парень довольно простой. Не кичится своим происхождением. Даже клопов готов покормить своей княжеской кровью, – Сейша снова начал хохотать.

Глава 15. Эрис

Волман, оказался прав. Недостатка в желающих принять участие в походе в Алментинские горы не было. Воины являлись во дворец правителя один за другим. Волман, Сейша и Замир отбирали лучших. Участник отряда должен был быть метким стрелком, мастерски владеть копьём, мечом, метать боевой топор, обладать силой и выносливостью. Спустя неделю отряд из тридцати воинов был собран. Все как один, крепкие, сильные, ловкие, умелые и опытные в воинском деле. Каждый воин, помимо оружия, должен был запастись одеждой и обувью, способными выдержать лютые морозы. Холод в этом походе представлял не меньшую опасность для членов отряда, чем неведомое существо, с которым предстояло сражаться.

—

За день до отправления отряда в горы, князю доложили, что во дворец явилась девушка и умоляет светлого князя принять ее, говоря, что у нее неотложное и очень важное дело. Князь дал позволение провести гостью к нему.

— Склоняюсь перед тобой, светлый князь, — опускаясь в низком поклоне, сказала посетительница.

— Встань, дитя мое, — махнул рукой князь.

Девушка была хороша собой, глаза юной особы смотрели дерзко, с нескрываемым озорством. Князю пришлось по ду-

ше явно умеющая за себя постоять посетительница.

– Что за дело привело тебя во дворец? – улыбнулся он.

– Я пришла просить, светлый князь, дать мне возможность, согласно закону нашей страны, показать свои воинские умения, для того чтобы войти в отряд, готовящийся отправиться в Алметинские горы.

Князь удивленно посмотрел на девчонку.

– Дочь моя, в отряде одни мужчины. Сильные бывалые воины. Ты же женщина. И ты вовсе не похожа на воина.

Девушка со смиренным видом кивнула головой и вздохнула.

– Истинная правда, Светлый князь, но ведь закон не говорит, что воин не может быть женщиной. – Темные глаза озорно сверкнули.

– Да, но... – князь внимательно посмотрел на гостью. Девчонка, сразу видно, не только бойкая, но и настырная. Хочет, пусть показывает свои умения. Вреда никому не будет. Князь милостиво кивнул. – Хорошо, дитя мое, законы установлены предками, и не мне их менять. Твое право показать свои умения. Все верно.

Девчонка расплылась в радостной улыбке.

–

Войдя, вместе с Волманом и Сейшей в зал, где ожидал князь и пришедшая во дворец просительница, Замир, в первую секунду, глазам не поверил. На него, насмешливо улыбаясь, смотрела девчонка, стянувшая у него кошелек. За-

мир гневно посмотрел на дерзкую обманщицу.

– Эта девушка желает показать свои воинские умения. И согласно нашим законам вы должны предоставить ей это право, – пряча улыбку, сказал Князь трем изумленно уставившимся на неожиданную претендентку мужчинам.

Замир шагнул вперед. Лицо его потемнело от негодования. Вот наглая! Посмела явиться во дворец и просить дать ей возможность показать воинские умения. Да еще стоит и смотрит, как ни в чем не бывало!

– Эта женщина лгунья и воровка, светлый князь, – гневно выкрикнул Замир.

– Ах! – вскрикнула девчонка. – Добрый юноша, как можешь ты наговаривать на несчастную девушку? Я слышала, что алментинцы честнейшие люди. Что же заставляет тебя наводить на меня такую чудовищную напраслину?

– Напраслину?! – Замир задохнулся. Его племя всегда чтило и оберегало женщин. Ни у кого и мысли не возникало поднять на женщину руку. Но эту лживую дрянь он бы собственноручно отходил поводами, чтобы сесть потом не могла. – Ты обманула меня и украла мои деньги!

– О! – Изобразив на лице ужас, она посмотрела на Замира полными слез глазами.

– Дитя мое, – сказал князь, нахмурившись. – У меня нет оснований не доверять моему гостю. И в то же время ты утверждаешь, что то, что он говорит неправда. Как может быть такое? Ты знаешь, что воровство – это преступление,

за которое полагается суровое наказание.

Девчонка прижала маленькие руки к груди.

– Светлый князь, уверяю тебя, я не крала у твоего гостя деньги, он их мне сам отдал.

– Ты лжешь! – Замир рванулся вперед, едва сдерживаясь, чтобы не ухватить наглуую лгунью за шиворот и не вытрясти из нее правду.

– О, добрый юноша, в тот день, когда мы встретились, и ты был так добр, что спросил, отчего я расстроена, ты сам предложил мне деньги для моей бедной матушки. Неужели ты не помнишь этого?

– Я... я... Я предложил оплатить знахаря... лекаря, потому, что ты сказала, что твоя матушка при смерти, а после этого ты меня обманула и украла у меня кошелек.

– Ты действительно обманула этого юношу, признайся? – сурово спросил князь. Взгляд его говорил о том, что он сдерживается, чтобы не рассмеяться. Девчонка, совершенно очевидно, обвела вокруг пальца простодушного парня, но она так дерзко и бесстрашно ведет себя, что против воли, князь испытывал к ней симпатию, вместо того, чтобы сердиться, что, конечно же, недопустимо. Если девчонка не выкрутится, ее накажут как воровку.

Длинные ресницы дрогнули и опустились. Лицо стало печальным.

– Да, Светлый князь, признаю. Обманула, – тихо сказала девушка.

– Ты будешь наказана, – с некоторым разочарованием сказал князь. Он думал, что она будет более ловко выкручиваться и уж, по крайней мере, не сдастся так легко. Видимо он переоценил ее. Ну, что ж...

– Я сказала, что моя матушка больна, но моя матушка, – она вздохнула и обвела присутствующих печальным взглядом, – умерла, когда я еще лежала в колыбели. Меня вырастила тетка, ее сестра. Я называю ее матушкой. Так, что сказав, что больна моя мать, я и вправду обманула доброго юношу, – голос у нее задрожал. – Но все остальное – чистая правда. Ни одного слова обмана. – Она посмотрела на Замира. – У моей тетки, которую я называю матушкой, в благодарность за то, что она заботилась обо мне с пеленок, в тот день страшно болел зуб.

Из-под приподнявшихся ресниц лукаво сверкнули темные озорные глаза.

– Зуб!!! Ты уверяла, что она при смерти! Сидела там и рыдала!

– О, да! Бедняжка так страшно мучилась, я и сейчас готова заплакать, как вспомню ее страдания. Все утро она кричала и стонала: «Великий Оил! О, Великий Оил! Я умираю. О, какая невыносимая боль! Мне кажется я уже при смерти!»

– Да, но... – Замир понял, что ему ее не переговорить. Решив оставить ее тетку и ее болезнь в покое, он сказал: – Но кошелек-то ты украла! Скажи еще, что и это не так!

Она покачала головой.

– Конечно, нет! Я не крада кошелек. Зачем ты говоришь такое? Ты же сам дал мне деньги.

Замир почувствовал, что сейчас его терпение лопнет, и он задушит ее.

– Пять монет! Я собирался дать тебе пять монет. А ты придумала историю, про летающих людей и когда я отвернулся, украла кошелек.

Послышался звук похожий на всхлип. Краем глаза Замир заметил, что Волман прикрыл лицо рукой и стоит, сотрясаясь от беззвучного смеха. Сейша стоял, кусая губы, очевидно тоже в попытках не начать смеяться. Даже князь, подозрительно кривил губы, поглаживая бороду рукой.

– Я не крада кошелек, зачем ты так говоришь? – она с укором посмотрела на него и вновь опустила ресницы. – Ты сказал, что дашь мне денег. В одной руке у тебя были монеты, в другой кошелек. Я была так расстроена, что просто не поняла, что именно предназначалось мне. Помню, я еще тогда подумала: «Надо же, какой добрый и щедрый юноша!». Ах, если бы я знала, чего мне будет стоить твоя доброта, – она всхлипнула и с упреком сказала: – Я же даже благословила тебя за твою доброту. Помнишь?!

Присутствующие с любопытством посмотрели на Замира.

– Помню, – буркнул он.

Девчонка ослепительно улыбнулась.

– Вот, все и разъяснилось. Я прощаю тебя, добрый юноша, за то, что ты так неосмотрительно обвинил меня. Ты добрый

человек, у тебя доброе лицо. Просто, возможно, не слишком сообразительный, поэтому и произошло это неприятное недоразумение. Я верю, что твои обвинения были сделаны не со зла, а исключительно из-за недопонимания. Все мы иногда ошибаемся.

Позади снова послышалось всхлипывание и даже стон. Замир сжал зубы. Чувствуя себя и впрямь почти глупцом, он спросил:

– А летающие люди? Тоже скажешь, что ты не лгала?

Она посмотрела на него почти с жалостью.

– Добрый юноша, это была шутка. Неужели ты станешь утверждать, когда кто-то шутит, что этот человек лжец? Я и подумать не могла, что ты и впрямь решишь, что кто-то летает по воздуху.

Она пожала плечами и подозрительно покосилась на Замира, как бы сомневаясь в его умственных способностях.

– Дитя мое, – пряча в бороду улыбку, сказал князь. – Прошу тебя, в следующий раз, если кто-то пожелает помочь тебе, сразу решайте с добрым человеком, в чем именно будет заключаться его помощь. Во избежание недоразумений. – Князь многозначительно посмотрел на девчонку. – И, пожалуй, от шуток, способных ввести в заблуждение, тоже воздержись. А сейчас, позволь мне немного облегчить твою трудную жизнь, чтобы тебе не приходилось обращаться за помощью к незнакомцам.

Князь, шепнул на ухо стоявшему рядом слуге несколько

слов и тот быстро вышел из зала. Спустя пару минут он вернулся, неся в руках туго набитый кошелек. Подойдя к девчонке, слуга почтительно отдал его ей.

– О, благодарю, светлый князь. Поистине твоя щедрость не знает границ, – весело прошебетала нахальная девчонка.

– Теперь, дитя мое, храбрые воины проводят тебя, чтобы ты смогла показать им свои воинские навыки. – Князь улыбнулся. – Я нисколько не сомневаюсь, что ты с честью пройдешь испытание. Уверен, ты очень талантливая девушка.

–

– Ты приносишь мне удачу, простофиля! Благодаря тебе у меня теперь есть приданое, – сказала девчонка, как только они покинули зал дворца. Она потрясла увесистым кошельком перед лицом Замира. – В наше время бедной девушке так тяжело скопить себе достойное приданое.

Она вздохнула. Замир сердито посмотрел на нее. Руки у него так и чесались отвесить ей оплеуху.

– Только полный глупец захочет жениться на такой, как ты, – презрительно сказал он. Девчонка посмотрела на него насмешливым взглядом.

– Ты все время пытаешься меня обидеть, добрый юноша, уж не знаю почему. А ведь, между прочим, разница между простофилей и глупцом совсем малюсенькая. Так, что смотри! Я теперь завидная невеста, – она снова потрясла кошельком.

Замир отвернулся.

– А, ты ловка! Такой как ты, если палец в рот попадет, так не то, что без руки можно остаться, а всего целиком проглотить, – почти с восхищением глядя на девчонку улыбаясь сказал Волман.

– Ох, не понимаю, достойный сын князя, о чем ты говоришь. Я простая девушка, – захлопав ресницами, сказала она самым невинным голосом. Волман захохотал.

– Мне даже будет жаль, если ты не пройдешь испытание. Думаю, тебя одну можно отправлять сражаться с чудовищем. Ты и его сумеешь заговорить и обвести вокруг пальца, – подмигнул Сейша.

–

– Ну, что какое оружие ты выбираешь, чтобы показать свои умения, красавица, кроме языка естественно, тут тебе равных нет, – ухмыльнулся Волман.

– Я, достойный сын князя, чтобы не было потом никаких несправедливых обвинений, – девчонка многозначительно покосилась на Замира, изобразив на лице обиду, – предлагаю тебе самому выбрать оружие.

Волман пожал плечами.

– Ну, можно было бы выбрать, конечно, боевой топор, или меч, но я хочу дать тебе шанс, – улыбнулся он. – Арбалет. Все очень просто. Каждый из нас сделает по выстрелу. Если выстрелишь не хуже хотя бы одного из нас – идешь с нами. Нет – останешься дома и будешь дальше дурить головы доверчивым простакам. – Волман весело взглянул на друзей.

Девчонка ему нравилась. Она была забавной. С ней в походе точно не соскучишься. Он протянул арбалет.

Девчонка с сомнением посмотрела на оружие и отступила на шаг назад.

– Я скромная девушка, сын князя, – она обвела лукавым взглядом присутствующих. – Я предоставляю право стрелять первыми мужчинам.

– Ты, глупая девушка. Если у тебя и был шанс, ты сама его упустила. Женщины имеют власть над мужчинами, кому как ни тебе об этом знать. Кто-то из нас вполне мог тебе подыграть, – он подмигнул, – кроме нашего друга Замира, естественно. Но теперь все и впрямь будет по-честному.

Волман вскинул арбалет и прицелился. Тяжелая боевая стрела стремительно понеслась вперед. Стрела воткнулась точно в центр мишени.

Стрела Сейши воткнулась в деревянный щит впритык к стреле сына князя, даже немного наклонив ее. Арбалет перешел к Замиру. Третья стрела вошла в дерево, вплотную к первым двум.

Мужчины с насмешкой наблюдали за округлившимся ртом девушки.

– О! Вы и впрямь достойные воины. Я восхищаюсь вашим мастерством!

Она взяла арбалет. Мужчины смотрели снисходительно, с некоторой долей любопытства. Девчонка, лишь взглянула на мишень и выпустила стрелу, почти не целясь. Стрела во-

ткнулась в центр между тремя предыдущими. Теперь рты, а заодно и глаза, округлились у мужчин.

– Даже не знаю, стоит ли с вами куда-то идти, – насмешливо сказала девчонка. – Еще застынете в походе с такими же глупыми лицами, и будете таращить глаза и разевать рты, вместо того чтобы сражаться. И придется мне и впрямь все делать самой.

Она взяла, лежавший тут же боевой топор перекинула его из одной руки в другую и, одарив Волмана снисходительным взглядом, метнула его в щит. Лезвие топора перерубило две стрелы. Две другие оказались по разные стороны от его лезвия. – Я могу, сын князя, за время похода, научить тебя обращаться с этим оружием. А то мне показалось, что оно кажется тебе слишком сложным. Меня зовут Эрис.

– Добро пожаловать в отряд, Эрис, – смеясь, сказал Волман. Девчонка просто неподражаема! Она не только редкостная проходимка, но и действительно искусная воительница. Волман больше не сомневался, что от нее будет толк. И весело с ней будет вне всякого сомнения.

Девчонка задорно улыбнулась.

– Славные воины, у меня есть к вам еще одна маленькая просьба, – ресницы опустились, и взгляд стал еще более озорным.

– Даже боюсь спросить, чего же ты еще хочешь? – захохотал Волман, все больше восхищаясь наглостью девчонки.

– Мне нужно купить оружие. Вы же понимаете, что у

скромной девушки нет дома запаса боевого оружия, годного для такого опасного похода.

– Мы можем дать тебе все, что нужно для похода, Эрис. Ты вполне это заслужила, – улыбнулся сын князя, подозревая, что девчонка готовит новый подвох.

– О, достойный сын князя, твой отец и так был невероятно милостив ко мне, – она снова потрясла кошельком перед носом Замира. – Я девушка скромная, не могу злоупотреблять еще и твоей добротой.

– Так чего же ты тогда хочешь?

– Девушке одной в наше время опасно ходить по рынку, – она обвела мужчин грустным взглядом, в глазах ее по-прежнему плясали озорные огоньки, – того и гляди оберут до нитки.

– Да уж, тебя так точно оберут, – фыркнул Сейша. – Как ты вообще из дома не боишься выходить?

– Может быть, славные воины могли бы сопроводить меня. Заодно вы бы дали мудрый совет бедной девушке по поводу оружия. Я-то мало что понимаю в этом...

– Думаю, мы не можем не помочь бедной скромной девушке, а то жадные продавцы всучат ей вместо копья палку, а вместо арбалета, стиральную доску. Она-то, бедняжка, ничего в этом не смыслит, – подмигнул Волман. Он уже предчувствовал, что им предстоит отличная забава. Девчонка неспроста позвала их с собой. Сейша тоже с радостью воспринял затею пройтись с девчонкой по рынку. Наверняка

они повеселятся от души. Только Замир выглядел хмурым и по-прежнему смотрел на девушку с неодобрением.

–

Рыночная площадь, как и в прошлый раз, была заполнена людьми. Эрис и ее спутники проталкивались сквозь толпу к оружейным рядам.

– Ну, деньги у тебя есть, – сказал Волман, взвешивая в руке кошелек, подаренный его отцом девчонке, который она доверила сыну князя при входе на рынок, «чтобы скромную девушку не обобрали». – Можешь позволить себе купить все самое лучшее.

– Что ты, достойный сын князя? – почти испуганно замала руками Эрис. – Это же мое приданое. Забыл? Эти деньги я тратить не могу. Но у меня есть немного денег на покупку оружия. – Она достала из кармана две монеты. – Вот.

Волман чуть не расхохотался.

– Эрис, даже ты, со своими поистине незаурядными способностями, не купишь себе оружие на две монеты. Даже хорошее копье стоит больше. Я уже не говорю об остальном.

Эрис пожала плечами.

– Думаю, мне хватит, достойный сын князя. – Волман и Сейша радостно переглянулись. Точно сейчас будет потеха.

Они вошли в первую же лавку, торгующую оружием.

Хозяин лавки низко склонился при виде знатных гостей.

– Что желают высокородные господа? – подобострастно спросил торговец.

– Девушке нужно оружие, мы просто сопровождаем ее, – махнул рукой Волман.

Торговец поклонился Эрис.

– Что желает госпожа?

– Мне нужно копье, обводя взглядом лавку, сказала она.

– Конечно-конечно, – залебезил хозяин.

– Я сама выберу, – отстранив его, сказала Эрис. Подойдя к высокой плетеной корзине, в которой, вверх наконечниками стояло десятка два копий, она выбрала самое негодное. Повертев его в руке, она обратилась к хозяину:

– Скажи, любезный хозяин, это хорошее копье?

Хозяин замялся. Сказать, что копье никуда не годится в присутствии сына князя, ему было страшно. Вдруг его накажут за то, что он торгует плохим товаром. Солгать же, что копье хорошее тоже было нельзя. Сын князя и его приятель воины и уж за такой наглый обман они, точно взгреют его, так, что потом все кости будут болеть.

Пока хозяин, что-то невразумительно мычал, не зная, как выкрутиться из затруднительной ситуации, Эрис удовлетворенно кивнула.

– Значит, говоришь, хорошее копье. Ты же не будешь возражать, если я его опробую?

Побледневший, взмокший от страха торговец, помотал головой. Посмей тут возразить. Эрис качнула копье в руке, сделала замах в сторону щита с мишенью, установленного в дальнем конце лавки, но копье метать не стала, а согнув но-

гу в колене, положила на него древко и без особых усилий переломила его. Хозяин позеленел и затрясся. Не миновать ему порки на княжеской конюшне. Эрис насмешливо помахала перед его лицом обломками.

– Как же может быть такое, что хорошее копьё с лёгкостью может переломить женщина?

Хозяин издал какой-то нечленораздельный звук, похожий на бляение овцы и покосился на сиятельных господ.

– Госпожа, – задыхаясь, сказал он. – Я сам не знаю, как негодное копьё угодило в эту корзину. Я прекрасно помню, что велел слуге выбросить его. Бездельник, верно, забыл. Вот уж я задам ему.

Торговец вытащил из корзины лучшее копьё и протянул его Эрис. Она повертела его, взвесила в руке.

– Да, это копьё мне по душе, – милостиво сказала она. – Сколько ты хочешь за него.

Хозяин заискивающе улыбнулся и склонился чуть не до самого пола.

– Госпожа, я прошу тебя принять это копьё в подарок от меня. За то маленькое недоразумение, что произошло. Клянусь, это чистая случайность. У меня в лавке отличный товар.

–

– А ты говорил, что две монеты мне даже на копьё не хватит, – сказала Эрис Волману, когда они покинули лавку.

– Беру свои слова обратно, – смеясь, сказал он. – Жаль

у нас запрещено торговать лошадьми. Уверен, ты бы и коня купила вместе со сбруей.

Эрис посмотрела на Замира, стоявшего с сердитым лицом и презрительно ее рассматривающего.

– Ты чего такой хмурый, простофиля? Не рад, что у меня теперь отличное копьё?

– Ты бесчестная лгунья.

– Ну вот, ты опять за свое. В чем сейчас был обман, скажи на милость?

– Ты воспользовалась тем, что с тобой был сын князя.

– Ладно. Сейчас я пойду покупать арбалет, а сын князя постоит возле лавки.

Волману, конечно жаль было пропускать очередную дерзкую затею девчонки, он уже не сомневался, что она и впрямь на две монеты приобретет себе все необходимое, но он решил, что Сейша ему потом расскажет, как все происходило.

– Вот ты все время меня в чем-то упрекаешь, – громко сказала Эрис, входя в лавку. – Даже оружие и то я не так покупаю. А ведь сын князя был в восторге от моего выбора копьё. Возможно, он теперь и сам будет покупать оружие у того же торговца.

К Эрис подлетел торговец. Услышав слова девушки он смекнул, что у него есть прекрасная возможность стать поставщиком оружия для самого сына князя и его воинов, нужно только услужить, как следует этой девушке.

– Что желает госпожа? – любезнейшим голосом осведо-

мился торговец.

– Мне нужен арбалет. Я уже была в одной лавке. Оружие там неплохое, но хороших арбалетов я там не видела. Не в каждой лавке найдешь такое серьезное оружие хорошего качества, так, что если у тебя нет достойного, скажи сразу любезный, не будем тратить время.

– Что вы, что вы, госпожа. Вот, посмотрите. У меня прекрасный выбор арбалетов, изготовленных лучшими мастерами.

Эрис оценивающе посмотрела и улыбнулась.

– И правда. У тебя и впрямь отличное оружие.

Торговец расплылся в радостной улыбке. Кажется, ему удалось расположить к себе важную покупательницу, к которой прислушивается сам сын князя.

Эрис выбрала лучший из арбалетов. Сделала пробный выстрел. Торговец долго восхищался меткостью госпожи.

– Нужно будет порекомендовать твой магазин моим друзьям, – улыбнулась Эрис.

У торговца даже голова закружилась. У нее, наверное, в друзьях все знатные господа. Вон, возле дверей один из первых богачей в городе дожидается, да к тому же и сам прославленный воин, Сейша. Сегодня воистину счастливый день. Сам Великий Оил послал ему такую покупательницу! Скоро он станет самым богатым из всех торговцев, расширит лавку, потом откроет еще одну, в соседнем городе... Голос девушки вернул его из мира приятных грез к реальности.

– Любезный, отложи для меня этот арбалет. Мой кошелек с деньгами сейчас у сына князя. Пойду, заберу его и вернусь.

– О, госпожа! Позволь преподнести тебе скромный дар от всего сердца. – Торговец протянул арбалет и стрелы.

– Любезный, я не могу принять такой дорогой подарок. Я туда и обратно и сейчас же вернусь...

– Госпожа, умоляю! Если я сумел Вам угодить, если Вы довольны товаром, не отказывайте мне в чести сделать Вам маленький подарок. Прошу, – торговец протянул арбалет и склонился перед Эрис в низком поклоне.

– Только от того, что ты так просишь, любезный, – изобразив неловкость и смущение, сказала девушка.

– О, благодарю, госпожа! Вы меня осчастливили!

– Я буду всем рассказывать, какой чудесный у тебя магазин и какой отличный товар. Первым делом похвалю твою лавку сыну князя, – ослепительно улыбнулась девушка.

Торговец почувствовал легкое головокружение. Наконец-то судьба улыбнулась ему!

–

Эрис показала Волману арбалет, а затем раскрыла ладонь, на ней лежали две монеты. Волман снова громко расхохотался так, что на них начали оборачиваться.

– Отличная лавка, – сказала Эрис.

– Как тебе удалось?

– Хозяин, чуть не насильно вручил ей его. Она даже отказывалась. Наша малышка умеет вести дела, – ухмыльнулся

Сейша.

– Что, скажешь, я опять солгала или действовала бесчестно? – обратилась Эрис к Замиру.

– Торговец решил, что ты знакомая сына князя...

– А что, разве это неправда? – она с вызовом посмотрела на него. – Заметь, я даже собиралась заплатить! Он сам настоял, чтобы я приняла подарок.

– Конечно! После того, как ты сказала, что твой кошелек у сына князя, – злясь все сильнее, почти выкрикнул Замир.

– А разве это не так? – она обвела негодующим взглядом всех «своих» мужчи. – Разве я сказала хоть слово неправды?! Вон мой кошелек. Его держит в руке не кто иной, как сын князя.

Гордо вскинув голову, девчонка пошла вперед. Больше всего Замира возмущало, что девчонка действовала бесчестно, но в то же время придраться и впрямь было не к чему. Таковой, как она, вообще, нельзя доверять. Она вроде и не врет, все, что она говорит не совсем обман, даже скорее совсем не обман, а правда. И в то же время она все время добивается своего какими-то бесчестными способами, но каким-то непостижимым образом делая так, что они вовсе не выглядят бесчестными. Замир запутался. А Волман и Сейша, похоже, просто в восторге от нее. Их нисколько не смущает, что она самая настоящая обманщица. Даже не прибегая к воровству, она обведет вокруг пальца и оберет кого угодно.

– Ну, что ж, – дойдя до еще одной лавки, заявила девчон-

ка, – мне нужен еще боевой топор. Пошли, простофиля, убе-дишься, что все без обмана. Знатные господа, ведь будут так любезны, чтобы подождать нас снаружи, чтобы мне не пришлось выслушивать новые упреки? – она подмигнула Волману и Сейше. Оба «знатных» господина рассмеялись, дав свое согласие подождать.

На этот раз Замир и Эрис вошли в лавку вдвоем. Поклонившись посетителям, торговец поинтересовался, что бы они хотели купить. Наметанным взглядом он сразу определил, что парень, скорее всего, охотник, а его спутница, вообще, наверняка, просто пришла за компанию, поглазеть на оружие. Девчонка прошлась по лавке. Подержала кинжалы с резными рукоятями, явно любуясь затейливыми рисунками. Осторожно потрогала кончиками пальцев острия нако-нечников для копий, разложенных на одном из прилавков. Попробовала взять боевой лук, но, вероятно, посчитав его слишком большим и тяжелым, положила его обратно. Она рассматривала все с любопытством, но явно не с заинтере-сованностью покупателя, знающего толк, в предлагаемом то-варе. Торговец вздохнул. Ясное дело, эти двое пришли про-сто поглазеть. Они ничего не купят. Других покупателей все равно не было, и продавец, от скуки, продолжал наблюдать за девчонкой – все какое-то развлечение. Дойдя до угла лав-ки, где стояли, прислоненными к стене тяжелые боевые то-поры, любознательная посетительница остановилась, и на-чала с интересом рассматривать грозное оружие. Продавец

ухмыльнулся. Пигалица рядом с таким серьезным оружием, предназначенным для настоящих воинов, смотрелась даже забавно. Сейчас ведь еще попробует поднять какой-нибудь из них. И точно. Девушка ухватила за рукоять и немного приподняла один из самых тяжелых топоров над полом.

– Ну, что красавица? Нравится? – пошутил торговец. Девушка улыбнулась, глаза ее были полны восторга.

– О, они такие красивые! У них такие большие толстые рукояти, с таким красивым рисунком! И такие страшные острые лезвия. Сразу видно, что это настоящее оружие.

Продавец засмеялся.

– Да. А в умелых руках, красавица, это очень страшное оружие! – он подмигнул.

– Я бы хотела купить один из них, – сказала она.

Продавец захохотал.

– Красавица, поверь, я хоть и заинтересован в том, чтобы продать как можно больше товара, но скажу тебе честно, это оружие точно не для женщины. Мне кажется, ты вообще не слишком хорошо знакома с оружием?

Она скромно пожала плечами.

– Да, как сказать...

Хозяин лавки усмехнулся. Он-то видел, что она ничего не понимает в его товаре, чтобы она сама о себе не воображала.

– Купи себе кинжал, красавица. Или короткий меч, если тебе так уж хочется иметь оружие.

– Нет. Я хочу топор.

Торговец развел руками. Если хочет, так это ее дело. Он честно пытался ее отговорить. Спутник девушки стоял молча у двери. Он хмуро смотрел на подругу, очевидно, как и продавец, прекрасно понимая, что она попросту выбросит деньги на ветер. Парень за все время не сказал ни слова. Видимо девчонка была своенравна, и он не хотел попусту спорить.

– Ну, что ж, красавица. Не смею противиться твоей воле. Раз ты хочешь купить топор, дело твое, – сказал торговец. – Какой из них тебе приглянулся.

– Вот этот, – она ткнула рукой в один из самых больших и тяжелых. Хозяин лавки попытался скрыть улыбку.

– Прошу прощения, но мне кажется ты, красавица, даже не сможешь его поднять. Не спорю – отличный топор для того кто умеет обращаться с таким оружием. Я даже опасаясь, как бы ты не рассекла себе им ногу и не покалечилась.

– Не переживай. Я не настолько слаба, как может показаться на первый взгляд, – самоуверенно заявила девчонка.

В этот момент в лавку вошли двое воинов. При них не было оружия, но одного взгляда было достаточно, чтобы сразу определить – это опытные, бывалые воины, умеющие обращаться с оружием и отлично знающие в нем толк. Заметив Эрис, сжимавшую в руке рукоять топора воины расплылись в улыбке.

– Ты, верно, красавица, собираешься колоть орехи этим топором? Или, может, будешь гонять им соседских собак,

чтобы не таскали мясо?

– Стыдно вам славные воины насмехаться над бедной девушкой, – хлопая ресницами, обиженно сказала Эрис. Замир закатил глаза.

– Прости, красавица, просто этот топор явно не для тебя, – добродушно посмеиваясь, сказал один из воинов.

– Я предупредил госпожу, – поспешил вставить слово хозяин лавки. Еще подумают, что он пытался обмануть девчонку.

Эрис повернула голову к торговцу.

– Скажи любезный, а сколько стоит такой топор?

– Двадцать монет, – важно сказал торговец. Может она думает, что серьезное оружие вроде боевого меча стоит столько же, сколько леденец на палочке и потому решила исполнить свою странную блажь, купив совершенно не нужную ей вещь?

– О! Так много! – глаза у девушки округлились.

Торговец взглянул на воинов. Ох уж эти женщины!

– Да, топор стоит не дешево, – снисходительно сказал он.

– Даже не знаю, – с сомнением сказала она. – А не покажет ли мне кто-нибудь из славных воинов, свое умение обращаться с таким грозным оружием?

Воины переглянулись. Один из них с добродушной улыбкой подошел к Эрис и выбрал себе топор потяжелее.

– Смотри, красавица, – ухмыльнулся он.

Воин сделал замах, и топор полетел в щит с мишенью.

Лезвие с глухим стуком воткнулось чуть-чуть сбоку от центра мишени.

– Великолепный бросок, славный воин, – расплылся в любезной улыбке торговец.

– У тебя очень ловко получается, славный воин, – улыбнулась Эрис.

– Тот, у кого получается не очень ловко, красавица, обычно остается на поле боя, – улыбнулся воин.

– Но, вообще, мне кажется, что метать топор не так уж сложно, – пожав плечами, сказала Эрис. Торговец и оба воина расхохотались. Девчонка увидела, как это сделал сильный, опытный воин и решила, что это проще простого, и каждый может так же.

– Раз уж тебе так пришелся по душе топор, красавица и ты думаешь, что легко сможешь справиться с ним, я готов тебе его подарить. – Хозяин лавки хитро прищурился и, показав на деревянный щит с мишенью, подмигнул воинам. – Бросишь топор, так же как славный воин, и он твой.

– Правда?! – Эрис недоверчиво посмотрела на торговца.

– Слово чести, красавица.

– Я должна попасть в маленький красный кружочек в центре щита, как и славный воин? – спросила девушка пристально глядя на мишень. Торговец кивнул.

– Да, красавица. В тот маленький кружочек. Ну, что, попробуешь или передумала?

Она пожала плечами.

– Почему нет?

Лица воинов расплылись в улыбках в ожидании забавного развлечения.

– Смотри, не порань себя, красавица, – улыбнулся один из них. – Главное не урони топор на свою маленькую хорошенькую ножку. Эрис насмешливо посмотрела на него. Взяв топор двумя руками, она отошла на середину комнаты. На лицах мужчин застыли снисходительно-веселые улыбки. Не каждый день увидишь подобное зрелище. Женщины все упрямы как бараны. А уж глупы...

Рука девушки перехватила рукоять топора поудобнее. Один из воинов приподнял бровь. А девчонка-то, по крайней мере, держать грозное оружие умеет правильно. Такое впечатление будто и впрямь знает, как с ним обращаться. Наверное, видела как брат или отец упражняются. Может она сама из семьи воинов.

Девушка размахнулась, и топор полетел вперед, быстро вращаясь в воздухе. Спустя мгновение, широкое лезвие глубоко вошло в самый центр «маленького красного кружочка». Зрители ахнули. Воины смотрели на маленькую пигалицу с нескрываемым восхищением. Лица у них были веселые и довольные – девчонка и впрямь славно их потешила. Кто бы мог представить, что эта крошка способна на такое? Хозяин тоже смотрел изумленно. Но в отличие от воинов он радости и особого удовольствия не испытывал. Он был зол. Прощай двадцать монет. Мерзавка обвела его вокруг пальца, вот

только он сам не мог понять как.

Девушка подошла к щиту и выдернула топор.

– Я могу его забрать?

– Забирай, – хмуро сказал владелец лавки. А, что ему оставалось? Он сам, в присутствии свидетелей назначил условие. Попробуй теперь откажись от своих слов. «Чтобы у меня язык отсох», – от души пожелал он сам себе. Двадцать монет! Сегодня поистине неудачный день...

– Ну, что? – улыбаясь, спросил Волман. – Мы уж заждались. На этот раз ты задержалась. Но, вижу ты опять не с пустыми руками, прекрасная Эрис. Надеюсь, не прогадала? – он подмигнул девушке.

Эрис раскрыла ладонь, на ней по-прежнему лежали две монеты. Волман и Сейша расхохотались.

– Ты чего опять такой хмурый, простофиля? Не рад, что теперь у меня есть все и я готова отправиться с вами в поход? – с деланным упреком сказала девушка.

Он гневно посмотрел на нее.

– С тобой нельзя иметь дело! От тебя одни неприятности! Все время! Ты всех кругом обманываешь!

Эрис закатила глаза.

– Да, что же это такое? Почему ты все время меня обвиняешь? Что на этот раз было не так? Я ни словом не упомянула о знакомстве с сыном князя. Я даже спросила владельца лавки, сколько стоит топор. Что не так? Почему тебе во

всем видится обман?

– Потому, что ты лгунья! – развернувшись Замир пошел к выходу с рынка. Он и сам не знал, что не так и это злило его еще сильнее.

– Что ты с ним сделала? – ухмыльнулся Волман. Она пожала плечами.

– Просто он нервный. Может, он боится женщин? А может, переживает, что я стреляю более метко, – она лукаво улыбнулась. – Ну, а может, он просто без ума от меня и не хочет себе в этом признаться. Вас мужчин не поймешь. Вы все странные.

Глава 16. В горы

Отряд выехал из столицы на рассвете. Несмотря на ранний час, лица воинов были радостными. Молодая кровь кипела, в жаждавших приключений и опасности мужчинах. Воины обменивались шутками, поддразнивали друг друга. То тут, то там раздавались взрывы хохота. Время от времени кто-нибудь затягивал песню. В воздухе царило радостное возбуждение.

Присутствие в отряде девушки вызывало любопытство. Воины с интересом поглядывали на юную красавицу. Кое-кто предпринимал попытки привлечь внимание, воительницы.

– Эй, красавица, если вдруг замерзнешь в горах, я могу тебя согреть, – подмигнул Эрис широкоплечий белокурый красавчик. – Знаешь, какой я горячий? Жарче чем любой костер.

– Тогда может тебе остаться здесь, а то еще растопишь весь снег, и устроишь потоп, – насмешливо бросила Эрис.

– Красавица, мне кажется топор у тебя за плечами слишком тяжелый, для такой хрупкой девушки. Если, вдруг, устанешь, я помогу тебе его нести. Настоящий мужчина всегда поможет женщине, когда ей тяжело, – крикнул другой воин.

– Договорились, – крикнула Эрис. – Твой-то топор явно маловат, пусть твои товарищи думают, что и у тебя есть

достойное оружие. Настоящая женщина всегда поддержит мужчину и не даст ему чувствовать себя смешным.

Волман, слыша, как девчонка ловко осаживает то одного, то другого ухажера, посмеивался. Замир ехал с серьезным лицом. Слыша звонкий смех, он хмурился. Он старался не смотреть на девчонку. Она его раздражала. Женщина не должна себя так вести. Была бы его воля, он бы ее вообще не взял. Даже не из-за того, что она воровка, лгунья и дерзка без меры, а потому, что женщине вообще в походе не место, пусть она и стреляет метко и с топором управляется – она женщина.

В полдень, когда солнце сильно начало припекать, и лошадям нужно было дать отдых, устроили привал, расположившись на берегу небольшого озера в тени деревьев. После еды воины устроили соревнования в ловкости и меткости. Кое-кто захотел испытать себя в рукопашной схватке.

– Смотрите, не покалечьте друг друга, раньше времени, – крикнул, разошедшимся поединщикам, Волман.

– Слышал, что ты мастерица стрелять из арбалета, – обратился к Эрис, наблюдавшей за очередным поединком, высокий, сильный воин. – Однако, я все равно считаю, что воинское дело не для женщин. К примеру, в рукопашной схватке женщине, нипочем не одолеть мужчину.

Эрис смерила рослого, широкоплечего парня пренебрежительным взглядом.

– Ну, возможно хорошего, сильного воина женщине и не

одолеть, но уж, такого как ты, раз плюнуть.

Парень рассмеялся.

– Вижу, ты большая шутница, Эрис.

– Не буду отрицать. Я люблю хорошую шутку. Но сейчас я говорила совершенно серьезно.

Воин ухмыльнулся. Дерзкая девчонка его дразнит. Пользуется тем, что она женщина, и он не поколотит ее за насмешку, как сделал бы это, будь она мужчиной.

– За подобные слова можно и ответить, Эрис, мы все тут воины и все равны. Я могу и не посмотреть, что ты девушка, – предупредил парень.

Она пожала плечами.

– Я всегда готова ответить за то что говорю, тем более, что, я сказала, чистую правду. Жаль, конечно, бить тебя на глазах у товарищей. Будут потом подшучивать над тобой, что тебя девчонка одолела.

Воин расхохотался.

– Можем попробовать. Тебе, разумеется, не одолеть меня, Эрис. Но не бойся, я обещаю, быть осторожным, даже нежным.

– Как знаешь. Но учти, я нежной не буду, сразу предупреждаю.

Он ухмыльнулся. Ну и девчонка!

– Я уж думаю, как-нибудь переживу, если ты раз, другой толкнешь меня своим маленьким кулачком, – рассмеялся он. – Если, конечно, достанешь.

– Все свидетели, – Эрис обвела взглядом столпившихся вокруг воинов, – а то потом еще кто-то будет меня в чем-нибудь винить, – она взглянула на Замира. – Я предупреждала славного воина, но он не пожелал меня слушать.

Зрители встали полукругом. Затеявший разговор, о том, что женщина не может быть воином, уже и сам был не рад. Как он будет бить девчонку?

– Бей со всей силы. Сам сказал, мы здесь все равны, – усмехнулась она. – Ты же не слабак, надеюсь?

Парень сердито посмотрел на нее. Ладно. Сейчас он ее проучит. Слишком уж дерзкая.

Он встал в боевую стойку и приготовился схватить девчонку и повалить на землю. Бить он ее не будет, но приложит об землю, как следует. Будет знать, как вести себя с мужчинами. Эрис насмешливо посмотрела на него. Когда сильная ловкая рука быстро потянулась к ней, она высоко подпрыгнула. Рука воина ухватила воздух, а Эрис ударила ребрами ладоней по ушам противника. Очевидно, удар был сильным, он зашатался и обеими руками схватился за голову. Эрис снова оттолкнулась от земли и, взлетев в воздух, ударила воина ногой в грудь. На глазах у всех здоровенный детина начал заваливаться назад. Воин рухнул спиной на траву и лежал, трясая головой, с глупым видом глядя на смеющихся товарищей.

– Не ушибся? – насмешливо спросила Эрис, протягивая парню руку. – Я тебя предупреждала. Но ты мужчина, что с

тебя взять. Ладно, поднимайся, а то твои товарищи и впрямь подумают, что тебя побил девчонка.

– Надеюсь, Эрис, ты дашь остальным воинам сразиться с чудовищем и заслужить славу. Не прикончишь его сама в первые же две минуты? – смеясь, сказал Волман.

– Не волнуйся, сын князя, я не позволю вашей воинской чести пострадать. Я же знаю, как несносны становятся мужчины, когда их лишают того, к чему они стремятся, – ответила девчонка.

Замир сердито смотрел на смеющееся лицо Девушки. Он сам не мог понять, что его так злит. Сейчас, по крайней мере, все было по-честному. Она честно выиграла бой, без каких-либо уловок, да и воин сам подначивал ее и поддразнивал перед этим, но Замиру, все равно, чудился какой-то подвох с ее стороны. Ему казалось, что чтобы она ни делала, в каждом ее действии скрывается какая-то хитрость.

– Эй, простофиля, не хочешь силой померяться? – смеясь, крикнула она. Замир отвернулся. Он думал, что она начнет кричать, что он испугался или еще что-нибудь подобное. Пытаясь раздражить его, задеть гордость и заставить выйти с ней драться, но она больше ничего не сказала.

Было уже темно, когда отряд подъехал к мельнице. Воины начали устраиваться на ночлег прямо в поле, позади мельницы. Замир с Волманом и Сейшей отправились к дому мельника. Эрис взяли с собой. Как бы она ни раздражала Замира – она женщина. Пока есть возможность, нужно устроить ее

на ночь в доме.

– Замир! Замир! Ты вернулся! – дети вылетели навстречу брату. Замир подхватил их на руки и закружил, смеясь от радости, целуя детские макушки.

– Замир! – на пороге дома появилась Лиа и тоже бросилась ему на шею.

– Лиа! Это мои друзья. Волман, Сейша и Эрис, – указывая на спутников, сказал Замир.

Он немного замялся, прежде чем произнести имя девчонки и она насмешливо ухмыльнулась.

– Вы собираетесь отправиться в горы? – грустно глядя на Замира, спросила Лиа.

– Да. Завтра мы уходим, – кивнул он. В глазах его была грусть.

– Я соболезную вашей утрате, и скорблю вместе с вами, – сказала Эрис, обнимая Лиа. Замир покосился на нее. Она выглядела искренней, но ему, даже тут чудилось притворство. Это было глупо и из-за этого, сейчас он злился на самого себя, а заодно, конечно, и на нее тоже.

– Ты идешь с ними? – обратилась Лиа к Эрис и с легким укором посмотрела на Замира. – Меня Замир отказался взять с собой, сказал, что поход это не женское дело.

Эрис улыбнулась.

– Твой брат очень любит тебя и хочет уберечь от опасности. – Она засмеялась. – Я просто не оставила им выбора. У них не было возможности отказаться, хотя, думаю, они бы и

меня предпочли оставить дома. Так ведь, Замир?

Замир удивленно посмотрел на нее. Она первый раз назвала его по имени, и он был даже благодарен ей, что в присутствии Лиа и детей она не стала, как обычно, называть его простофилей. Хотя, с нее стало-бы.

– Дети очень скучали. И я тоже, – Лиа с нежностью посмотрела на него.

– Я тоже скучал, – улыбнулся Замир.

Мельник и его жена, низко кланяясь столь знатным гостям, пригласили их в дом. Мельничиха хлопотала, накрывая на стол. Она смущалась присутствием столь высокородных особ. Подумать только, сын князя в их скромном доме! Добрая женщина старалась угодить гостям, как могла. Дети не отходили от брата. Замир обнимал братишку с сестрой, с грустью думая, что завтра им снова предстоит расстаться, и никто не знает, что готовит судьба. Суждено ли им снова встретиться.

В какой-то момент, Замир с удивлением заметил, что Волман сидит непривычно серьезный, молчаливый. Не улыбается, не хохочет, как обычно. Сейша, напротив, сидел, посмеиваясь, бросая взгляды на притихшего товарища. Замир перехватил быстрый взгляд, брошенный сыном князя на Лиа. Волман тут же отвел глаза, но Замир успел заметить, как они горят, на щеках сына князя вспыхнул румянец. Неужели малышка Лиа покорила сердце непоседливого, вечно ищущего приключений Волмана? Замир улыбнулся. Потом он украд-

кой взглянул на Эрис и встретил насмешливый взгляд темных глаз, обращенный прямо на него. Замир вспыхнул и опустил глаза. Девчонка выводила его из равновесия. Даже сейчас, когда она ведет себя на удивление мило и кротко, как нормальная женщина.

После того, как закончился ужин с гляделками, молодежь отправилась посидеть на берегу реки. Ночь была лунная. Теплый воздух наполняли запахи трав, реки. Где-то неподалеку пела птица. Песня казалась печальной, затрагивающей где-то очень глубоко в душе потаенные струны. Тихо журчала вода. Всем было немного грустно от сознания, что это время наполненное спокойствием и безмятежностью, такое прекрасное, дарящее ощущение тихой радости, быстротечно. Очарование ночи пройдет и возможно никогда уже не повторится. Кто знает, доведется ли им еще вот так посидеть на берегу, на мягкой траве, слушая залиvistое птичье пение. Завтра они отправятся навстречу опасности. Впереди неизвестность. Кому из них суждено вернуться назад? И возвратится ли хоть кто-то?

– Еши уже научился очень ловко удить рыбу. Вчера наловил половину ведра, даже сварили уху на обед. Он ужасно гордился, – улыбнулась Лиа. Она старалась не думать о предстоящей разлуке, но мысли не прогонишь из головы, как не пытайся.

Замир тоже улыбнулся. Еще несколько дней назад братишка даже не представлял, как выглядит река и что такое

рыба, а теперь уже становится настоящим рыболовом.

– Детям будет хорошо здесь, – сказал он. – Мельник и его жена – добрые люди.

– Да, они очень добры и любят нас, – Лиа кивнула головой. Глаза у нее были печальные. Вспоминался далекий родной дом и семья...

– Я должен пойти Лиа, – сказал Замир, понимая, о чем она думает.

– Да. Я знаю.

Волман, не отрываясь, смотрел на девушку. В свете луны она казалась совсем маленькой и хрупкой. Такой нежной и такой беззащитной. Если бы он мог, он прижал бы ее к сердцу и не отпускал... Увидит ли он ее еще? До этого он не задумывался о том, что может погибнуть. Мысль о смерти не пугала его, он воин. Но сейчас хотелось жить, как никогда. Потому, что есть она, маленькая Лиа с глазами наполненными печалью и в то же время в них какой-то необычайный свет доброты и нежности. Он встретил ее и даже не успел узнать. Не успел сказать о том, что чувствует. И это так обидно и несправедливо. Он отвернулся и стал смотреть на реку. Не дело воину терять присутствие духа перед предстоящим походом. Сожаление не может помочь победить врага. Оно делает воина слабым. Только тот, кто имеет в себе твердую, непоколебимую решимость, может пройти через все испытания и победить.

Наконец, Замир, Волман и Сейша проводили Лиа и Эрис

в дом и отправились спать в лагерь, разбитый за мельницей. Замир пообещал зайти утром перед отъездом попрощаться с детьми.

– Кто-то сегодня был необычайно молчалив и серьезен, грустно вздыхал и то и дело вспыхивал как маков цвет, – улыбаясь, сказал Сейша, когда они отошли от мельницы. – Уж не прекрасная ли белокурая сестра нашего Замира явилась причиной столь небывалой скромности, немногословности и невесть откуда взявшейся стыдливости?

Волман, что-то пробурчал и пошел вперед. Сейша подмигнул Замиру.

– Дашь благословение сестре, когда сын князя посватается к ней? Если, конечно он решится раскрыть рот, а не будет только краснеть и бледнеть, – Сейша расхохотался.

– Думаю, она сама решит, подходит ей сын князя или нет, – улыбаясь, сказал Замир.

– Согласен. Думаю, девушка, сумевшая справиться с волком, сможет совладать и с нашим сиятельным товарищем. – Сейша снова засмеялся и шутливо добавил: – Вообще-то я одобряю его выбор. Дамы при дворе все невыносимо жеманные и капризные гордячки. Все их мысли заняты нарядами и украшениями. Им скорее нужен не муж, а кошелек. Твоя сестра очень милая. Сама естественность и чистота. Она будет прекрасной женой. А Волман остепенится, станет более серьезным и начнет вести себя, как подобает будущему правителю.

Глава 17. У подножия Алментин

Дети повисли на старшем брате, не желая отпускать его. Минута расставания неотвратимо приближалась. Еши крепился, как мог, шмыгая носом, сдерживая слезы, норовившие вот-вот хлынуть из глаз. Аните разревелась. Лиа тоже еле-еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Сердце ее разрывалось. Предстоящая разлука казалась несчастной девушке невыносимой.

В последний раз Замир обнял братишку и Аните. Простился с Лиа. Девушка обняла детей, уже обоих ревущих во весь голос и крепко обняла. Замир махнул рукой и пришпорил коня, чувствуя, что если сейчас же не тронется в путь, то на этот раз он тоже не выдержит. Отряд проехал по мосту, переброшенному через реку. Воины махали Лиа и детям, мельнику с мельничихой, которая, как и дети, стояла, заливаясь горькими слезами. Наконец и река, и мельница, и машущие вслед отъезжающим маленькие фигурки на берегу реки, скрылись из глаз. Всех охватило напряженное возбуждение, как всегда бывает, когда момент встречи с опасностью становится все ближе и ближе.

Пока отряд не скрылся вдаль, Лиа смотрела в спины отъезжающих, выискивая глазами то Замира, то молодого сына князя. Едва рассвело Волман, который так и не смог уснуть, пришел к мельнице и бросил в окно комнаты, в которой спа-

ла Лиа, маленький камушек. Девушка вышла из дома. Судя по тому, что выглядела она не заспанной, она тоже в эту ночь не сомкнула глаз.

– Будешь ли ты ждать меня, Лиа? – спросил Волман, сердце которого стучало в груди как кузнечный молот. – Потому, что я намерен, если мне суждено вернуться назад, просить тебя стать моей женой.

– Я буду ждать тебя Волман. – Лиа улыбнулась. Глаза ее смотрели с нежностью и грустью, и от них, как и накануне, исходил такой свет, что Волману захотелось зажмуриться. Может, не стоило ему приходиться? Теперь еще труднее расстаться. Уйти, может быть, навсегда. Он заставил себя посмотреть в ее ослепительно сияющие глаза. Нет. Хорошо, что он пришел. Чтобы ни готовило будущее, ради этого взгляда стоило прийти. Теперь он не может не вернуться. Эти глаза помогут ему преодолеть все испытания.

– Пусть Великий Оил хранит тебя, моего брата Замира, и всех отважных воинов, отправляющихся в горы. Я буду молить за вас создателя мироздания, – сказала она.

Волман обнял девушку и прижал к своей широкой груди. Она слышала, как сильно бьется его сердце. На глаза навернулись слезы.

– Я вернусь, Лиа. Обещаю.

Она посмотрела на него. Если бы все зависело только от желания человека, как было бы замечательно.

– Я буду ждать...

—

Чем ближе становились горы, тем реже звучали грубоватые шутки. Изредка слышался хохот, но он быстро смолкал, растворяясь в окружающей тишине. Лица становились серьезнее. Воины внутренне собирались, готовили себя к предстоящему испытанию. Каждый понимал, что этот поход будет трудным, как ни один другой, в котором им довелось побывать до этого. Воин всегда носит за плечами собственную смерть, но на этот раз каждый ощущал ее присутствие намного сильнее, чем когда бы то ни было. Их ждала встреча с необычным противником. Никто не знал чего от него ждать, на что он способен. Судя по всему, сила огромной твари обитающей в горах, невероятно велика и одолеть ее будет совсем не просто.

Волман ехал задумчивый, молчаливый. Взгляд его блуждал по зеленым холмам, мысли были далеко.

— Ну что, мой друг, печалишься о белокурой красавице? — подмигнул Сейша.

Волман улыбнулся.

— Сколько дней пути нам предстоит в горах, Замир? — обратился Волман к алментинцу, чтобы отвлечься от мыслей о белокурой Лиа.

— Нам придется идти пешком. Поэтому до снежных долин будем добираться два, а то и три дня. А там, думаю, еще дня два придется идти уже через долины, — ответил Замир.

— А как мы найдем чудовище? Ты же не знаешь, откуда

оно точно появилось, – спросил Сейша.

– Откуда появилось, не знаю. Но думаю, оно само найдёт нас. Мне кажется, оно стремится убивать все живое. По крайней мере именно это оно и сделало с моим племенем...

– А, что неужели никогда раньше в горах подобных существ не было? Не с неба же оно свалилось? – Волман посмотрел на Замира. Он уже не первый раз задавался этим вопросом. Такая здоровенная, кровожадная тварь не могла оставаться незамеченной. Алметинские горы огромны, но не настолько, чтобы люди, жившие там несколько сотен лет, ни разу не сталкивались с подобным существом. – Может, ваши старики, что-то рассказывали, или у твоих предков были какие-то предания о страшном чудовище? Обычно о таких вещах рассказывают кучу историй. Даже то чего не было на самом деле.

Замир помотал головой.

– Нет. Ничего такого никогда не слышал. Если бы подобную тварь хоть раз кто-то видел, об этом непременно было бы известно. Кто-нибудь из стариков уж точно рассказал бы, даже если это и случилось очень давно. У нас любят... любили рассказывать сказки и истории. – Замир отвернулся, пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами.

– А скажи, не происходило у вас чего-то странного в последнее время. Ну, я имею ввиду, до того... как все произошло, – Эрис в упор посмотрела на Замира. Он насупился. Ей обязательно везде нужно сунуть нос. Даже в мужской разго-

вор. Его злило, что он сам ведет себя глупо и все время дуетя на нее как маленький. В конце концов, хоть ему это и не по душе, она – член отряда. И она, судя по всему, хочет помочь. Но она его раздражала. Чтобы она ни сделала. И он ничего не мог с собой поделать. Но жизнь их всех подвергается опасности, и ее тоже. Поэтому он должен забыть о своих обидах и отвечать на ее вопросы также, как и на вопросы всех остальных. Возможно, все вместе они и впрямь найдут какое-то объяснение, откуда появилось чудовище и придумают способ расправиться с ненавистной тварью.

– Не знаю, что для тебя необычно, может быть летающие люди, – не удержался он от едкого замечания. Эрис ухмыльнулась. Волман и Сейша улыбнулись. – Пару месяцев назад пропали двое детей. Не из моего селения. Из того, в котором жила Лиа. День был солнечный. Они возвращались домой от соседей. Расстояние там не большое – часа три, если идти пешком. Подумали на диких зверей. Хотя в такие морозы они до нас обычно не доходят. Но другого объяснения не было. В тот день, к вечеру началась метель. Когда стало ясно, что дети исчезли, уже бесполезно было искать какие-то следы нападения животных. Метель все замела. А больше вроде ничего не было. У нас вообще... была очень размеренная жизнь, по вашим меркам однообразная, – в голосе его звучала грусть.

– Ладно, откуда-бы эта тварь не явилась, ее нужно прикончить, – сказал Волман.

–

Впереди показались горы и граница, отделяющая их от зеленых холмов.

– Никогда не видела снег, – крикнула Эрис и направила своего коня вперед. Подъехав к месту, где зеленая поляна заканчивалась, скрываясь под слоем снега, она наклонилась из седла и зачерпнула рукой белую массу.

– Фу, холодный и мокрый! – она, смеясь, обернулась к мужчинам.

– Дальше снег не будет мокрым. Он будет замерзшим и сухим, и сверкать так, что будет слепить глаза, – сказал Замир.

Решено было устроить привал и остаться на ночевку, прямо на холме.

– Ну, что Эрис, не передумала? Мне кажется, тебе не очень по душе пришелся снег, а там он будет везде, – смеясь, сказал Сейша, зачерпывая похлебку из своей миски.

– Боишься, что тебе не достанется славы? Так ты не зевай, может и тебе перепадет пару раз выстрелить из арбалета, – сказала девушка. – Ты-то, небось, тоже снег первый раз в жизни видишь?

– Признаю, никогда раньше не был в этих местах. И, в отличие от нашего романтического любителя приключений Волмана, особо и не рвался, – посмеиваясь, сказал он.

– А может, ты сам не хочешь идти, да тебе стыдно признаться? И ты подбиваешь меня остаться. А товарищам ска-

жешь, что не можешь отпустить девушку одну и придется тебе поехать ее провожать? – засмеялась Эрис.

– Такая девушка как ты в провожатых не нуждается. Даже если встретишь лихих людей, так они сами не рады будут, что судьба свела их с тобой. Заговоришь их и обчистишь до нитки, а может, еще и поколотишь, – смеясь, ответил Сейша. – Так, что если бы мне нужна была отговорка, чтобы остаться, на тебя я бы точно ссылаться не стал. Просто, мне интересно, для чего ты вообще захотела пойти с нами? Это ведь и впрямь не для женщины.

– Я люблю все необычное. Мне нравятся приключения, вот и решила пойти к вам в отряд, – темные глаза весело сверкнули.

Сейша пожал плечами.

– Хорошенькое приключение. Думается мне, ты вообще по ошибке родилась девчонкой.

– Ну, зато ты, Сейша, уж точно родился мужчиной безо всякой ошибки.

– Это точно, – улыбаясь, кивнул Сейша.

– Конечно. Женщины всегда умнее, просто мужчины никогда не признают этого. Так, что как видишь, ты никак не мог родиться женщиной.

– Ох, женщина, у тебя слишком длинный язык, – смеясь, Сейша погрозил ей пальцем.

Замир с сердитым видом ел свою похлебку. Эрис взглянула на него и рассмеялась.

– Мне кажется, простофиля, ты меня боишься. Каждый раз, как видишь меня, надуваешься как индюк и отворачиваешься.

– А мне кажется, что ты слишком много болтаешь, – со злостью ответил Замир и в упор посмотрел на нее. – Сейша правильно говорит про твой язык. Смотри, кто-нибудь укоротит его тебе, если не уймешься.

– Кому-нибудь я сама что-нибудь укорочу. А ты страшный зануда и ворчун. Когда вернемся, можешь идти на ферму работать. От твоего взгляда сразу все молоко перекистет. Творогу будет – завались.

– Твой язык и впрямь как жало, Эрис, – развеселился Волман. – Я порой думаю, может, стоило приказать всыпать тебе плетей на конюшне моего отца, глядишь, ты бы стала покладистее и научилась уважению.

– Ты не князь, Волман, чтобы приказывать всыпать мне плетей, – хмыкнула Эрис. Она лукаво улыбнулась. – А когда ты станешь князем, ты же не опустишься до того, чтобы припоминать былое и мстить женщине за то, что было ею сказано давным-давно. Ты же благородный человек.

– Знаешь, в твоей дерзости есть даже свое очарование и именно поэтому тебе все сходит с рук. Ты умудряешься своим нахальством вызывать не злость, а смех. На тебя невозможно сердиться, хотя порой стоило бы. Конечно, Эрис, я не стану припоминать твои слова, когда стану князем. Хотя, думаю, даже если бы это было не так, ты бы нашла способ вы-

крутиться, – расхохотался Волман. Замир покосился на сына князя. Все-таки чудной народ живет в низовьях. Девчонка невыносима. Никакого уважения к мужчинам. Болтает все, что хочет, а он и Сейша смеются.

Может всыпать плетей, конечно, чересчур. Но приструнить ее точно не мешало бы. Только вот как? У нее на каждое слово десять своих, одно другого хлеще. Необузданная и дикая, как снежная кошка. Никогда не знаешь чего от нее ждать. Но, возможно этим она так и притягивает к себе? Замир закашлялся. Что это вдруг пришло ему в голову?

– Эй, простофиля! Смотри, даже подавился от злости. – Маленькая рука хлопнула Замира по спине с такой силой, что у него перехватило дыхание, а остатки похлебки едва не выплеснулись из миски.

– Прекрати называть меня простофилей! – со злостью сказал он. Эрис насмешливо посмотрела на него.

– С чего бы это? Как хочу, так и называю и попробуй мне запретить. Тем более ты и есть простофиля.

– Конечно. А ты – лгунья и воровка.

Она рассмеялась.

– Не будь таким злопамятным, простофиля. Бери пример с Волмана. Вот, сын князя не злопамятный. Сказал, что не станет припоминать мне мои слова, когда станет правителем. И я ему верю. А ты все никак не можешь забыть глупую историю, случившуюся, можно сказать, давным-давно.

– Две недели назад.

– Я же говорю, злопамятный. Даже сколько дней прошло, помнишь, – она пожала плечами и покачала головой с укоризненным видом. Глаза, как всегда были дерзкие и насмешливые. Замир отвернулся, решив, что больше вообще не станет обращать на нее внимания, чтобы она не сказала. – Не пыхти, простофиля, а то опять подавишься.

Он чувствовал, что она на него смотрит. Ну и пусть. Он и думать о ней не желает. Болтунья, воровка и проходимка. Но почему, если он не желает о ней думать, и она так злит его, он то и дело вспоминает о ней, вспоминает ее лицо и озорную улыбку, и темные лукавые глаза. Почему, когда он слышит ее смех, он начинает сердиться и в тоже время сердце подпрыгивает в груди?

Как будто подслушав его мысли, она спросила:

– А может, простофиля, ты и вправду в меня влюбился? И голову потерял?

Замир на мгновение застыл. Его переполнял гнев. Самое настоящее бешенство. Да, что она о себе возомнила эта глупая, болтливая девчонка? С потемневшим лицом он развернулся к ней и встретился со смеющимся взглядом.

– Ну, так и есть. Точно влюбился. – Она звонко расхохоталась. Волман тоже рассмеялся, а Сейша, пряча улыбку, тактично отвернулся.

– Ты лгунья, болтунья и воровка. Мелешь своим языком всякий вздор. Да я знать тебя не желаю! Будь моя воля, я бы вышвырнул тебя из отряда в первый же день! – глаза у

него полыхали гневом, грудь тяжело вздымалась, щеки горели огнем.

– Да успокойся, простофиля, – улыбнулась Эрис и подмигнула ему, – ты мне тоже нравишься, есть в тебе, что-то. Но я-то держу себя в руках.

Она с гордым видом, полным достоинства поднялась и пошла в сторону шатра, который поставили специально для нее. Не дойдя несколько шагов до входа, она обернулась:

– Мне нравится, когда ты злишься, простофиля. Просто искры летят! Не скучай, утром увидимся.

Она скрылась в шатре, а Замир сидел с открытым ртом, раздуваясь от возмущения и злости.

– Друг мой, как тебя угораздило влюбиться в такую женщину? Это же сущее наказание! – смеясь сказал Волман.

Замир задохнулся.

– Я! Влюбился?! Да я видеть ее не могу, мне каждый раз хочется ее задушить!

– Я и говорю – влюбился.

Замир сердито посмотрел на товарища. И этот туда же. Ладно она – глупая, болтливая баба. Но Волман! Волман... прав. Замир застыл. Неужели он и вправду влюбился в самую невыносимую женщину из всех, какие только бывают на свете? Она доводит его до бешенства, но рядом с ней он вновь чувствует себя живым. Он забывает о той боли, которая живет внутри него. Неужели это от того, что он и впрямь ее любит?

– Не переживай, Замир. Она тоже без ума от тебя. Это сразу видно, – с улыбкой сказал Волман.

– Правда?! – Замир покраснел. – То есть, с чего ты взял? Она ведет себя ужасно! И вообще мне плевать...

Волман захохотал.

– Поверь! Думаю, вы отличная пара. Вы как лед и огонь. Как свет и тень. Две половины одного целого. Каждой из которых, без другой чего-то не достает. – Волман подмигнул товарищу. – Когда одолеем тварь в горах, женись на ней. Она дерзка и непокорна, но она будет отличной женой. Такие, как она никогда не предадут того кого любят. И к тому же с ней точно не соскучишься.

– Да я даже не думал об этом...

– А может, стоит?

Глава 18. Царство холода

Рано утром на сани, оставленные Замиром у подножия гор, когда они с детьми только спустились в низовья, погрузили заготовленные накануне дрова, продовольствие и часть оружия. Быки радостно перебирали ногами, предчувствуя скорое возвращение в родные места. Воины облачились в теплую одежду, привезенную из дома. Замир критически осматривал теплые вещи, которые никак не годились для лютых морозов. Придется делать остановки каждые несколько часов, чтобы люди не замерзли насмерть. Разводить костры и греться. В санях было около десятка шкур, которые можно было использовать как накидки, но людей было намного больше.

– Вы все будете ужасно страдать от холода, – предупредил он Волмана, одежда которого тоже оставляла желать лучшего.

– Мы воины и привыкли терпеть любые условия. Хотя, побывав в Алментинских горах, я не стану с тобой спорить. Но как-нибудь мы выдержим. Твои предки попали в горы без теплых вещей и выжили.

Замир хмуро посмотрел на него.

– Для меня, выросшего в тех местах и привыкшего к морозам, это всегда было загадкой. Выжила только треть из тех, кто попал в горы. Но и это, поверь, настоящее чудо.

– Что ты предлагаешь?

– Ничего. Мы будем идти как можно быстрее, и будем делать остановки каждые три-четыре часа и греться.

Волман пожал плечами. Чего там три часа потерпеть, ничего страшного. Замир посмотрел на приятеля с сочувствием. Сейчас он даже не представляет, какими долгими будут казаться эти несколько часов. В юности он побывал в алментах, в самой теплой их части. Он и представления не имеет о том, насколько холоднее в горных долинах.

Наконец сборы закончились и отряд тронулся в путь. Несколько воинов, оставшихся с лошадьми, тоскливо смотрели вслед уходящим. Оглянувшись на них, Замир подумал, что возможно, они как раз те счастливцы, которым повезло больше всех остальных.

– Ну и холодина, – спустя полчаса сказал Сейша. Замир покосился на товарища. Нос у Сейши покраснел, щеки тоже, изо рта шел пар.

– Это не холодина. Здесь в горах тепло. Холодина начнется дня через два. В долинах, – сказал Замир.

– Спасибо, друг. Мне даже как-то теплее сразу стало, – засмеялся Сейша. В глазах у него было выражение близкое к ужасу. – А тебе, Эрис, как всегда повезло! Ну, что за девчонка? За, что ни возьмется, все у нее получается. Даже одежду подходящую раздобыла. Ты, верно, родилась под счастливой звездой. А может ты ведьма, Эрис? Может тебя и впрямь следует как следует высечь, а потом отправить жить в лес,

прочь от людей, как поступают с ведьмами.

Эрис рассмеялась.

– Был бы ты Сейша девчонкой, кинули бы монетку, может и тебе бы повезло. Хочешь, наколдую? – она подмигнула.

– Возможно, первый раз в жизни почти готов пожалеть, что я не девчонка, – рассмеялся Сейша, стуча зубами. – Но от колдовства все же пока воздержись. Я скажу, когда буду готов.

Эрис шла, радостно улыбаясь, как всегда бодрая и веселая. Лиа отдала ей свою одежду и Эрис не страдала от холода, как остальные. Правда, с непривычки, у нее тоже мерзли нос и щеки, но она время от времени терла их рукавицами, как велел делать всем перед выходом Замир, припугнув, что следы от обморожения останутся на всю жизнь. Спустя три часа отряд сделал первый привал. Воины с удивительной быстротой разожгли костры. Когда пламя разгорелось все с радостным облегчением, стараясь подойти к огню как можно ближе, стали отогревать замерзшие до невозможности тела. Замерзло все. Ноги, руки, голова, туловище. Казалось, что никогда еще никто из них не чувствовал себя ужаснее.

– Не представляю, Замир, как вы здесь жили, – сказал один из воинов. Замир пожал плечами.

– Мы привыкли. Нам ничего другого было не нужно...

–

За день сделали еще два перехода, по три часа каждый. Замир радовался, что отряд идет даже быстрее, чем он пред-

полагал. Холод подгонял людей, заставляя идти как можно быстрее. В этом был плюс. Возможно, уже завтра к вечеру им удастся дойти до первой долины.

На ночь соорудили шатры, укрывавшие от ветра. Люди жались друг к другу, как можно плотнее. Возле горящих костров выставили часовых. Уставшие, замерзшие люди провалились в сон мгновенно.

—

— Волки! — в шатер всунулась голова одного из часовых. Лицо у него было испуганное.

Позвав с собой еще троих воинов, друзья вылезли из шатра. Из темноты, со стороны скал, высвечивались тусклым зеленоватым светом глаза. Судя по всему, волков было чуть больше десятка. Животные молча наблюдали за людьми, обдумывая, стоит ли нападать.

— Нужно их перебить, — сказал Замир. — Они так и будут ходить вокруг лагеря. И, в конце концов, могут решиться и напасть, несмотря на то, что нас много. Могут ранить кого-то из часовых или броситься на быков. А без быков нам нельзя остаться.

Мужчины вскинули арбалеты. Почти одновременно в воздух взвились десять стрел. Послышался визг, рычание, звук падения тела на камни. Шесть выстрелов оказались удачными. Остальные волки скрылись в темноте.

— Нужно было разбудить девчонку, она бы им сама глотки перегрызла, — ухмыльнулся Волман.

–

Три перехода по три часа, дались отряду с трудом. Накидки из шкур передавали друг другу по очереди. Замир и Эрис были единственными, кто не страдал от холода. Эрис, конечно, тоже чувствовала себя не слишком уютно, но по сравнению с остальными ей было вполне хорошо.

– Через полчаса, как мы выходим со стоянки, я чувствую себя бесчувственным куском дерева, руки и ноги не гнуться, и я только и думаю, когда следующий привал, – ухмыльнулся один из воинов.

К вечеру они преодолели участок извилистых горных троп и вошли в первую из долин. Несмотря на то, что все страшно замерзли, путники смотрели на открывшуюся перед ними величественную картину, раскрыв рты, пораженные невероятным зрелищем, небывалой, неповторимой красотой. Замир почувствовал, как к горлу подступает комок. Он отвернулся от остальных и несколько раз глубоко вдохнул морозный воздух.

– Неужели ты скучаешь по этим местам, простофиля? – голос у нее был не насмешливый, а даже почти нежный и немного печальный. Он повернулся к ней и впервые не почувствовал раздражения и желания как можно быстрее отойти в сторону.

– Это мой дом.

Она кивнула.

– Здесь очень красиво. Но... – она попыталась подыскать

слова. – Здесь все безжизненное. Все, как будто застыло в этой холодной величественной красоте. Мертвой красоте...

Он кивнул.

– Да. Но это мой дом.

–

На ночь расположились в пещере. Народу было много и было невообразимо тесно. Все толкали друг друга, то и дело слышался смех. Люди радовались теплу. В первый раз за два дня все отогрелись по-настоящему.

– Великий Оил! Я даже не знаю, что может быть хуже, чем этот проклятый холод!

– Твоя волосатая задница, которая меня вдавила в стену скалы.

Пещера взорвалась от хохота. Быки, дремавшие у входа удивленно, как будто с укором покосились на людей.

– Тише вы, сейчас костер потухнет от вашего ржания.

– Да если он потухнет – так только из-за твоего собственного. Фыркаешь в огонь, как жеребец своими ноздрями.

Замир с улыбкой поглядывал на воинов. Его немного удивляло, что грубые, порой не слишком смешные шутки вызывают такое веселье. Казалось, им не надоедало бесконечно поддразнивать друг друга.

– Такова походная жизнь воина, друг мой, – улыбнулся Волман. – Вдали от дома, от родных, собравшиеся вместе мужчины, зная, что завтра каждый из них может погибнуть, развлекают себя подобными, грубоватыми, возможно не са-

мыми утонченными шутками. Но ведь главное, что им весело. Они могут расслабиться, не думать о походных тяготах, о смерти.

– Конечно, – согласился Замир. Возможно, подобным образом им удастся не думать и о тех, к кому рвется их сердце, по кому они тоскуют, кто ждет их дома, зная, что может не дожждаться... Замиру стало грустно. То и дело слышался громкий смех, но он уже не обращал внимания на то, что говорят сидящие у костра воины. Мысли его были далеко. За много долин от той, что раскинулась перед входом в пещеру.

Глава 19. Великаны

– Нужно пройти долину. Думаю, за половину дня мы ее одолеем. Ветра нет и небо чистое, так что, скорее всего, метели не будет. Но если начнется метель, нужно будет сразу ставить укрытие, иначе мы все погибнем, – сказал Замир воинам, заканчивающим завтрак.

– Звучит очень ободряюще! – ухмыльнулся один из слушателей. – Тут вообще столько возможностей сдохнуть, никаких чудовищ не нужно.

Когда отряд дошел до горной цепи, отделяющей долину от следующей, всем уже казалось, что это последний день, и даже не день, а час в их жизни. Первые минуты в пещере, пока разводили огонь и отогревались, никто не произносил ни слова. Все замерзли так, что даже говорить сил ни у кого не было.

Закипела похлебка, по пещере поплыл аппетитный запах еды. Напряженные лица начали расслабляться, застывшие взгляды ожили, вновь засверкали белозубые улыбки, послышался смех, шутки, беззлобные переругивания.

– Я когда вернусь домой, отправлюсь в баню и буду там париться дня три, не вылезая, – уминая похлебку, сказал один из воинов. – Прямо в кипятке буду сидеть и только просить еще подбавить.

– А я найму пару девок погорячее и они...

– Смотрите!

Головы сидевших у костра повернулись в указанном направлении. В глубине пещеры мелькнула тень. Послышалось рычание, и мимо застывших от неожиданности людей, промелькнула, и стрелой вылетела на улицу большая пятнистая кошка.

– Снежная кошка, – сказал Замир. – Много людей – она испугалась. Если бы было несколько человек, она бы напала.

– Братцы! Целое состояние убежало! Нужно было ее ловить за хвост, – крикнул один из воинов.

– Ага, она тебе враз голову откусит. Они, говорят, страсть какие злющие, – сказал другой.

– Она легко может убить, – сказал Замир. – Мы с моим другом еле одолели такую вдвоем. Даже лучшие охотники порой не могли с ней справиться и погибали от ее когтей.

– Вы, наверное, получили за шкуру кучу денег? – поинтересовался тот, что предлагал ловить кошку за хвост.

Замир не ответил. Воин решил дознаться, сколько же денег можно получить за шкуру снежной кошки и снова пристал с расспросами.

– Видел большой, красивый дом, который строится возле главной площади, неподалеку от княжеского дворца? – спросила Эрис. Воин кивнул. – Так, это дом Замира. Так, что представь, сколько денег ты сейчас упустил, ротозей. В следующий раз не зевай и хватай кошку за хвост. Построишь себе такой же дом, а может два.

Парень сидел с раскрытым ртом. На лице его отражались удивление, сожаление и недоверие.

– Закрой рот, а то еще и похлебку свою сейчас упустишь, – усмехнулась Эрис.

– Так и знал, что ты врешь, – сказал воин, расплываясь в улыбке. – Я уж, правда, чуть не поверил, думал, счастье свое упустил.

Воины начали подшучивать над незадачливым товарищем.

– Надо было и впрямь ее поймать, – сказала Эрис.

– Хочешь построить себе красивый дом? – улыбнулся Замир. Она засмеялась.

– Нет. У кошки красивый мех. Такого меха у нас почти невозможно достать. Сделала бы себе накидку, – она подмигнула ему, – как раз к моему приданому пришлось бы кстати.

–

Сытые, отогревшиеся воины, почти с радостью выбрались из тесного замкнутого пространства пещеры, на свежий морозный воздух. Решено было пройти сегодня через раскинувшуюся впереди долину, которая казалась даже чуть меньше предыдущей и потом остановиться на ночлег.

Они были на полпути к горам, и люди, хоть и замерзли, но еще не чувствовали, что еще несколько минут ни руки, ни ноги больше уже не согнуться. Между скалами появилось что-то белое и большое, похожее на снежный сугроб только невероятных размеров.

– Чудовище! – крикнул Замир.

Забыв о холоде, воины начали готовиться к встрече с невиданным противником. Существо быстро преодолевало расстояние, меряя огромными шагами долину, как небольшую полянку в лесу.

– Вот это громадина!

– Давай, образина, сейчас мы тебе устроим отличный прием.

Голоса звучали бодро, задиристо. Но в душе каждый испытывал страх. Существо было действительно очень большим. Их много, но оно казалось невероятно сильным. И то, что оно в одиночку погубило три селения, тоже не добавляло оптимизма.

– Давай! – глаза горели боевым азартом. По мере приближения существа, страх начал отступать. Кровь неслась по венам с такой скоростью, что уже впору было сбрасывать одежду. Когда между противниками осталось расстояние в сто шагов в воздух полетели выпущенные из арбалетов стрелы. Вслед за ними полетели копья. Каждый воин в отряде был отменным стрелком. Каждое копьё и каждая выпущенная стрела попали в цель. Но все они просто падали в снег, соскальзывая по длинному белому меху, даже не задерживаясь в нем и не причиняя никакого вреда странному созданию. Когда копья и стрелы ударились о белоснежный мех, существо разинуло свою зубастую пасть, размером не уступающую входу в пещеру. Хотя из пасти чудовища не раздалось ни звука,

но казалось, что воздух долины наполнил страшный рев и гул. От этого беззвучного рева закладывало уши, он сводил с ума, внушал неопиcуемый ужас.

Еще три десятка стрел взлетели в воздух и понеслись вперед, но стрелки уже понимали, что эти выстрелы также бесполезны, как предыдущие. Волман схватил копьё и заорал:
– Вперед!

Остальные тоже подхватили с саней копьё и побежали за сыном князя. Двое воинов, по приказу Замира, остались возле саней, чтобы удерживать испуганных быков. Они еле справлялись с обезумевшими от страха животными, рвавшись убежать прочь.

Волман уже почти добежал, готовясь вонзить копьё в плоть, скрывающуюся под белым мехом, в глубине души понимая, что его попытка тщетна и это просто способ достойно принять судьбу, как подобает воину. Огромная лапа ударила сына князя когтями. Надетая под одежду кольчуга спасла молодого воина от неминуемой смерти, но все же острые когти, длиной с арбалетную стрелу, вошли в тело, и из ран обильно полилась кровь. Чудовище отшвырнуло беспомощное, израненное тело на несколько метров. Волман упал в снег, и он моментально окрасился в красный цвет. Чудовище размахивало лапами, нанося удары. Люди падали, отлетали в сторону, и некоторые уже больше не поднимались. Существо вновь беззвучно заревело. Мертвые черные глаза поблескивали, следя за фигурками людей, намечая очередную жертву.

ву. Тяжелая лапа пронеслась над головой Сейши. Он успел присесть, и смертоносные когти лишь слегка чиркнули его по голове. Сейша упал и, тряся головой, начал отползать в сторону, стараясь избежать следующего удара. Ему, наконец, удалось подняться, и он метнул копьё с совсем близкого расстояния. Копьё чиркнуло по белой шерсти на животе, но, как и прежде, не принесло никакого вреда странному созданию. Огромная лапа вновь потянулась к Сейше. Замир, на секунду замешкавшийся из-за быков, подбежал к существу, высоко подняв тяжелое копьё и громко крича, что бы отвлечь тварь от товарища, оставшегося, безоружным, все еще оглушенного ударом когтей. Огромная белая голова слегка повернулась к Замиру, и чудовище направилось в его сторону. Краем глаза Замир заметил рядом с собой Эрис, в руках у нее был боевой топор.

– Извини, простофиля, – она улыбнулась, как показалось Замиру с нежностью, и в следующую секунду он заметил, как она подняла топор острием вверх и, развернувшись к нему, начала опускать его. Тупая часть топора с силой опустилась на голову Замира, и он провалился в черноту.

– Сейша! Помоги! – крикнула девушка. – Нужно уходить. Нам не одолеть его.

– Назад! – крикнул Сейша воинам.

Они закинули в сани Волмана, затем Замира. Еще пара из уцелевших воинов запрыгнула в те же сани. Чудовище было совсем близко. Эрис размахнулась и метнула топор. Бросок

был очень сильный. Топор попал в морду существа, но, как и прежде, страшное оружие не причинив никакого вреда просто упало в снег.

– Тварь, что же тебе нужно?! – заорала девушка. Сани уже тронулись. Быкам было тяжело – слишком много народа, да еще груз, который лежал в санях. Во вторых санях тоже сидело восемь воинов. Эрис оглянулась, существо нагоняло их. Рядом с ней лежала связка факелов. Скорее от отчаяния, чем в надежде причинить вред неуязвимой твари, Эрис выдернула один факел из связки, зажгла его и швырнула во все приближающееся страшное, непобедимое создание. Факел угодил в грудь, от белой шерсти пошел пар. Было ощущение, что она плавится, тает. Существо пошло медленнее, мотая головой, пытаясь разглядеть место на груди, куда попал факел.

– Ага, гадина! Вот чего ты боишься!

Девушка зажгла еще один факел. Остальные последовали ее примеру.

Во все стороны от чудовища валил пар. Оно совсем остановилось и заревело. Как и до этого беззвучно, но на этот раз лица людей исказились от непереносимой муки от этого страшного рева. Эрис взяла все оставшиеся факелы, подожгла все разом и швырнула всю связку в широко разинутую пасть. Из пасти повалил белый дым, взметнулось пламя. Чудовище замотало лапами, зашаталось и рухнуло в снег. Страшный, непереносимый рев прекратился.

– Я уже говорил, что люблю тебя, Эрис и что ты самая невероятная и потрясающая из всех женщин?! – крикнул Сейша, смеясь и чуть не плача одновременно. Лоб у него был залит кровью. Острый коготь твари рассек кожу головы, даже сквозь шапку.

– Думаешь самое время? Или ты надеешься, что сейчас я взволнована и буду более сговорчивой, – усмехнулась Эрис. Сейша смеясь, смотрел на нее, радуясь, что они живы, что им удалось одолеть страшную тварь. Внезапно улыбка сползла с его лица, и он указал рукой за спину Эрис. Она обернулась. Со стороны гор к ним шли три таких же существа, как то, которое сейчас корчилось на снегу позади саней в предсмертной агонии.

– Снежные великаны!... – прошептал Сейша.

– У нас же не найдется еще пары сотен факелов, мой влюбленный друг?

– Нет, Эрис. Думаю, что ты зашвырнула последние в глотку этой твари. – Сейша зачарованно продолжал смотреть на приближающиеся огромные создания.

– Тогда чего ты вытаращился, идиот? Пошли, вперед!!! – гаркнула она на быков и огрела их поводьями. Сани полетели по снегу. Сейша потерял равновесие и чуть не вывалился. – Решил остаться с этими тварями? Держись, ротозей! – сердито прикрикнула на него Эрис.

Глава 20. Пробуждение

Было тепло. Где-то совсем рядом звучали голоса. Замир открыл глаза и в неверном свете отблесков костра разглядел каменные стены и потолок пещеры. Он повернул голову в сторону, откуда шел свет и слышались голоса и застонал. Голова нестерпимо болела.

– Ну, что очнулся, простофиля?! А то я уж боялась, что не рассчитала, – он увидел знакомую озорную улыбку. Эрис склонилась к его лицу и заглянула в его глаза. Замир вспомнил битву с чудовищем. Вспомнил, как он собирался нанести удар копьем. Рядом с ним была она. А потом она ударила его. Он почувствовал, как его переполняют негодование и злость.

– Как ты посмела?! – глаза его гневно сверкнули.

– Посмела что? – взгляд у нее стал насмешливым. – Посмела спасти тебе жизнь, ударить тебя, не дать тебе погибнуть глупой и бессмысленной смертью? Что именно тебя так возмутило?

– Я должен был сразиться с этой тварью, а ты...

– Ты прекрасно знаешь, что ты бы ничего не смог сделать. Ну, кроме того, что как я уже сказала глупо и бессмысленно умереть. И ты сам это прекрасно знаешь. Кстати, должна тебе сообщить неприятную новость. Этих тварей несколько. Пока ты был в отключке, – она ухмыльнулась, – мы видели

еще трех. А уж, сколько их всего, понятия не имею.

Замир изумленно уставился на нее. Несколько тварей. Откуда они и в самом деле взялись? Что же это за существа, которых нельзя убить или хотя бы даже ранить при помощи оружия?

– Но у меня есть и хорошая новость, – голос Эрис отвлек его от размышлений о чудовищах и их невероятной неуязвимости. Девушка изобразила насмешливую гримасу. – Но пока ты не научишься разговаривать, как подобает, я тебе ее не расскажу.

Он хотел сказать, что не нуждается в том чтобы она ему о чем-то рассказывала, но вместо этого рассмеялся. Эрис улыбнулась.

– Кажется, я первый раз вижу, как ты смеешься, простофиля. – Она немного наклонила голову набок, рассматривая его. – У тебя хорошая улыбка.

Он почувствовал, что ему бы очень хотелось ее поцеловать. Наверное, она и впрямь слишком сильно его ударила. Он отвел взгляд от ее лица и попытался встать.

– Помочь, простофиля? – голос как всегда был насмешливый.

– Сам справлюсь, – буркнул он.

Голова немного кружилась. «Могла бы и не так сильно бить», – сердито подумал он. Может она специально? Мысль была глупая, и Замир снова сам на себя рассердился. Почему он так и ищет повод прицепиться к ней? В конце концов,

она и впрямь спасла ему жизнь, потому, что он прекрасно знал, что его копье бесполезно против страшного существа. Он шел умирать. Как умирали воины, которые пришли сюда за ним. Они гибли, и он тоже не мог отступить и не сделать попытки нанести удар чудовищу, пусть даже заведомо тщетной. Он должен был погибнуть, как и они.

– Сколько тебе лет, простофиля?

Вопрос был совершенно неожиданный, особенно сейчас. Но у нее все так. Никогда не знаешь, чего и когда от нее ждать.

– Семнадцать зим. Скоро будет восемнадцать, – на всякий случай добавил он. Еще начнет насмехаться, что он слишком молод или даже скажет, что он совсем еще маленький.

– Ааа... – протянула Эрис и внимательно посмотрела на него. Нормально, без насмешки. – Мне-то уже девятнадцать. – Она улыбнулась. – Вы считаете возраст зимами? Разве здесь не всегда зима?

– Бывает лето. Короткое. Месяц, иногда два.

– И, что летом здесь тепло? – недоверчиво спросила она.

Он тоже улыбнулся.

– Теплее чем зимой.

– Понятно. Летом, наверное, нос отмерзает не в первые пять минут, а минут через пятнадцать.

– Нет. Летом нос не отмерзает. Но тепла здесь не бывает, если ты об этом спрашиваешь.

– Ладно. Мне все равно здесь не нравится, уж извини, да-

же если бы лето было нормальное и жаркое.

– Очухался! – Сейша хлопнул подошедшего к костру Замира по плечу. – Я уж думал, наша очаровательная подруга отправила тебя навстречу к предкам. Рука у нее твердая.

Возле костра сидела лишь половина из тех, кто еще сегодня днем смеялся и толкался старась подобраться поближе к огню, чтобы отогреть, насмерть замерзшие во время перехода, тела. Замир опустил голову. Может и правда не стоило сюда приходить? Только новые жизни загублены. Сколько молодых, полных жизни ребят погибло? И ради чего?

– Волман? – спросил он, боясь услышать ответ.

– Волман ранен. Тварь зацепила его когтями. Разорвала бок. Но ничего. Жить будет.

Замир кивнул. Он почувствовал облегчение. Хорошо хоть сын князя жив. С его стороны вообще было верхом глупости связываться в это. Неодолимая тяга к приключениям едва не стоила ему жизни. Сейша снова похлопал Замира по спине.

– Все пришли сюда добровольно, Замир. Каждый знал, что может погибнуть. Это не твоя вина. Ты напрасно винишь себя в случившемся. Поверь, если вернуться назад, ни один из тех кто отправился сюда, не изменил бы своего решения, и не упустил бы возможности поучаствовать в походе. Разве только из-за холода, – Сейша улыбнулся. – Не взваливай себе на плечи еще один непреодолимый груз из чувства вины. Вполне довольно того, что уже и так лежит на твоих плечах, приятель.

– Я так мечтал о мести, – покачал головой Замир. – Думаю, мне нужно было думать о живых, а не вынашивать в сердце ненависть. Она ослепила меня. Я ничего вокруг не видел. Ни о чем кроме нее не мог думать. Так что это моя вина.

– Поверь, сейчас ты придешь в себя. Успокоишься. Пройдет какое-то время, и ты вновь захочешь отправиться сюда. Человек так устроен. Возможно, ты больше не захочешь рисковать чужими жизнями. Но ненависть из твоего сердца никуда не денется. Ты все также, а может быть даже еще сильнее, будешь желать отомстить. Но ты не печалься. Теперь не нужно собирать отряд воинов. Мы теперь знаем, как одолеть чудовищ.

Замир с недоверием посмотрел на друга. Сейша засмеялся.

– Мы все смеялись, шутили, а ведь девчонка и впрямь расправилась с этой тварью, – он подмигнул Эрис.

Замир уставился на девушку. Эрис скорчила насмешливую гримасу.

– Ну, что, простофиля, будешь теперь вести себя по отношению ко мне с подобающим уважением?

– Я?! Да это ты ведешь себя по отношению ко всем неподобающе.

– Ладно, в следующий раз, прежде чем прикончить чудовище, дам ему тебя сожрать, – с высокомерным видом заявила она.

– В следующий раз?

– Конечно. Я же знаю, ты все равно пойдешь сюда снова. Тебе нравится морозить свой зад в невообразимом холоде. Мне, конечно, не нравится, но не могу же я отпустить тебя одного. Малолетнего несмышленьша, – хихикнула она.

– Ты невыносимая! – он улыбнулся. – И, кстати, спасибо.

– Да не за что. Правда, я теперь без топора, но не переживай. Я найду, чем тебя тукнуть, если понадобится.

Глава 21. Сказки у костра

Оставшиеся члены отряда надеялись и молились про себя, чтобы снежные великаны не забрели в долину, в которой они сейчас находились. Исход еще одной встречи с чудовищами, на данный момент, был очевиден.

Выйдя из пещеры и оглядев долину, воины двинулись в путь. Из тридцати человек, обратно возвращалось четырнадцать. Шестнадцать воинов нашли свою смерть среди бескрайних снежных равнин. Они получили то, чего желали – обрели славу героев. О них сложат песни, будут рассказывать сказки и предания. Но ценой тому была их собственная жизнь.

Волмана, большую часть времени, находившегося в беспомощности, уложили на сани, укутали шкурами. Замир поменялся с ним одеждой, чтобы сын князя смог вынести оставшуюся дорогу и не замерз, лежа без движения.

– Теперь почувствуешь себя в нашей шкуре, – посмеивался Сейша, глядя на шагавшего рядом Замира, одетого не в толстые бычьи шкуры, а в куртку и штаны из тонкого блестящего меха, почти не дававшего тепла на таком морозе.

Маленький отряд обогнул горы и направился по открытому пространству долины. Один из быков начал прихрамывать. Замир обеспокоенно посматривал на его ногу. Если нога воспалится, животное придется убить, чтобы избавиться от

мучений. Бык с поврежденной ногой все равно погибнет, но смерть будет долгой, и животное будет испытывать сильные страдания. Замиру было жаль быка, служившего долгое время верой и правдой и не раз спасшего жизнь не только ему.

– Ну, что, простофиля, замерз, – озорные глаза смотрели, как показалось Замиру, с сочувствием. Прикидывается, наверное. Снова придумала какую-нибудь дурацкую шуточку.

– Нет, не замерз.

Это была не совсем правда. В одежде сына князя, холод чувствовался весьма ощутимо. Но, по сравнению с остальными, Замиру было не так тяжело. Он был с детства привычен к морозам куда крепче нынешнего. Он вполне мог идти, если нужно, и целый день даже в такой одежде. Когда станет совсем неважно, можно пробежаться.

– Скучно идти просто так и думать догонят нас чудовища или нет. – Эрис лукаво посмотрела на мужчин. – Давайте по очереди рассказывать истории, все веселее будет и дорога покажется короче.

– Давай. Наглотаешься ледяного воздуха, и к вечеру у тебя поднимется жар, а легкие будут хрипеть, – сказал Замир. Эрис фыркнула.

– Ты самый скучный человек изо всех кого я знаю.

– А ты самая не скучная, – буркнул он.

Она рассмеялась.

– Видишь, ты уже начал говорить мне комплименты, простофиля. Точно ты в меня влюблен. Между прочим, Сейша

оказался решительнее тебя и вчера открыл мне свое сердце и признался в своей любви.

Замир покосился на приятеля, в душе шевельнулось непонятное, неприятное чувство, объяснить которое он и сам не мог.

Сейша рассмеялся.

– Когда находишься на волосок от смерти, а потом вдруг она отступает, чего только не наговоришь.

– Не зря в столице ходят о тебе слухи Сейша, что ты самый отъявленный бабник и прохвост. Каждая девушка знает, что тебе верить нельзя, – с притворной обидой сказала Эрис.

– Мы с тобой одного поля ягоды, Эрис. Наверное, именно поэтому, ты мне и нравишься. И хоть я и не влюблен в тебя, признаю, но ты самая непостижимая и удивительная женщина. От этих слов я не отказываюсь. И я не перестану восхищаться твоими талантами и способностями.

– Нужно было скинуть тебя вчера с саней, врунишка, но ладно уж. Так и быть, я тебя прощу. Ко всему прочему, я еще и великодушная.

– Надеюсь, в следующий раз ты не припомнишь обиду и не скинешь меня? Тем более, ты сама говорила, что не хорошо быть злопамятным, – смеясь, сказал он.

– Это для мужчины не хорошо быть злопамятным, а для женщины это естественное состояние. Женщины никогда не забывают обид, учти это, Сейша.

– Буду теперь, на всякий случай, садиться в разные с тобой

сани. Ты девушка решительная, кто знает, что придет в твою милую головку, – ухмыльнулся воин.

–

Впереди показались горы, отделявшие Алметины от низовий. Понимая, что опасно оставаться в долине, потому, что чудовища могут догнать путников в любой момент, Замир все же велел устроить привал у подножия гор. Нужно было дать отдых быкам, да и люди уже изнемогали от холода и не смогли бы продолжить путь, хоть немного не отогревшись. Взяв мешки и топор, Замир пошел на поиски пещеры, в которой можно запастись углем. Предстояла ночь в горах, и нужно было чем-то разжигать костры. Дров у них почти не осталось. Промерзнув окончательно, проплутав между скал больше часа, он, наконец, нашел пещеру, в которой был уголь. Увидев тяжело сгибающегося под тяжелой ношей Замира, успевшие отогреться и поесть воины, бросились к нему навстречу.

– Через полчаса нужно отправляться в путь, – сказал Замир, больше всего желая, растянуться у костра и поспать.

Пройдя еще три часа по горной тропе, отряд остановился на ночь. Разожгли несколько костров. Чтобы не замерзнуть за ночь и заодно, чтобы отпугивать огнем волков. И в надежде, что если, вдруг, великаны забредут сюда, то тоже не пойдут к огню, раз уж он так для них опасен. Люди устали. Все с наслаждением грелись у огня. Уже завтра они должны выйти за границы царства, ставшего ненавистным им холода.

– Ну, что, теперь можно рассказывать истории? – насмешливо спросила Эрис.

– Если у тебя остались силы болтать, можешь рассказывать, – проворчал Замир.

– Нет. Пусть сначала мужчины, что-нибудь расскажут. Я девушка скромная, не могу лезть вперед, – сказала она. Все рассмеялись. Даже Замир не удержался от улыбки.

Несмотря на усталость, воины с удовольствием начали рассказывать забавные случаи из жизни, истории о великих героях прошлого, сказки. Кто что знал. Обстановка располагала к тому, чтобы послушать интересный рассказ. Сейша рассказал легенду о владычице речных вод, заманивавшей к себе доверчивых юношей, плененных ее красотой. Даже Волман, наконец, пришедший в себя, полулежа возле огня, с интересом слушал рассказчиков.

– Ну, Эрис. Твоя очередь. Ты же сама предложила рассказывать, и уж, наверное, извелась, столько времени сидеть молча, – улыбнулся сын князя.

Девушка обвела присутствующих озорным взглядом.

– Ладно. Историй о героях и рассказов о всемогущих владыках было уже достаточно. Расскажу вам сказку, про маленькую птичку. Жила-была маленькая птичка. И была она такая маленькая и слабая, что каждую минуту кто-нибудь норовил обидеть ее или съесть. В небе ее подстерегали орлы и коршуны. На земле, когда она собирала семена деревьев, за ней охотились лисы, волки и россомахи. Даже на ветке де-

рева, когда птичка садилась отдохнуть, ее норовила проглотить лесная змея. Ужасно трудна и опасна была жизнь бедной птички. Каждый миг дрожала она от страха, ожидая, что вот-вот, кто-то схватит ее и съест.

Однажды бедная птичка взлетела над лесом и, залюбовавшись открывшейся перед ней красотой, разомлев в лучах яркого солнышка, забыла на миг об опасности и не заметила, как кинулся в ее сторону орел. Когда птичка опомнилась, было уже поздно. Острые длинные когти тянулись к ней, чтобы вцепиться в ее маленькое тельце, а страшный клюв раскрылся, готовясь ее проглотить. Птичка пришла в ужас, понимая, что настал ее последний миг. От страха и от того, что понимала она, что жизнь ее кончена, решила она напоследок, хоть один разок, хоть самую малость, отомстить за все свои страдания. Терять-то ей все равно уже было нечего. Повернулась птичка к орлу, и, трясаясь всем своим маленьким тельцем от страха, заливаясь горькими слезами от жалости к себе несчастной, клюнула его в страшный темный глаз своим маленьким остреньким клювом. Завопил орел от боли, закружился, и ничего не видя перед собой, врезался со всего размаха в высокое дерево и упал вниз. Лежит на земле и стонет. Все кости у него болят. Вздохнуть не может. Один глаз не видит ничего. Мимо пробежала лиса. Увидела она орла, осторожно подошла и спрашивает:

– О, могучий орел, владыка небесных просторов, что случилось? Кто смог одолеть тебя и сбросить с небес на землю?

Застонал орел.

– Маленькая птичка сбросила меня на землю. Не знаю, выживу ли. Все кости у меня ломит. И один глаз ослеп.

Ужаснулась лиса. Неужели маленькая птичка, на которую всю жизнь все охотились, и которая день и ночь дрожала от страха, оказалась на самом деле так сильна, что одолела самого орла? Бедняга и впрямь лежит и стонет чуть живой.

На следующий день лиса отправилась охотиться на диких уток. Раздвинула она длинным носом траву, росшую вдоль берега озера и вдруг прямо перед ней маленькая птичка, которая спряталась в зарослях осоки, в надежде хоть немного спокойно отдохнуть, не опасаясь ежеминутно угрожавшей ей со всех сторон опасности. Увидела лиса птичку и задрожала.

– Молю тебя, маленькая птичка, не губи! – запричитала она. – У меня маленькие детки в норе. Кто позаботится о них? Орел хотел тебя съесть, так поделом ему. А я просто мимо пробежала, умоляю, отпусти меня.

Смекнула маленькая птичка, что к чему и пропищала:

– Ладно, беги лиса. Я не тебя, а волка поджидаю. Сильно он меня обидел на днях, напугал, да хотел проглотить. Вот, хочу ему отомстить.

Побежала лиса от озера, радуясь, что цела осталась. Прибежала к волку и говорит:

– Слышал, что с орлом стало?

– Слышал, – говорит волк. – Второй день лежит бедняга стонет, не знает выживет ли. Все кости у него поломаны.

Один глаз ослеп совсем.

– Так вот, – говорит лиса, – это его маленькая птичка с небес на землю швырнула, да все кости ему переломала. И глаза лишила. А теперь она собирается с тобой, волк, разделаться. Только, что я ее на озере видела. Глаза горят, из клюва пар влит. Когтями ил разгребает, так что он во все стороны разлетается. С орлом, говорит, разделалась, а теперь волк у меня на очереди. Сильно он меня разозлил. Найду, в клочки разорву.

Задрожал волк, заплакал.

– Ой, пропал я, – говорит. – Что ж теперь делать, лиса?

– Беги, волк, прячься. А я побегу остальных предупрежу.

Ох, сама-то еле жива ушла от птички. Страху натерпелась, как она на меня из осоки-то бросилась! До сих пор сердце так и стучит.

Убежал волк в лесную чащу, спрятался и с тех пор, так и живет в ней, на окраине леса не показывается. И все звери лесные стали по норам прятаться да в лесных зарослях, и чутко оглядываются по сторонам, да прислушиваются, нет ли где поблизости маленькой птички. А орлы теперь высоко-высоко в небо взлетают, высматривая добычу, куда маленькая птичка не может долететь, чтобы сбросить их на землю. А сама птичка зажила счастливо и привольно. Летает. Песни поет. Семена собирает. А если и осмелится, кто охотиться на нее, так это только те звери и птицы, кто еще не слышали о великой силе ее.

Воины заулыбались.

– Ту маленькую птичку, случайно, не Эрис звали? – смеясь, спросил Волман. Эрис пожала плечами, лукаво улыбаясь.

– Теперь твоя очередь, простофиля, – весело сказала она.

– У нас рассказывали старое предание об Алментинских горах.

Лица слушателей были заинтересованные, внимательные. Об Алментинских горах, кроме того что там страшный холод, в низовьях мало что знали. Старые предания тоже любили все. Вроде и сказка, и в то же время, рассказ о том, что было на самом деле, по крайней мере, какая-то его часть. – Сто раз рассказывала нам бабушка эту историю, а дети просили снова и снова. И я сам любил ее, и каждый раз слушал с удовольствием, хоть и знал уже слово в слово...

Отсветы костра ложились на лица, отражались в обращенных к огню глазах. Ночь среди холода и мрака, где из живых существ только горсточка людей, превращала каждую историю в особенную. Взрослые мужчины, повидавшие немало на своем веку, с удовольствием слушали детские сказки и истории, напоминавшие им об их собственном детстве, о доме, о родных и близких, оставшихся далеко-далеко. О погибших товарищах, не только тех, что не вернуться вместе с ними из этого похода, а еще о многих и многих, кого пришлось потерять за годы, проведенные в походах и сражениях. На мужественных лицах были улыбки, а в глазах давняя, уже

привычная печаль, которую обычно каждый прятал глубоко внутри, не позволяя ей находить выхода наружу. Лишь в такие минуты, когда душа сбрасывала твердый панцирь, обнажала свою беззащитную открытость, являлись на свет обычные человеческие чувства, свойственные людям, чья жизнь не связана с битвами и походами, с жестокостью и ужасами смерти.

– Давным-давно, – начал Замир, слово в слово знакомую, десятки раз слышанную историю.

Когда рассказ был окончен, Эрис пристально посмотрела на алментинца.

– Скажи, простофиля, а не мог кто-нибудь исполнить условия заклатья? – лицо у нее было совершенно серьезное. Даже глаза не были насмешливыми, а тоже смотрели серьезно.

– Что ты имеешь в виду? – Замир с удивлением посмотрел на девчонку.

– Ну, не разочаровывай меня, не дай мне начать думать, что ты не только простофиля, но и вообще соображаешь плохо.

Он начал злиться и уже хотел сказать в ответ что-нибудь резкое, но Эрис его опередила и заговорила вновь.

– Я говорю о том, что вдруг кто-то нашел то место, где спят вечным сном... Как там?... Спят вечным сном без сна убийцы.

– Эрис – это предание. Легенда. Сказка. Выдумка, –

злость прошла, и Замир уже готов был рассмеяться. Все-таки девчонка она и есть девчонка. Как маленькая, верит в сказки.

– Предание складывается на основе чего-то. Какой-то истории, происходившей на самом деле, – с поучительным видом сказала она. – Между прочим, белые страшилища тоже не самые реальные и привычные существа. Однако же они есть, и мы все прекрасно в этом убедились.

– Даже если представить, что то, о чем рассказывается в предании правда, и кто-то и впрямь нашел место, где заточены убийцы, он бы не стал молчать об этом. У нас любая новость сразу становится... становилась известной всем. Никто ничего не держал в секрете. Здесь не выживешь секретничая. Значение имеет все... имело... – сказал Замир.

– А может быть, это были дети, – она пожала плечами. – Дети вечно везде лазят. Их манят всякие тайны, приключения. И они часто узнают много такого, чего не знают взрослые.

– Дети не ходили одни в горы. Конечно, и у нас дети и шалили и порой не слушались, но далеко от селений они не отходили. Потому, что с пеленок у нас каждый знал, что есть вещи, которые нельзя делать ни в коем случае, от этого зависит твоя жизнь. Ушел один в горы и все твои приключения закончились. Единственное, что ты там найдешь – смерть. И даже если бы уж случилось, что дети пренебрегли опасностью и пошли в горы и что-то нашли, то они бы рассказали. Я же сказал, здесь не было принято хранить тайны.

– Может, маленькие дети? – Эрис пожалала плечами, не желая сдаваться.

– Младенцы? – Замир насмешливо посмотрел на нее.

– А может, те дети, которые пропали? – Эрис посмотрела с торжеством. – Они же были уже достаточно взрослые и ходили одни. Может, они искали пещеру, чтобы отдохнуть и согреться и нашли ту самую скалу в которой...

– Нет. Я же говорил, там, где они пропали было недалеко до селения. Им не нужно было искать пещеру для отдыха. И одежда у них была теплая. Когда можно дойти без привала, за один переход, у нас всегда старались как можно быстрее пройти весь путь, не останавливаясь. В любой момент может начаться метель. Все кто отправлялся в путь, всегда стремились быстрее добраться до нужного места или до места, где можно укрыться, если дорога дальняя. Здесь не ходят просто прогуляться. Здесь всегда отправляются куда-то далеко только по делу, по необходимости, при этом, никогда не забывая об опасности. Жители гор не могли позволить себе проявлять беспечность. Ни взрослые, ни дети...

– Может, кто-то из этих детей подвернул ногу, и им волей неволей пришлось остановиться, – упрямо продолжала настаивать Эрис. – Ногу у вас кто-то мог подвернуть? Или такого здесь тоже не могло случиться и у жителей гор какие-то особые ноги?

Против собственной воли, несмотря на то, что разговор был серьезный, Замир улыбнулся.

– Ноги такие же как у всех. Подвернуть ногу кто-то мог. Но, скорее всего, второй из детей прибежал бы за помощью в селение.

– Ну, я не знаю...

Она сердито вздохнула. Придуманная ею версия казалась заманчивой, в ней присутствовала таинственность, что-то от невероятного приключения, что-то захватывающее. Кто-то сам не желая того пробудил силы зла, томившиеся в заключении долгие тысячелетия... Не самая правдоподобная версия, но других-то все равно не было.

– Ладно. Наверное, ты прав. Это ерунда, – вынуждена была согласиться Эрис с доводами приятеля. – К тому же если кто и нашел этих убийц он, как я понимаю, должен был еще и испытать к ним чувство благодарности. А с чего бы кому-то испытывать к ним благодарность?

Замир застыл. Он, как будто, что-то лихорадочно обдумывал. Было видно, что в голове у него крутятся мысли, которые он пытается соединить, сопоставить и сделать какие-то выводы. Эрис застыла в неподвижной позе с полуоткрытым ртом, глаза у нее светились от разбиравшего ее любопытства и возбуждения. Один из воинов начал что-то говорить, и она злобно шикнула на него, сделав страшные глаза. Воин испуганно умолк на полуслове.

– Я не знаю... – Замир посмотрел на Эрис, потом обвел взглядом всех остальных присутствующих. Было одно происшествие... Странное. Вернее необычное...

– Я же тебя спрашивала про все необычное, болван, перед тем как мы отправились сюда... – возмущенно начала говорить Эрис, подскочив со своего места.

– Дай ему сказать! – властно оборвал Волман, с интересом глядя на друга.

– Необычное, не в том смысле, как это понимают жители низовий. Просто... – Замир помотал головой, решив, что проще рассказать о том, что произошло, чем объяснять, в чем состоит необычность случившегося. – Это произошло еще до того как пропали дети. Незадолго до этого... Да. Прямо перед этим... – лицо у него сделалось удивленное. Казалось, он и сам только сейчас осознал, что то о чем он говорит, может и впрямь иметь какое-то отношение к произошедшему. Как бы невероятно это не казалось на первый взгляд.

– Не томи, простофиля! – крикнула Эрис уже не в силах больше сдерживаться. – Чего вдруг в самый неподходящий момент ты стал зайкой?

– В соседнем селении жил дурачок Иритай. Все его любили. Он был добрый, совершенно безобидный. И как раз, перед тем как пропали те двое детей, Иритай ушел из селения. Он никогда не уходил один далеко от домов. А тут, вдруг, пропал. Когда его хватились, начали искать, думали, может, спрятался где. Вместе с Иритаем пропал еще бык. В селении все обыскали, но дурачка не нашли и подумали, что он пошел следом за быком и заблудился. Обошли вдоль гор всю долину. Потом началась метель. Все были уверены, что

Ирита́й замерзнет. Он не знал дороги, не знал куда идти. У него не было ничего, чтобы разжечь огонь – боялись, что он устроит пожар или себя подожжет, и не давали ему ни огнива, ни лучин. Метель той ночью была сильная. Пережить ночь на морозе, не имея возможности согреться, в такую погоду почти невозможно, а уж тому, кто ничего не соображает и ни разу не был один вдали от дома – это верная смерть. На следующий день Ирита́й вернулся, вместе с быком. Все ужасно обрадовались. Никто не мог поверить в случившееся чудо и понять, как же Ирита́ю удалось пережить эту ночь. Он вернулся весь обмороженный и совсем не в себе. Казалось, остатки разума покинули его после пережитого. Он метался, не мог сидеть на месте. Кричал что-то. А спустя два дня, наоборот, затих. Сидел целыми днями на одном месте с застывшим взглядом. Не отзывался, ни на что не реагировал. Только губами шевелил, как будто шептал что-то. Он и до этого-то почти ничего не соображал, но любил, когда с ним играли, улыбался все время, мычал радостно. А тут, как неживой стал... Для вас возможно это не кажется слишком странным. Но то, что он пережил ночь в горах в метель, это просто невероятно. Потому что этого не могло быть, уж я-то знаю... И все кто здесь жил тоже это знали...

– Да нет. Отчего же. Мне это тоже кажется странным, даже, наверное, невозможным. Я после каждых трех часов пути чувствую, что то, что я еще жив это совершенно невероятно, – ухмыльнулся Сейша. – Я даже представить себе не

могу, целую ночь, да еще во время метели...

Сейша передернул плечами.

– Возможно, Иритай и впрямь нашел какую-то пещеру. И возможно, что-то было в ней... – Замир немного помолчал. – И вполне возможно, что если что-то или кто-то был в этой пещере, то дурачок испытал, пусть и по-своему, чувство благодарности за то, что он выжил благодаря этому.

– Звучит безумно, но я уже чему угодно готов поверить, – сказал Волман. Он слабо улыбнулся. – В этом краю, где все тело застывает, и не гнется, и не знаешь чего больше хочешь жить или умереть, и где среди бескрайних снегов бродят страшные, невероятные твари, становишься на удивление доверчивым.

– А я думаю, что так все и было, – уверенно сказала Эрис. Глаза ее воинственно сверкнули.

– А по мне, так полная ерунда, – глядя в огонь, сказал Сейша. – Да парень, этот Иритай выжил. Но случаются невероятные вещи. Бывает, что во время боя гибнут все. А один человек остается цел и невредим, не получает ни единой царапины. Судьба. Всякое случается. Я не верю ни в какие чудеса. Их нет. Насчет всех этих сказок – чушь!

Эрис развернулась к нему и запальчиво спросила:

– Это почему же?!

– Да потому, что это и впрямь безумие, Волман правильно сказал. Если бы мы не сидели сейчас замерзшие, среди гор ночью, после того, как едва не погибли, ни одному из вас

даже в голову бы не пришла мысль о том, что старое предание может иметь какое-то отношение к реальной жизни. Вы бы сами посмеялись, скажи вам кто такое. – Он посмотрел на Эрис и рассмеялся. – Разве только тебе, Эрис и впрямь подобная мысль могла бы прийти в голову и дома, где тепло и нет ежеминутной опасности для жизни. Девчонкам всюду мерещатся всякие сказочные истории. Сбывшиеся проклятия. Предания, превратившиеся в реальность. Девчонки любят сказки и даже верят в них. Им без них скучно. Мужчины же смотрят на вещи трезво.

– Потому, что как я уже говорила, мужчины глупы. Женщины могут поверить во, что-то, что кажется на первый взгляд невозможным. А на самом деле оказывается, что все так и есть. А у мужчин ум не обладает гибкостью. Они видят только то, что у них прямо перед носом. На большее они не способны, – она сердито посмотрела на Сейшу.

– Ладно, ты так разошлась, что мне уже страшно, – вконец развеселившись ее горячностью, сказал Сейша. – Но, милая моя любительница сказок, ведь в предании говорится, что дочери Оила наказали и заключили в скалу простых смертных. Откуда тогда взялись эти здоровенные твари? – он торжествующе взглянул на воинственно сверкавшую глазами Эрис. – Согласись, они мало походят на людей, пусть даже и самых отъявленных злодеев.

– Послушай, Сейша, а с чего ты взял, что если условия снятия заклятия будут исполнены, то из недр скалы на свет

вяжутся те самые убийцы, в своем прежнем образе? – Вскочив с места и уперев руки в бока, с вызовом сказала Эрис.

– Я?! Да я вообще ничего такого не говорил и даже не думал. Я сказал, что не верю во всю эту историю с преданием. Неужели ты думаешь, что я поверю, что даже если кто-то и был заточен в какую-то там скалу тысячи лет назад, вообще может выйти из нее, в каком бы там ни было виде? – он расхохотался. – Я понятия не имею, откуда на самом деле взялись эти твари, но уж точно не вылезли из скалы...

– А не знаешь, так и молчи! Тот, кому нечего сказать, лучше пусть сидит помалкивая. Умнее будет выглядеть, а не таким болваном, как он есть на самом деле.

Сейша снова расхохотался.

– Волман, зря ты пообещал, что не всыплешь ей плетей, когда станешь правителем. Хотя, может к тому времени, ты изменишь свое решение, – он подмигнул сердито сверкающей глазами девушке. Одарив Сейшу презрительным взглядом, она сказала:

– То о чем рассказывается в придании, произошло очень давно. Тысячи лет назад. Возможно, черные души убийц за это время, каким-то образом соединились между собой и превратились, в необычных существ. И даже возможно, что они сначала были намного меньше и только спустя долгое время стали снежными великанами. И эти великаны спали в своей пещере согласно наложенному на них заклятию, пока их не разбудили, исполнив его условия. – Она обвела присут-

ствующим торжествующим взглядом, не обращая внимания, на продолжавшего закатываться от смеха, Сейшу. – Вы видели глаза этой твари? В них сама смерть. Злоба, ненависть, желание убивать. В них нет ничего связанного с жизнью. Это существо и само не живое. У кого как не у него черная-черная душа, соединившая в себе множество черных душ, и такое же черное сердце. Если оно у него вообще есть.

– Никогда не слышал большей чуши, но соглашусь, глаза жуткие. У меня волосы дыбом на голове встали, когда я увидел эти глаза. Они и впрямь мертвые. И этот рев, непонятно откуда идущий. Как будто он звучит прямо в голове и сводит с ума, – примирительно сказал Сейша, утирая выступившие от смеха слезы.

– Знаешь, нужно было все-таки скинуть тебя с саней, – сказала Эрис сердито.

Сейша посмотрел на Замира.

– А ты, Замир, как считаешь? Возможно, что хоть что-то из предположения Эрис – правда? Все же эти места и впрямь необычны. Тебе здесь все знакомо, так скажи, что думаешь ты...

Замир пожал плечами.

– Я не знаю.

Эрис снова подскочила.

– Как это не знаешь?! Я думала ты согласен со мной, простофиля?

Замир улыбнулся.

– С чего бы мне быть с тобой согласным? К тому же я тоже мужчина и мой ум не обладает достаточной гибкостью.

Она покачала головой.

– Ты конечно мужчина. Но ты не такой как они. Твоя голова не забита такой ерундой, как у них, выросших в городе и ничего кроме военных походов да кабаков в жизни не видевших. На самом деле, они вообще ничего не знают о жизни. Ты жил среди снегов и скал. Трудная, полная опасностей жизнь. Твой народ привык доверять инстинктам не меньше чем голосу разума. Ты способен поверить в вещи, которые житель низовий не может понять и назовет невозможными или глупыми. Если хочешь, твоя жизнь была более настоящей. Ничего лишнего, что затмевает рассудок ненужной, бесполезной шелухой, скрывающей суть вещей.

Замир снова улыбнулся. В чем-то она была права.

– Ну и к тому же, – озорная улыбка тронула ее губы, – друзья должны друг друга поддерживать.

Замир внимательно посмотрел на нее. Она все умеет обратить в нескончаемую шутку и при том на пользу себе.

– Я действительно не знаю, Эрис. Как не знал, между прочим, о том, что мы друзья.

– А разве нет?! – она с притворным удивлением посмотрела на него и потом звонко рассмеялась. – То, что ты от меня без ума не мешает нам быть друзьями.

Все сидевшие у костра засмеялись и Замир тоже.

– Здесь никогда не происходило ничего таинственного.

Конечно, у нас считали, что когда сходит лавина – это Оил сердится и стучит своим посохом по небу и от того скалы содрогаются и с них падают снежные шапки. Но, в то же время все прекрасно понимали, что снег сходит со скал под собственной тяжестью, когда на вершинах гор его становится слишком много. Мы обычно знали, когда могут начать сходить лавины. Если бы это происходило и впрямь от того, что создатель мироздания сердится, откуда бы мы, люди могли знать, когда это произойдет? Обычно, как и говорит Сейша, все имеет объяснение и все подчиняется законам природы. Но возможно, случается и то, что нам кажется невозможным и необъяснимым... Не знаю, мне трудно об этом судить...

– Ладно, Эрис. Пока нет другого объяснения, откуда явились эти твари, будем считать, что твое предположение возможно верное, – сказал Волман.

– Ладно, я понимаю, что вам невыносимо трудно принять правоту женщины. И то, что вам самим не хватило ума догадаться, что к чему, задевает вашу мужскую гордость. Так, что пусть будет «возможно верное предположение», – мило-стиво согласилась она. – Большого-то от вас ждать не приходится.

– Как у нее так получается, что последнее слово все равно всегда за ней? Да еще и мужчины всегда выглядят глупцами, – развел руками Сейша, с улыбкой взглянув на друга.

– Женщины, – улыбнулся Волман. – Шанс на победу есть всегда, но только не в случае, когда противник женщина.

Глава 22. Снова в путь

Всадников заметили издали. Навстречу возвращающемуся отряду выбежали дети, мельник с женой. Впереди всех, по густой, зеленой траве, придерживая длинный подол платья, летела Лиа. Волман прищпорил коня и поскакал вперед. Замир тоже хотел поехать быстрее.

– Дай им минутку, – улыбнулась Эрис.

Соскочив с коня, Волман подхватил задыхающуюся от быстрого бега Лиа, и она обвила его шею руками, крепко обнимая его и целуя. Плача и смеясь от радости.

– Как бы наш влюбленный в обморок не грохнулся. Раины-то еще свежие, а у них там такие страстные объятия, – ухмыльнулся Сейша.

– Ты ужасный человек! Ты даже над любовью смеешься, – с укором обратилась Эрис к приятелю. Сейша улыбнулся.

– Я – реалист. Помнишь, ты сама говорила. Да и кто бы говорил, моя маленькая птичка, насчет ужасного человека! До твоего острого язычка моему далеко.

– Есть вещи, над которыми я не смеюсь, – она одарила молодого воина полным достоинства взглядом.

– Видно речь о них до сих пор еще ни разу не заходила, – захохотал Сейша.

Зоран все же прищпорил коня и помчался навстречу брату с сестрой. Они с визгом повисли на нем. Это была радость.

ная, счастливая встреча. Все смеялись, обнимали друг друга, без умолка говорили, стараясь рассказать и узнать обо всем, что произошло за время разлуки.

—

Остаток пути в горах прошел без происшествий. Единственной неприятностью был холод. Но они возвращались домой и сознание, что опасности и трудности пути остались позади, придавало сил, помогало справляться с ненавистным всем, кроме Замира, пробирающим все внутренности холодом. В одном месте им повстречались волки. Стая появилась из расщелины между скал. Как обычно неожиданно и бесшумно. Волки застыли на невысоком каменном карнизе рядом с тропой. Злобные глаза внимательно следили за идущими по тропе людьми. Но, вероятно, почувствовав, что люди претерпевшие лишения, потери, взглянувшие в лицо смерти, настроены крайне решительно и воинственно, волки скрылись в горах, даже не предприняв попытку хотя бы приблизиться.

—

Вечером на мельнице устроили праздник. Пришли жители соседних деревень. Воины лихо отплясывали с румяными деревенскими красавицами. На поляне возле костра поставили бочонок крепкого пива. Лица у всех были радостные, веселые. Замир с грустью смотрел на танцующих, хохочущих воинов и также задорно смеющихся местных жителей. Еще совсем недавно должен был состояться не менее

веселый и радостный праздник в его селении. На котором тоже все должны были радоваться, петь песни, танцевать, пить пиво, веселить друг друга забавными историями... Перед глазами вставали лица любимые, до боли знакомые, родные. Лица тех, кого больше нет...

– Ты чего, простофиля, не танцуешь? – щеки у Эрис покраснелись, глаза горели. Она тоже с удовольствием отплясывала со всеми остальными. Замир видел, как она кружилась в танце то с одним, то с другим кавалером, заливаясь звонким, задорным смехом, вызывая восхищенные мужские взгляды.

Эрис опустилась рядом с ним на траву. Он больше не чувствовал раздражения рядом с ней. Ему даже было приятно ее присутствие. Оно его почему-то успокаивало. Он усмехнулся. Совсем недавно она его страшно злила. А теперь... Они через многое прошли вместе. Это не может не сблизить. Люди проверяются в трудных условиях намного быстрее и вернее, чем в обычной, спокойной жизни. Возможно, в чем-то ей, конечно, доверять нельзя. Она себе на уме. Но в случае опасности он бы спокойно доверил ей свою жизнь. Теперь он был в этом уверен.

– Мне не хочется танцевать. – Он лег на траву. Небо высокое, совсем черное, было усыпано звездами. Эрис посмотрела на него сверху.

– Тебе нужно научиться жить снова. Как маленькому ребенку, который только начинает познавать мир, делать пер-

вые шаги. Твоя боль, чернота в твоей душе, разъедает тебя. Тебе нужно покончить с прошлым. Оставить его позади и идти дальше. Живя тем, что было, ты медленно умираешь. Твоя душа умирает. – Голос у нее был непривычно серьезный и печальный. Она взяла его руку в свою, и Замир сжал ее ладонь.

– Я пытаюсь. Но пока у меня не получается.

– Главное не переставай пытаться, простофиля. Не дай живущей внутри черноте поглотить тебя полностью.

– Я постараюсь.

– Я помогу тебе. – Глаза, обращенные к нему, были темными-темными, почти как небо, и в то же время в них был свет. Яркий, наполненный жизнью.

Он встретился взглядом с ее глазами, и внутри что-то дрогнуло. На глаза навернулись слезы. Эрис поднялась и пошла в сторону танцующих. Минуту спустя она уже вновь кружилась в танце с одним из крестьян. Замир с улыбкой смотрел на нее.

–

– Зачем вы снова хотите туда вернуться? – в глазах Ли дрожали слезы. Волман обнял ее.

– Нужно покончить с оставшимися тварями.

– Они уже загубили столько жизней. Пусть они бродят в горах. Там никого больше нет. Они никому больше не навредят. Если вы пойдете туда, то погибните, – она закрыла лицо руками.

– Лиа, – Волман с нежностью целовал ее волосы, гладил их. – Прошу тебя, не плачь! Мы должны пойти. Дело не только в желании отомстить. Мы не знаем, на что способны эти существа. А если в один прекрасный день они спустятся с гор и пойдут убивать все живое здесь? Представь, что они могут натворить.

Лиа содрогнулась и прижалась к нему, крепко обнимая руками.

– Я умру, если вы погибнете. Я уже один раз потеряла всех кого любила. Я больше не вынесу.

– Лиа! Посмотри на меня. – Волман взял ее за подбородок и заставил посмотреть на себя. – Мы вернемся...

Она вытерла слезы. Уговаривать было бесполезно. Они уже решили и никакие слова не помогут. Она не сможет их остановить.

– Возьми меня с собой.

Он грустно улыбнулся.

– Нет, Лиа. Я сделаю для тебя все, но только не это.

– Волман... Когда же все это закончится? – глаза у нее были огромные. В них били печаль и боль. И любовь. Волман почувствовал, как встает в горле горький комок.

– Я вернусь, Лиа. Я обещал вернуться и вернулся. И на этот раз я тоже вернусь, и мы будем вместе. Всегда.

–

Лошади резво бежали вперед. День был пасмурный, ехать было приятно и не жарко.

– Нужно было тебе остаться. Побыл бы с братишкой и сестрой. – Сейша улыбаясь, посмотрел на приятеля. – При-
смотрел бы за влюбленными.

Замир покосился на Сейшу. Любит он, не хуже чем Эрис, болтать всякий вздор.

– Я должен был поехать. Это мое дело. Я втянул вас во все это, и я не могу все переложить на вас, – сказал он. Сейша пожал плечами.

– Мы сами вызвались пойти с тобой. И в первый раз, и сейчас. Так, что не терзайся напрасными угрызениями совести. К тому же в городе ничего особо трудного не будет. Нам просто нужно запастись все необходимое. С этим бы мы и с Эрис справились. Правда, моя маленькая птичка, гроза великанов?

Эрис насмешливо покосилась на приятеля.

– Да я бы и без тебя справилась. Я хоть болтаю, но делаю дело. А ты только языком чесать горазд.

– Да я бы с удовольствием мог и на мельнице остаться. После этого проклятого мороза я не прочь погреться на солнышке на берегу реки, – миролюбиво сказал Сейша.

Впереди показалось озеро, возле которого они останавливались несколько дней назад, когда направлялись в горы. Маленький отряд спешил. Теперь их было меньше половины. Шестнадцать воинов навсегда остались в Алметинских горах. Сын князя остался залечивать раны нанесенные чудовищем на мельнице. Замир, Сейша и Эрис должны были

доехать до столицы, запастись там всем необходимым для очередного похода и затем вернуться на мельницу, а оттуда вновь отправиться в горы, чтобы, наконец, расправиться с чудовищами, на этот раз окончательно. Теперь им предстояло идти в Алметины вчетвером. Не имело смысла подвергать опасности других воинов. То, что они задумали, могли сделать и четверо. Главное, чтобы в горах им хватило времени подготовиться к встрече со страшными тварями. Все, что им было нужно это немного везения, да чтобы быки выдержали и смогли довести до места все необходимое.

Дав отдохнуть лошадям и пообедав, отряд двинулся дальше. К закату солнца он добрался до ворот крепостных стен столицы.

– Придется тебе, Замир, на этот раз, довольствоваться моим скромным жилищем, – улыбнулся Сейша.

– Не слушай его. Дом, в котором живет семья Сейши, почти не уступает дворцу князя по размерам, а внутри, говорят, он даже еще великолепнее и богаче, чем дворец, – сказала Эрис. – Наш скромник просто стесняется признаться, что его род богаче княжеского.

– Не преувеличивай, моя птичка, – засмеялся Сейша. – Да и можно подумать, это преступление родиться богатым. Я и тебя приглашаю погостить. Скрасишь наше пребывание в позорном богатстве.

– О, нет, спасибо! Я скромная девушка, Сейша, ты же знаешь, – она лукаво улыбнулась. – Я довольствуюсь малым.

– Да, конечно. Я просто забыл, пока мы морозили себя в Алментинах.

Въехав в город члены отряда распрощались. Каждый спешил быстрее повидать родных. Эрис наотрез отказалась, чтобы ее провожали. Возле рыночной площади друзья растались, условившись о следующей встрече. Свернув в богатую часть города, где жила знать и располагался дворец князя, Сейша сказал:

– Замир, я бы действительно хотел видеть тебя гостем в моем доме, но если ты хочешь, ты можешь отправиться во дворец. Уверен, князь с радостью примет тебя. Ты пришелся ему по душе и ты друг Волмана.

Замир покачал головой.

– Нет. Лучше я остановлюсь у тебя, если не возражаешь.

– Чудак. Я же сказал, что буду только рад. На самом деле в таких домах, как мой, всегда ужасная скука. Все заняты только собой. Можно за целый день, ни с кем из родных, даже словом не перекинуться. Да и разговоры, в основном, ни о чем. Охота, балы, какие наряды нынче в моде. Какие кушанья нужно подавать, чтобы никто не посчитал, что у хозяев дома дурной вкус...

Глава 23. Странный мир и его нравы

Эрис несколько не преувеличила. Дом Сейши оказался огромным, а великолепием внутреннего убранства, возможно, и впрямь превосходил княжеский дворец. Двум вернувшимся из похода героям устроили торжественную встречу. В большом зале был накрыт стол. Множество слуг, на протяжении всего вечера, вносили и уносили все новые и новые блюда. Замир только удивлялся, зачем столько еды, если за столом всего несколько человек, да и те, не считая их с Сейшей, не едят толком, а только пробуют по ложечке некоторые из блюд. Отец Сейши произнес торжественную речь, очень высокопарную, со множеством непонятных Замиру слов. Мать прикладывала к глазам кружевной платочек, хотя было видно, что никаких слез она не вытирала и расстроеной или даже просто растроганной не выглядела. Сестры бросали любопытные взгляды на Замира. Украдкой улыбались симпатичному пареньку. Все было напыщенно и несколько неестественно. И Замир, несмотря на достаточно радушный прием, чувствовал себя не уютно. Даже в княжеском дворце, как ему казалось, все было проще. Сейша сидел со скучающим видом, насмешливо следя за происходящим. Он, в отличие от своего друга, был привычен к подобной жизни и к подоб-

ному поведению своих домашних, да и других представителей знати, ничем от них не отличающихся. Он находил излишнюю манерность и претенциозность смешной и немного раздражающей, но это был его мир, он чувствовал себя в нем свободно, страдая от одной лишь скуки.

– Не переживай. Через пару дней мы покинем это царство изысканных манер, высокопарных речей, чопорности и лицемерия, – хлопнув приятеля по плечу, сказал Сейша после ужина. – А мои сестренки-то, даром, что нос задирают выше головы, и считают себя знатными аристократками, и знаться не желают с теми кто ниже их по происхождению. А глазками в твою сторону так и постреливали и румянцем заливались и улыбались игриво, жеманные, маленькие притворы. Еще бы. Нормальный мужик в доме, не какой-нибудь манерный вельможа или томный аристократ, обвешанный кружевами с ног до головы и надушенный до невозможности.

Замир улыбнулся. Сейша мог быть очень язвительен, даже по отношению к близким. Они с Эрис и впрямь в чем-то родственные души. При воспоминании о девушке он почувствовал легкую грусть. За последние дни Замир привык, что она все время рядом. А сейчас ее нет и ему, как будто чего-то не хватает.

–

Новый день предстоял хлопотный. С утра приятели посетили княжеский дворец. Сейша передал князю письмо от Волмана. Правитель с искренним интересом выслушал рас-

сказ о походе. Выразил сожаление по поводу гибели воинов. Князь, как и подобает правителю, стойко принял весть о полученном сыном ранении. Волман был воином, да и умение держать себя в руках, не выказывая чувств и излишних эмоций – неотъемлемая часть жизни того, кто правит целой страной.

Перед тем, как гости откланялись, князь с улыбкой спросил, как поживает девушка, которая явилась во дворец и затем оправилась вместе с ними в горы. Сейша заверил светлого князя, что у юной воительницы все прекрасно, она в добром здравии и жизнерадостна и полна энергии, как и в тот день, когда явилась во дворец. Отказавшись от приглашения разделить с князем трапезу, ввиду неотложных дел, друзья отправились на встречу с особой, которая умудрилась тронуть сердце самого правителя.

– Ну, что за девчонка! – покинув зал, в котором проходила беседа, весело сказал Сейша. – Даже князь не остался равнодушен к ее чарам.

–

Эрис поджидала их неподалеку от рыночной площади, пристроившись на невысоком каменном заборчике, огораживающем дома состоятельных горожан от шумной улицы. В руках у девушки был кулек моченых яблок, и она с аппетитом поедала их, оглядывая проходящих мимо горожан озорным, дерзким взглядом. На ней было ярко-оранжевое платье с алыми разводами. Темные волосы забраны в высокую при-

чески. На свежем, хорошеньком личике как всегда сияла радостная беззаботная улыбка. Глядя на нее невозможно было представить, что несколько дней назад она вместе с бывальыми воинами пробиралась по замерзшим Алметинским горам и сражалась, наравне с мужчинами, со страшным чудовищем.

– Наконец-то! – крикнула Эрис, увидев приближающихся к ней Сейшу и Замира. Замир, против воли, почувствовал, как его рот расплывается до ушей. Он был ужасно рад видеть ее. Он даже испытывал в глубине души страх, что она не придет, исчезнет и они больше не увидят ее. Хотя, с чего бы ему об этом беспокоиться? Еще недавно он только и мечтал от нее избавиться раз и навсегда.

– Я уж думала, что вы заблудились или на вас напали грабители. Что вы еле тащитесь? – не переставая улыбаться, она протянула им кулек, в котором еще осталось несколько яблок. – Угощайтесь. Я сегодня добрая.

Сейша заглянул в кулек и сморщил нос.

– Ваша знатная особа не привыкла к подобному угощению, понимаю. Но ты попробуй. Уверяю тебя, это вкусно. Хоть будешь знать, что едят те, кто не живет во дворцах.

Сейша откусил кусок яблока и с удивлением покачал головой.

– И впрямь вкусно. – Он рассмеялся. – Представляю, что будет, если я явлюсь домой и принесу моим родным подобный гостинец. Мать, наверное, лишится чувств, а отец ре-

шит, что я потерял последний рассудок и срочно отправит за лекарем.

– А ты, простофиля, чего не берешь? Смотри, Сейша сейчас все слопает. Богачи страшно прожорливые, только строят из себя воспитанных аристократов, а дай им волю, все сметут, ничего не оставят.

Замир с сомнением взял одно яблоко и попробовал. По вкусу оно чем-то напоминало моченые ягоды, которыми запасались у них в селении. Мужчины привозили с низовой бруснику и морошку, а женщины замачивали их в больших просмоленных бочках. Ягоды были вкуснее, но и яблоко тоже ничего. И напоминало о доме...

– Ну как? – девушка с интересом смотрела на него.

– Нормально. Вкусно, – видя на ее лице возмущение пренебрежительным ответом, поправился он. Ей везде нужно влезть. Всюду сунуть свой нос. Даже нравятся ли ему яблоки и то она должна знать. Но ему ведь не хватало ее после расставания. Почему она и раздражает его, и так притягивает именно своей настойчивостью, своей способностью привлекать внимание и вертеть всеми как ей вздумается? Он не может к ней спокойно относиться. Она его волнует, в плохом ли смысле или в хорошем, но оставаться по отношению к ней равнодушным он не может. Она все время в его мыслях. И даже когда ее нет рядом, тоже. Замир отвернулся от улыбающегося лица и начал разглядывать улицу, по которой сновали горожане, спеша по своим делам.

Для следующего похода в горы необходимо было подготовить средство, которое поможет одолеть страшных чудовищ. Оружие, как они убедились, против них бесполезно. Огромные существа боятся огня. Именно с помощью него друзья и собирались их уничтожить. Но возможно в Алментинских горах этих тварей еще много. Использовать факелы или горящие стрелы, конечно, тоже можно, но одолеть с их помощью не одну, а несколько тварей будет тяжело, а может быть и невозможно, если они нападут все сразу. Нужно, что-то более действенное, способное поразить странное существо быстро и наверняка. Выпускать стрелы и бросать горящие факелы может не быть времени. Решение, как обычно, родилось в голове у девчонки. Мужчины уже даже не удивлялись, что она может найти выход, кажется, из любой ситуации. Даже Сейша, хоть и не признавал этого открыто, считал что она и впрямь умна и сообразительна, и, пожалуй, большинству мужчин до нее действительно далеко. Он ничего не имел против того, что девчонка находит выходы из положения. Не признавать заслуги Эрис, Сейша не желал вовсе не из-за задетой мужской гордости или тщеславия, в отличие от некоторой надменности, совершенно ему не свойственного. А лишь от того, что он прекрасно представлял, как нахальная девчонка, услышав похвалы и восхищенное признание ее талантов, станет и вовсе несносной и просто сядет на голову. Она начнет крутить всеми ими так, что снежные великаны покажутся не так страшны, как ее нескончаемые вы-

ходки.

Эрис вела приятелей к своему знакомому, который, по ее словам, мог приготовить для них специальный состав, который бы хорошо горел, и его трудно было бы потушить, и что не менее важно, его не задувал бы ветер. Порывы ветра на открытом пространстве снежных равнин бывали невероятно сильным и вполне могли стать помехой в осуществлении задуманного плана. По мере того, как друзья продвигались все дальше по извилистым улицам, удаляясь от центральной части города, дома вокруг становились все грязнее и запущеннее. Улицы делались более узкими. Мусор здесь был свален не в кучи, а равномерно покрывал дорогу внушительным слоем. Там где представлялось возможным рассмотреть под отбросами саму дорогу, было видно, что она уже не вымощена камнем. Под ногами была простая, утоптанная земля с глубокими ямами и рытвинами. Замир озираясь по сторонам с все более хмурым видом. Стены домов нависали друг над другом. Между крышами почти не проглядывало небо. Запах гниющих отбросов становился все нестерпимее. Замир снова почувствовал почти непреодолимое желание вырваться из этого зловонного каменного мешка. Покинуть ненавистный город, в котором он задышался, где его охватывало чувство тревоги и даже необъяснимого страха.

– Куда ты ведешь нас, моя птичка? Ты решила показать нам все самые грязные дыры нашего чудесного города? – на-

смешливо осведомился Сейша, брезгливо выбирая места почище, куда можно было бы наступить, не рискуя совсем уж запачкать сапоги из тонкой замши.

– Представь себе, большая часть людей живет именно так, мой сиятельный друг, – усмехнулась Эрис. – Хотя меня удивляет твоя разборчивость. Наверняка в военных походах тебе приходилось ночевать и в грязи, и в болотах. Небось, там ты не морщил нос. Там не было рядом дворцов и мощеных улиц, так что приходилось довольствоваться тем, что есть.

Сейша засмеялся.

– Моя птичка, там не было и горы отбросов под ногами. Болотная грязь не идет ни в какое сравнение с грязью производимой человеком. Мне кажется в хлеву чище, чем здесь. Неужели местным жителям самим нравится жить по пояс в грязи?

Эрис беззаботно махнула рукой.

– Они привыкли и даже не замечают ее. Ты же не замечаешь, с какими пуговицами тебе подали утром кафтан с серебряными или золотыми. Ты не придаешь значения подобным вещам, потому, что они не имеют для тебя значения. Точно также и здесь. У тех, кто живет в подобных местах полно забот, куда более важных, связанных в основном с тем как им выжить и не умереть с голода. Грязь на дороге их меньше всего волнует.

У крыльца одного из домов стояли три женщины. Заметив их, Замир раскрыл рот от удивления. Одеты женщины были

в платья с открытыми плечами. В глубоких вырезах почти полностью видна была полная грудь каждой из них. Волосы были невообразимых цветов. У одной красные, у другой огненно-рыжие, но такого оттенка рыжего, какого не бывает в природе, а у третьей ядовито желтые. Губы были настолько красные, что казалось, они испачканы кровью. Удивительнее всего были брови. Черные, как сажа в печке. Когда компания друзей поравнялась с удивительными незнакомками, одна из них выступила вперед, и широко улыбнувшись обратилась к Сейше, который шел первым:

– Здравствуй, богатый господин! Я вижу ты красив и, наверняка, любишь женщин, и знаешь в них толк...

Сейша отстранил ее рукой и довольно грубо сказал:

– Отвяжись и дай пройти. Я знаю толк в женщинах, потому даже не лезь.

Женщина, несколько не смутившись и не обидевшись подобным обращением, чуть ли не повисла на молодом воине, нежно улыбаясь ему.

– Ты не пожалеешь, молодой господин...

– Уйди прочь! – оттолкнув смеющуюся женщину, прикрикнул Сейша. – Не отстанешь, кликну стражу. Живо отведут тебя на конюшни и научат, как приставать к господам. А могу и сам научить тебя уму разуму, что б далеко не ходить.

Женщина со смехом отошла, провожая красивого воина томным взглядом. Ее подруга подошла к Замиру и, глядя ему в глаза, ласково сказала:

– Какой хорошенький! Совсем юный, но уже настоящий мужчина. Я разбираюсь в этом, уж поверь, – она засмеялась и подмигнула Замиру, продолжавшему таращить глаза, раскрыв рот от удивления. – Я могу многому тебя научить, мой красавчик!

Она приподняла край юбки, и Замир и вовсе встал как вкопанный и застыл на месте изумленно глядя на женщину. Незнакомка подняла подол настолько, что почти вся ее нога, до самого бедра была видна. Замир захлопал глазами и из его груди со свистом вырвался воздух.

– Сейчас твои крашенные патлы окажутся вон в той сточной канаве. Отстань от молодого господина, размалеванная образина, – сказала Эрис и сверкнула глазами. Женщина фыркнула. Две ее подруги шагнули вперед злобно глядя на девушку. – А вы, если хоть еще на шаг приблизитесь, будете плескаться рядом с ней, – пообещала Эрис. Она взяла впавшего в оцепенение, ошалевшего Замира за руку и повела за собой.

– Тощая дрянь! – крикнула вдогонку одна из женщин.

– Сейчас я вернусь и укорочу твой язык грязная ...! – не оборачиваясь, крикнула Эрис, прибавив слово значения которого было Замиру неизвестно.

– Почему эти женщины так странно вели себя и почему они так одеты? И почему вы были так грубы по отношению к ним? – спросил Замир, когда они отошли на достаточное расстояние от незнакомок. Сейша ухмыльнулся.

– Лучше тебе не знать, друг мой, – сказал он, взглянув на Замира снисходительно.

Замир решил, что это еще одна из странностей жизни в городе. Здесь все не так как нужно. Даже люди странные. И общаются здесь между собой все странно. Как будто все друга презирают или ненавидят. Он не стал больше ничего спрашивать. Наверное, ему и впрямь лучше знать поменьше о местных нравах. Тут все чужое и, в основном, странное и неприятное.

Они подошли к небольшому дому, стоявшему отдельно от других. Окна были плотно закрыты изнутри темной тканью. Из трубы шел зеленоватый дым, распространявший по улице странный, едкий запах. Эрис указала рукой на дверь.

– Мы пришли.

Сейша оглядел дом и рассмеялся.

– Твой знакомый колдун? Эрис, может, ты и впрямь веришь в сказки и сбывшиеся предания, но не думаю, что колдовство поможет нам справиться с кровожадными тварями в горах. Неужели, мы напрасно столько времени шли по этим грязным улицам, только для того чтобы побывать в гостях у колдуна, который снабдит нас отваром из мышинных хвостов и паучьих лап?

Эрис фыркнула и взялась за ручку двери.

– Он исследователь. Ученый. Он проводит разные опыты. И он не варит мышинные хвосты и паучьи лапы. – Она улыбнулась. – Возможно для тебя, если ты очень попросишь,

он сделает исключение, тем более, что рецепт тебе уже известен.

В комнате, заваленной книгами, какими-то склянками и кучей странных, непонятных вещей, возле стола, склонившись над чудной посудиною из которой поднимался густой зеленый пар, стоял невысокий худой мужчина лет сорока пяти-пятидесяти. Волосы его были всклокочены и торчали во все стороны темными спутанными вихрами. Одежда вся была покрыта разноцветными пятнами, а местами явно чем-то прожжена. Хозяин комнаты был настолько увлечен своим занятием, что даже не обратил внимания на то, что кто-то пришел, несмотря на то, что Сейша при своем появлении произвел невообразимый шум, зацепившись за какие-то железяки, валявшиеся на полу, и едва не упав, при этом еще и крепко выругавшись.

– Метха! Это Эрис, и со мной пришли мои друзья! – крикнула девушка.

Оторвавшись, наконец, от своей склянки, мужчина повернул голову в сторону двери и близоруко заморгал глазами.

– Эрис?! – лицо его выразило удивление, а губы растянулись в улыбке. – Здравствуй! Я рад тебя видеть. – Мужчина слегка поклонился пришедшим. – Вы приятели Эрис? Добро пожаловать! Проходите. Осторожнее, тут легко можно свалиться...

– И не только свалиться, тут запросто можно и шею себе свернуть, в таком-то бардаке, – вполголоса ворчливо про-

бормотал Сейша.

– Нам нужна твоя помощь, Метха, – сказала Эрис.

– Если я смогу помочь, то конечно, с удовольствием помогу. Скажите только, что вы хотите?... – он посмотрел на Сейшу и Замира. – Люди обычно не верят в науку и опыты, проводимые мной. Но Эрис она умеет видеть суть вещей. Она верит, что можно добиться очень многого при помощи исследований свойств различных веществ. Она, несмотря на то, что она женщина, намного прогрессивнее большинства наших современников.

– Да, Эрис она такая. Соображает она и впрямь, что надо, – ухмыльнулся Сейша. – И суть вещей видит, как никто другой.

– Знаешь, Сейша, почему-то в твоих устах, то, что вполне могло бы быть комплиментом, приобретает противоположный смысл. – Эрис рассмеялась. – Но меня это не обижает. Ты же всего-навсего мужчина, что с тебя взять.

Сейша улыбнулся.

– О, Эрис, я давно потерял надежду переговорить тебя. Я и впрямь считаю, что ты умна и изобретательна. Просто чаще всего твоя изобретательность выходит боком остальным. Но бывают случаи, когда твоя помощь бесценна. Надеюсь, ты Метха и впрямь сможешь нам помочь. Если это не связано с колдовством и всякой подобной чепухой, то я всецело за науку.

Замир с интересом разглядывал удивительные предме-

ты, находящиеся в комнате. Ему было бы очень интересно узнать назначение каждого из них, и что с их помощью можно сделать. Возможно, если бы не предстоящий поход, он бы даже задержался в городе, несмотря на свою неприязнь, и подольше пообщался бы с Метхой. Ученый внушал ему симпатию. Взгляд серых глаз был пытливым и проницательным. Не возникало никакого сомнения, что этот человек наделен незаурядным умом, знаниями и способностями, и Замир был уверен, что ученый мог бы его многому научить. Может быть когда они вернуться... Если вернуться, он и впрямь еще раз приедет в город и попросит Метху просветить его хоть немного. Научить чему-то новому и интересному. Замир вздохнул. В жизни, наверное, действительно есть много всего, что может увлечь и принести радость и удовлетворение. Но сначала ему нужно покончить с прошлым. Нужно снять с души тяжесть, которая не дает ему спокойно жить, если получится, конечно. Возможно боль, живущая в нем, даже после того, как он отомстит и покончит с великанами, не даст ему жить нормально. Возможно, ненависть уже настолько отравила его, что он уже не сумеет быть самим собой и не сумеет радоваться жизни, испытывать нормальные человеческие чувства, как все остальные. Вполне возможно, что он уже мертв, хотя и продолжает дышать, двигаться, говорить...

– Ты, чего застыл, простофиля? – Эрис легонько толкнула его в бок. Замир моргнул. Видимо, он слишком погрузился

в свои мысли и не слышал, о чем говорили все остальные. – Метха спрашивает, сколько нам нужно горячей смеси.

– Быки смогут увезти не больше пятнадцати бочонков. Лучше даже сделать побольше маленьких бочонков. Нам важно количество. И еще, нужно, чтобы смесь не замерзала на сильном холоде. – Он посмотрел на ученого. – На очень сильном холоде.

– Об этом не беспокойся, – сказал ученый. – Думаю, в смесь будет входить жир и он не даст ей замерзнуть на любом морозе. Но мне нужно пару дней поэкспериментировать. Подобрать наиболее подходящий состав, чтобы полученная смесь удовлетворяла всем вашим требованиям. – Глаза ученого горели азартом исследователя, экспериментатора, которому уже не терпится приняться за поиск решения новой, любопытной задачи. – Для изготовления нужного вам количества смеси, вам нужно будет закупить необходимые компоненты, которые я вам потом назову.

– С этим трудностей не будет, – заверил Сейша.

– Перед тобой сидит денежный мешок, Метха, – смеясь, сказала Эрис. – Слышишь, как позвякивают золотые, при каждом его вдохе и выдохе.

– Эрис остра на язык, с самого детства, – улыбнулся Метха. – Такой непоседы и егозы, я больше не встречал.

– Неужели?! – Сейша подмигнул Эрис. – А я-то был уверен, что наша Эрис, с детства была сама кротость. Вот, думаю, повезет кому-то с женой. Настоящее сокровище доста-

нется, сплошные добродетели.

Эрис состроила рожицу.

– Я смотрю, чужестранец, – обратился ученый к Замиру, – ты заинтересовался моими приборами. Если у тебя будет желание, приходи, когда закончишь со своими делами. Я с радостью покажу тебе то, что тебе будет интересно и расскажу о всяких премудростях. Мне очень не хватает единомышленника, с которым можно было бы обсуждать проводимые опыты. Что-то придумывать, пробовать что-то новое.

Замир улыбнулся. Он даже почувствовал радость.

– Я с удовольствием приду, Метха. Благодарю за приглашение. Если только обстоятельства не помешают мне сделать это, как только мы покончим с тем делом, для которого нам потребовалась твоя помощь, я приеду. И, может быть, ты и впрямь не откажешься поучить меня.

– О теперь еще один будет корпеть над склянками, – Эрис закатила глаза. – Вы точно поладите, Метха, – она указала взглядом на Замира, – он тоже жуткая зануда, не хуже тебя.

Мужчины рассмеялись. Замир с удивлением обнаружил, что впервые после всего, что случилось, ему и впрямь сильно чего-то хочется, не считая желания отомстить. Ему хотелось засесть в этой комнате вместе с Метхой и изучать все, что он будет ему показывать и рассказывать. И еще, возможно, чтобы рядом была она, несносная девчонка с ее длинным болтливым языком и озорной улыбкой.

Они покинули дом ученого, когда на улице уже начало

темнеть. Воздух стал чуть прохладнее, но его по-прежнему наполняло невыносимое зловоние, да еще стало совсем плохо видно дорогу. Сейша то и дело оглашал окрестности брашно, когда в очередной раз наступал во что-нибудь особо отвратительное. В какой-то момент он оглянулся на Эрис и подозрительно покосился на ее ноги. Тонкие сапожки девушки по-прежнему оставались чистыми.

– Как тебе удастся не испачкаться в этой грязи? – почти сердито спросил он. – Может ты специально пустила меня вперед, чтобы вся дрянь доставалась моим сапогам?

Эрис рассмеялась.

– Я выросла на таких улицах. Это ты привык к мощеным мостовым и выложенным мрамором полам дворца и домов богачей.

– Все равно не понимаю, как можно здесь не перепачкаться по колено, – проворчал Сейша.

– Я знаю один секрет, – глаза у нее озорно поблескивали.

– Какой? – понимая, что она, скорее всего, готовит очередную уловку, все же не удержавшись спросил Сейша.

– Нужно, – Эрис расплылась в улыбке, – взять себя за нос, три раза покрутиться через левое плечо и сказать: «Я глупый осел, который верит всему, что говорят!». – Эрис звонко рассмеялась.

«Можно было сразу догадаться, что это, какая-нибудь из ее штучек. И впрямь, осел», – мысленно обругал себя Сейша. В это время из темной подворотни впереди них слы-

шалось рычание. У всех троих пронеслось в голове одно и то же: «Волки! Откуда им здесь взяться?». Конечно, никаких волков не было. Навстречу друзьям вышли четверо мужчин, плохо различимых на темной улочке в сгустившихся сумерках. Один из четверых удерживал двух рвавшихся с поводка, грозно рычащих здоровенных псов. Животные скалили острые крепкие зубы, глаза злобно поблескивали, из приоткрытых пастей текла слюна. Сильные тела были напряжены, собаки рвались вперед, перебирая лапами, туго натягивая кожаные ремни которые держал их хозяин. Светящиеся в темноте глаза, наполненные кровожадной злобой и оскаленные клыки, ясно давали понять, что они только и ждут, когда хозяин позволит им броситься на стоявших у них на дороге людей, чтобы разорвать их. Сейша и Эрис, и Замир остановились, понимая, что эта встреча не к добру и по-хорошему с незнакомцами им не разойтись. У двоих, из преградивших им путь, в руках поблескивали кинжалы. Тот, что держал собак, в другой руке сжимал дубинку. Четвертый поигрывал кистенем, подбрасывая в воздухе шипастый шар, удерживаемый на рукояти толстой цепью. Все четверо ухмылялись.

Сейша вынул из-за пояса короткий меч. Замир крепко сжал рукоять охотничьего ножа, готовясь в любой момент выхватить его и пустить в дело. Покосившись на Эрис, он с удивлением увидел, что в ее руке тоже поблескивает тонкое длинное лезвие кинжала, появившегося у нее непонятно откуда. Глаза девушки горели возбуждением и азартом, но

страха или растерянности в них не было.

Один из четверых недружелюбно настроенных незнакомцев сделал шаг вперед и взглянул на Сейшу.

– Мне сказали, что сиятельный Сейша разгуливает по нашим улицам. Я, признаться, вначале даже не поверил. Как такого знатного господина занесло в подобное место? – мужчина ухмыльнулся и помахал перед собой кинжалом. – Вот приятная встреча! Согласен, Сейша?

– Прочь с дороги грязный червяк! – грозно сказал молодой воин. Его собеседник расплылся в улыбке.

– Я смотрю, ты не слишком воспитан! А уж высокомерен, так просто не в меру. Задираешь свой нос. Все для тебя червяки. – Глаза говорившего злобно сверкнули. – Ничего, сейчас мы собьем с тебя спесь, сиятельный господин. Будешь лежать в куче мусора, захлебываясь собственной кровью.

Мужчина мотнул головой назад.

– Видишь этих милых собачек? Нашего славного Гека и Лимо. Я и мои друзья с удовольствием посмотрим, как они разорвут тебя на куски. Им очень по вкусу мясо богатых господ. Такое нежное и изысканное. – Он грубо расхохотался. Псы, как будто поняв сказанные слова, начали рваться вперед с еще большей силой. Они рычали и хрипели, пытаясь вырваться из рук хозяина, вокруг открытых пастей выступила пена.

– И ты, и твои люди, и эти шавки отправитесь к своим презренным предкам, если сейчас же не уйдете с дороги жал-

кие негодяи, – сказал Сейша, немного встревоженно поглядывая на обезумевших от ярости собак. Твари были явно очень сильны и, наверняка, не менее быстры.

Бандит хрипло рассмеялся.

– Ты, как я уже сказал, слишком горд и заносчив. На этот раз ты ответишь за все, Сейша. Здесь нет ни стражников князя, ни слуг, готовых защитить своего господина. Я давно жду такого удачного момента. В прошлом месяце ты убил моего человека. Помнишь Сейша? И сейчас я с тобой рассчитаюсь за смерть моего товарища, а твой толстый кошелёк набитый золотом послужит мне утешением в понесенной мною утрате, – он снова рассмеялся.

– Если ты про грязную свинью, которая напав, как последний трус из-за спины, пыталась убить меня чтобы стащить мои деньги, так я могу устроить тебе встречу с ним, если ты так уж соскучился, – Сейша слегка приподнял меч. – Последний раз предупреждаю – не уйдешь с дороги вместе со своими грязными оборванцами и шелудивыми тварями, и считай твоя встреча с приятелем дело решенное, и их тоже.

– Вас двое, Сейша, и девчонка, – вкрадчивым голосом сказал бандит. – Пожалуй, с ней я потом позабавлюсь. Она хорошенькая. Если будет хорошо вести себя и будет покорна, может быть, ей удастся избежать знакомства с зубами Гека и Лимо. Жаль портить такое милое личико, – негодяй захохотал, и сделал знак своему приятелю, все с большим трудом удерживающему захлебывающихся яростью псов.

В следующую секунду бандит спустил собак с поводка, и они бросились вперед. Замир выхватил нож. Сейша отвел в сторону руку с мечом, готовясь нанести удар. Одна из собак бросилась на него. Он увидел прямо перед собой острые зубы и ударил мечом, целясь в бок разъяренной твари. Собака оказалась еще проворнее, чем он предполагал. Меч лишь рассек кожу на спине, что только еще сильнее разозлило пса. Белые клыки уже тянулись к шее воина. Мощные лапы, врезавшиеся в тело Сейши, толкнули его с такой силой, что он покачнулся и только чудом удержался на ногах и не упал. Он непроизвольно зажмурил глаза, приготовившись к тому, что острые зубы сейчас сомкнутся на его горле и разорвут его, одновременно нанося новый удар мечом.

В воздухе, что-то просвистело и тяжелое тело животного начало сползать вниз. Тело собаки расслабилось, и она упала у ног Сейши неподвижно. Из одного глаза торчала рукоять кинжала, а из раны на боку вытекала кровь. Сейша бросил быстрый взгляд на друзей. Эрис едва заметно кивнула ему. В руке у нее поблескивал уже другой кинжал. Думать где девочка скрывала свое оружие и сколько всего у нее кинжалов, Сейше было некогда. Выставив вперед меч, он двинулся на главаря банды. Глаза его были переполнены яростью. Бандит попятился. Рука, сжимавшая кинжал дрогнула, он понимал, что к нему приближается его собственная смерть. Сейша не только богатый господин, знатный вельможа, задирающий нос. Он воин, опытный и безжалостный и пощады, по-

сле случившегося, ждать не стоит. Ухмылка исчезла, него-
дяй побледнел и попытался сделать шаг назад. Острый кли-
нок меча настиг его и вошел в плоть грабителя и убийцы по
рукоять. Бандит успел только тихо вскрикнуть. Глаза его за-
катились, и он повалился на грязную дорогу у ног того, кого
грозился убить сам всего несколько минут назад.

Вторая собака пролетела дальше своей товарки. Пес
взвился в воздух и полетел вперед к намеченной цели. За-
мир приготовился. Помимо воли, он почти физически по-
чувствовал, как зубы разрывают кожу, вгрызаются в мясо и
кости. Он даже ощутил ноющую боль в запястье и в ноге,
покусанных волками, во время схватки с волчьей стаей. За-
мир крепко сжал зубы и ударил ножом, и еще раз, и еще. Пес
взвизгнул. Замир почувствовал на руках мокрое и горячее.
Собака упала, дергая лапами, тяжело дыша. Через несколько
секунд она затихла. Замир с беспокойством отыскал глазами
Эрис и Сейшу.

Напротив Эрис стоял здоровенный детина с кистенем. Он
поводил рукой влево и вправо. Страшный шар взлетал то в
одну, то в другую сторону. На губах бандита была гадкая ух-
мылка. Он с видимым удовольствием рассматривал девуш-
ку. Девушка, впрочем, не выглядела ни испуганной, ни рас-
терянной. Эрис стояла со спокойным лицом, даже не глядя
на кистень, она смотрела прямо перед собой. Замир рванул-
ся к Эрис. Бандит протянул руку, чтобы ухватить девчонку.
Он не собирался ее убивать. Он хотел позабавиться с ней.

Кистенем он помахивал, чтобы напугать. Чтобы она вела себя послушно и была покорной. Губы его расплылись в широкой плотоядной улыбке. Он почти схватил руку девчонки, но она непостижимым образом увернулась и в следующий миг, размечтавшийся о сладострастных утехах насильник, взвыл от боли. Нога девушки со всей силы врезалась между его ног. Из глаз брызнули слезы. Ловя воздух широко открытым ртом, он согнулся почти пополам от непереносимой боли. Замир заметил, как Эрис сделала быстрое движение рукой, и ее несостоявшийся поклонник вновь огласил улицу своим криком, на этот раз похожим на пороссячий визг. В руке у Эрис было, что-то, чего Замир сначала не смог разглядеть. Бандит ухватился рукой за голову и завыл. По его пальцам стекало что-то темное, в сгустившейся темноте почти ничего нельзя было разглядеть, но совершенно ясно было, что это кровь. Эрис толкнула бандита ногой и он свалился в зловонную грязь. Встав на четвереньки, он пополз прочь от нее, подвывая. Кистень остался лежать на земле.

– Жаль, что псы сдохли. Я бы скормила это им, – крикнула Эрис и помахала тем, до этого не смог разглядеть Замир. Теперь он был совсем близко к девушке и смог, наконец, рассмотреть трофей. Лицо его скривилось от отвращения. В руке Эрис находилось отрезанное у бандита ухо.

– Держи, может, пригодится. Высушишь, повесишь на шею, как напоминание. Когда в голову придет очередная глупость, ты посмотришь на него и подумаешь совершать ее,

или все же поберечь второе, – насмешливо крикнула она и швырнула ухо вслед хозяину. Увидев, шлепнувшуюся перед ним потерянную часть тела, разбойник завыл и завизжал громче прежнего.

Двое других негодяев предпочли быстренько скрыться в той же подворотне, из которой они явились. «Одноухий», подвывая, последовал их примеру.

Напряжение и возбуждение, вызванные опасностью и необходимостью спасти жизнь свою и, если потребуется, друзей, отступили. Замир испытал головокружение и почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Он никогда не думал о том, сможет ли он убить человека. За столетия, проведенные в Алметинских горах, ни один из его соплеменников ни разу не лишил жизни другого человека. Замир мог сразиться с диким зверем, и убить его, потому, что от этого зависела его жизнь. Он, почти не дрогнув, вышел сражаться против страшного чудовища, прекрасно понимая, что его ждет смерть. Но убить подобного себе, отнять жизнь у такого же, как и он сам, человеческого существа, было для него чем-то противоестественным. Разумеется, если бы виновниками гибели его рода были люди, он убил-бы их, не задумываясь. Если сейчас ему пришлось бы спасти свою жизнь или жизнь своих товарищей в схватке с разбойниками, он лишил бы жизни одного из них или даже всех, не моргнув глазом. Но впервые в жизни он испытывал страх. Не перед опасно-

стью, а перед тем, что ему придется переступить черту, которую он всю жизнь считал для себя запретной.

– Они дурные люди, – взглянув ему в глаза и, как будто угадав, о чем он думает, сказала Эрис. – Они убили бы нас, не задумываясь. Вернее вас они бы убили, а со мной делали бы всякие мерзкие вещи. – Глаза ее сверкнули. Замир непроизвольно сжал кулаки. Она права. Просто он не может, вот так сразу начать мыслить и относиться ко всему по-другому, в соответствии со здешними условиями жизни и их нравами. – Они ничуть не лучше убийц из рассказанного тобой предания. Им, что мы, что мать с грудным младенцем. Они ради денег или забавы пойдут на все.

Замир вспомнил, как он не мог понять, почему Оил не вырвал сердца у тех, кто погубил жителей Алметин. Рука его легла на рукоять ножа, а сердце начало биться ровно и спокойно. Эти люди были теми же убийцами добрых трудолюбивых алментинцев, теми же, кто воспользовался гостеприимством, а потом напал подло и безжалостно. Глаза Замира полыхнули гневом. Его затопила ненависть и злоба. Чернота, живущая внутри него с момента гибели его племени, всколыхнулась в нем с новой силой, начала снова поглощать его. Он вновь испытал страх, на этот раз его пугал он, сам, то, что жило внутри него. Эрис внимательно посмотрела на него. Брови ее нахмурились.

– Нужно как можно быстрее закончить с нашим делом здесь и уехать, – сказала она. Замир судорожно вздохнул.

Проводив Эрис до начала улицы, на которой она жила, так как дальше она идти друзьям запретила, Замир и Сейша отправились в сторону богатой части города, к дому Сейши.

– Не волнуйся за нее, – заметив, что Замир то и дело оглядывается с встревоженным видом, ухмыльнулся молодой воин. – Наша малютка умеет за себя постоять. Скорее следует переживать за тех, кто попытается встать у нее на пути.

Он засмеялся. Замир шел хмуро глядя перед собой.

– Ты чего такой? – заметив мрачное настроение приятеля, спросил Сейша.

– Эта жизнь не для меня. Я не могу найти для себя место в этом мире. И не уверен, что смогу когда-нибудь найти. Я чужой здесь.

Сейша усмехнулся.

– Здесь все чужие, друг мой. Каждый сам по себе. Никому нет дела до других. Всех волнуют только они сами, – несмотря на то, что Сейша продолжал улыбаться, в его глазах была грусть.

– Почему же вы так живете? Поему не можете жить счастливо? Без злобы и ненависти. Почему не можете любить друг друга, быть счастливыми?

Сейша невесело рассмеялся и развел руками.

– Мы не знаем как. Не умеем. Наши сердца очерствели. В них слишком мало любви и доброты. Дурное, что есть в нас, почти вытеснило все хорошее. Здесь есть, конечно, и добро и любовь, но их так мало, что они почти не заметны в общей

массе себялюбия и равнодушия ко всему, что не представляет личные интересы. Ты знаешь, Замир, несмотря ни на что, ты редкий счастливец. Ты, по крайней мере, знаешь, как может быть по-другому. Жаль, что все сложилось так. Что тебе пришлось потерять свой мир, и окунуться в другой, много хуже и безобразнее чем тот который был твоим.

Сейша говорил непривычно серьезно. Дальше друзья шли в молчании, до самого дома, погруженные в собственные мысли.

Глава 24. Оконченная страница

Спустя четыре дня друзья покинули стены города, чему Замир был несказанно рад. Следом за ними ехали три повозки, нагруженные тем, что им необходимо было для нового похода в горы. Две повозки везли бочки со смесью, изготовленной ученым. Она, как и требовалось, была способна гореть на сильном ветру, не застывать от холода и сгорать не быстро, а за довольно продолжительное время. Бочонки были небольшие, такие, как и хотел Замир. На третьей повозке были сложены мотки толстых веревок, обработанных той же смесью. Оружие, необходимое не для сражения с великанами, а чтобы обороняться от хищников. Специально сделанный небольшой шатер, ткань которого, знакомый Эрис, тоже пропитал каким-то чудодейственным составом, благодаря которому она не должна была пропускать ветер.

Замир опасался только того, чтобы быкам не было слишком тяжело везти такой груз. Он надеялся, что Лиа удалось вылечить ногу захромавшего быка. Если он не сможет идти с ними, им придется оставить часть бочек с горючей смесью, а это было очень нежелательно. Тварей может и впрямь оказаться намного больше, чем они думают и тогда они не смогут с ними справиться. Замир старался не думать о предстоящем походе, о возможных трудностях и всех опасностях связанных с ним. Возможно это последние дни его жизни.

Ему хотелось хотя бы попытаться прожить их тем прежним Замиром, которым он был до всего, что случилось. Конечно, он изменился. Прежний Замир умер. Вместе со всеми кто был ему дорог. Но он хотел хоть немного почувствовать тепло и радость. Подумать о тех, кто еще остался в его жизни. И о тех, кто появился в ней совсем недавно. О друзьях. Об Эрис... О ней он старался думать как можно меньше. И чем больше он старался, тем чаще его мысли возвращались именно к ней. Он уже успел изучить ее лицо и фигуру, движения, смех, звук ее голоса до мельчайших подробностей, незаметно наблюдая за ней, бросая взгляды украдкой, когда она не видит. И каждый раз он все равно открывал в ней что-то новое. Она смешила его, порой злила, почти, как и раньше, и она радовала его... Ему было хорошо, когда она была рядом. Он чувствовал себя почти живым. Почти счастливым...

—

За время их отсутствия раны Волман зажили.

— Я смотрю, ты тут только на перинах валялся, да объедал местных крестьян, — обнимая друга, сказал Сейша. — У тебя лицо стало шире, чем морда у быка.

Он кивнул на быков, радостно тыкающихся мягкими мордами в руки приехавших и расхохотался.

— Лиа, зачем ты его так откормила, он идти не сможет. Толстякам в походе всегда тяжело, — посмеивался Сейша.

— Вы совсем стали большие, — обнимая детей, сказал Замир. — Каждый раз удивляюсь — проходит всего несколько

дней, а вы опять подросли и повзростели, и даже поумнели, – он со смехом потрепал вихрастую голову брата и нежно погладил светлые волосы сестренки.

Пока их не было, Лиа разрезала бычьи шкуры и сшила для Волмана и Сейши одежду.

– Неужели не придется день и ночь морозить зад и все остальное! – радовался Сейша, примеряя обновку. – Да наградит тебя, Лиа, Великий Оил, всем чего ты только желаешь.

Поход был делом решенным. Подготовка была произведена нешуточная. Так, что на этот раз даже Еши и Аните понимали неизбежность нового расставания и то, что Замир и его друзья мысленно уже не здесь. Они настраиваются, готовят себя к предстоящему испытанию. Прощальный вечер и расставание ранним утром прошли более сдержанно, чем в прошлый раз. Все старались держать себя в руках. У Лиа разрывалось сердце, но она не позволяла себе начать плакать или умолять остаться своих самых близких и любимых мужчин. Дети тоже почти не плакали. У Аните скатилось по щекам несколько слезинок, но Еши пихнул ее рукой и сердито посмотрел на нее, и она вытерла слезы и даже изобразила улыбку. Сам Еши усиленно морщил нос и моргал. Он тоже улыбался кривовато и не слишком широко. Губы подрагивали. Он смотрел на брата и его друзей. Они были его героями. Он мечтал отправиться вместе с ними, но прекрасно понимал, что его не возьмут.

В последний раз все обнялись. Прозвучали слова напутствия и пожелания легкой дороги и удачи. Маленький отряд двинулся в путь. Вместе с отрядом в сторону гор отправились двое крестьян из деревни. Они должны были остаться с лошадьми до возвращения отважных героев обратно. Если отважным героям суждено было вернуться...

—

Снова они были в горах. Снова вокруг был только снег и холод. И скалы, молчаливые и равнодушные, вззирающие на маленьких людей с поднебесной высоты.

На этот раз на извилистых горных тропах им не встретились волки. Это было хорошо. Отряд был слишком мал. Наверняка они смогли бы отбиться даже от большой стаи. Сноровки, ловкости и меткости каждому из них было не занимать. Но все же кто-то мог быть в этой схватке ранен. А им необходимо было иметь как можно больше сил, когда они доберутся до места и приступят к исполнению задуманного плана.

Волман и Сейша, да и Эрис, несмотря на теплую одежду, все же страдали от холода. Но конечно не как во время их прошлого похода. Спустя два дня крошечный отряд достиг первой из горных долин. Заранее было решено, что в ней они и останутся. Не имело особого смысла заходить далеко в горы. Они только сильнее устанут в дороге. К тому же потребовалось бы брать с собой больше еды, больше сена для быков, брать лишние дрова или искать уголь для ко-

стра, а быки и так везли в этот раз слишком тяжелый груз. Великаны могли прийти сюда также как и в любое другое место, для них расстояния не были так велики как для людей и быков. Теперь, когда они добрались до места, главное было успеть подготовить все до появления чудовищ. И еще оставалось молить о том, чтобы не началась метель. Она тоже могла стать серьезной помехой для их плана.

Отъехав от гор на некоторое расстояние, друзья выгрузили из саней бочонки с горючей смесью и начали раскатывать их на расстояние примерно в пятьдесят шагов друг от друга, образовав из них, таким образом, в конце концов, большой полукруг. На некотором расстоянии от бочонков разложили веревки, пропитанные горючей смесью, протянув их дальше, так чтобы получился замкнутый круг. Внутри первого круга, сделали еще один поменьше. И затем, внутри него еще один.

– Ты сможешь попасть в веревку из лука, Эрис? Из арбалета ты стреляешь отменно, а из лука? – улыбнулся Волман.

– Скажи, сын князя, тебе ведь, наверняка, не очень нужен мизинец на левой руке? Ну, что им можно делать? Разве что в ухе почесать. Выставь его вверх, и я развею твои сомнения, и докажу, что из лука я стреляю не хуже чем из арбалета, и когда будет нужно, попаду в любую из этих веревок, – сверкнув белозубой улыбкой, ответила девушка.

Волман рассмеялся.

– Пожалуй, я поверю тебе на слово, моя милая, кровожадная Эрис. Ты ведь девушка не только скромная, но и чест-

ная, обманывать не станешь.

Она пожала плечами.

– Не знаю, почему ты не согласился. В княжеском дворце полно слуг. Уж точно шлось бы кому чесать тебе уши.

Наконец они сделали все, что было задумано. Теперь осталось только привести план в исполнение.

– Ну что, готовы? – Сейша повернулся к товарищам. Глаза у него горели лихорадочным блеском от охватившего его возбуждения. Его уже пьянило предчувствие предстоящей битвы. Истинный воин, живущий внутри него, жаждал схватки, сражения, встречи с врагом и победы над ним. Каждый из присутствующих ощущал почти то же самое. В воздухе вокруг чувствовалось напряжение, почти торжественное ожидание. На лицах были улыбки. Воинственные и полные решимости. Взгляды, которыми обменивались друзья были наполнены сознанием сопричастности, пониманием, что их связывает общая цель и ни один из них не намерен отступить, каждый готов идти до конца, чтобы ни случилось. Они почти не разговаривали, и не только из опасения привлечь страшных тварей, раньше времени, звуками голосов. Слова в данный момент были лишними. Они понимали друг друга по малейшему движению, по кивку головы, по улыбке, по взгляду. Все четверо были неразрывно связаны. Настолько тесно, что каждый из них ощущал себя частью одного целого, единого организма. В целом мире никого не было, в данный момент, ближе друг к другу. Все доступные человеку

чувства сплелись в один комок в их сознании, переполнили их, предали им небывалые силы и отвагу. Они чувствовали свою власть даже над самой смертью, способность преодолеть любой свой собственный страх. Ни страха, ни смерти для них сейчас просто не было. Была только злость, ярость, решимость преодолеть все, не дрогнуть, не отступить. И была переполняющая каждого из них необъяснимая радость, чувство восторга.

– Так всегда бывает, перед началом битвы, – сверкнув широкой белозубой улыбкой, сказал Сейша стоявшему рядом Замиру. Они оба пристально вглядывались в едва видную линию гор в конце долины. – Ты уже знаешь, что она вот-вот начнется. Оставшееся время тянется как будто дольше чем обычно и становится почти осязаемым, как будто до него можно дотронуться, почувствовать его. Воздух становится плотным, тягучим, обволакивает. Ты видишь все как будто со стороны. Ощущаешь себя другим. Чувства обостряются, но в то же время они не трогают тебя. Остается только возбуждение и жажда самой битвы...

– Все мужчины слегка чокнутые, – засмеялась Эрис. – Вам нравится щекотать себе нервы. Доказывать какие вы сильные и отважные и для этого вам необходима опасность. Необходимо доказывать свое превосходство и силу.

– А ты сама разве не такая? – улыбнулся Волман.

– Нет. Мною движет не азарт, и мне не нужно что-то себе доказывать. Опасность привлекает меня не тем, что я пре-

одолеваю страх, и от того чувствую себя сильной, а тем, что она делает жизнь разнообразнее. Я не терплю скуку, уныние и однообразие.

Замир посмотрел на нее. Он не думал о своем отношении к опасности ни раньше, ни теперь. И его не особо интересовало, в данный момент, как относится к ней Эрис, и зачем она стремится к ней. Сейчас он хотел просто запомнить ее. Потому что, возможно, больше не будет случая взглянуть друг на друга. Не будет возможности сказать то, что так и осталось не сказанным. Это было как прощание. На всякий случай...

– Пора, – сказал Замир, оторвавшись от лица девушки.

– Я рада, что мы встретились, простофиля, – повернув к нему голову, сказала Эрис и улыбнулась своей озорной улыбкой.

– Я тоже рад.

Он достал из-за пазухи охотничий рожок. Все четверо начали расходиться по полукругу из бочонков. Остановившись на достаточном расстоянии друг от друга, друзья обменялись взглядом. Пора. Замир приложил рожок к губам. Над долиной разнесся пронзительный, громкий сигнал. Он разлетелся далеко, отдаваясь эхом от скал, звуча в соседних долинах, летя все дальше и дальше. Первые звуки еще не успели смолкнуть, рожок затрубил вновь.

Они появились не сразу. Прошло довольно много времени. Вероятно, они находились далеко от этой долины. Лю-

ди не знали, привлек ли их звук рожка или, возможно, они просто почувствовали присутствие человека. Главным было то, что они пришли. Снежные великаны двигались не спеша и все равно приближались стремительно, благодаря огромным шагам, делающим большие расстояния незаметными для них. Они надвигались громадными белоснежными холмами, становясь все больше, по мере приближения к застывшим в ожидании людям. Великанов было пять.

– Мерзкие твари, – сквозь зубы сказал Сейша, губы его растянулись в хищной, кровожадной улыбке.

Каждый мускул у ожидавших решающего, главного момента предстоящего противостояния, напрягся. Тело и разум слились воедино. Каждый из четверых превратился в сжатую пружину, готовившуюся начать действовать, все остальное отступило. Не было больше никаких чувств, как и говорил Сейша. Ни страха, ни сожаления, ни даже любви. Не было близких, оставленных далеко позади. Не было всей прошлой жизни. Был только этот миг. Только то, что предстояло сделать.

Вот одно из огромных белых созданий ступило за границы самого большого круга, образованного уже успевшей вмерзнуть в снег веревкой. Затем второе. Едва огромные лапы последней, пятой твари переступили черту, в воздух полетели горящие стрелы и опустились точно на каждый из кругов. Первое чудовище было уже совсем близко к людям. Оно уже тянуло свои лапы в их сторону. Еще миг и оно удари-

ло бы страшными, смертоносными когтями находившегося ближе всего к нему Замира. Было сложно удержать себя в руках, устоять на месте и не дрогнуть, но он, как и остальные, ждал момента, пока в круг войдут все пять тварей, удерживая стрелу на тетиве твердой рукой, не давая страху взять верх.

Веревки вспыхнули, и огонь побежал по самому большому кругу, долю секунды спустя загорелись два других. Огонь достигал огромных белых косматых лап. Великаны пятились пятиться, пытаясь укрыться от языков пламени, найти выход из огненной ловушки. От длинной белой шерсти повалил пар. Воздух наполнился нестерпимым ревом, беззвучным и страшным. Все четверо заранее заткнули уши шерстью, пропитанной воском, но звук был внутри головы. Проникал прямо в мозг, сводил с ума. Один за другим, подталкиваемые людьми, покатались в горящий круг бочонки со смесью, изготовленной ученым. Они подкатывались к ногам чудовищ, вспыхивали. Вверх взлетали столбы огня. Великаны металась между пылающими бочками, разевая огромные пасти, размахивая лапами. Казалось, их тела становились меньше, они оседали, таяли, как будто и впрямь были просто огромными сугробами. Эрис вскинула лук и выстрелила. Горящая стрела влетела в разинутую пасть одного из чудовищ. Оно затрясло лапами, замотало головой. Шатаясь, бросилось в сторону. Налетев на других, сшибло одного из них. Оба существа упали на догорающие веревки и тут же к их телам под-

катились уже охваченные огнем бочонки. Ни одна из двух тварей больше не поднялась. Мужчины подкатили к краю горящего круга еще несколько бочонков и толкнули их под ноги оставшимся трем существам. Окруженные со всех сторон высоко взлетающими огненными языками, оставшиеся снежные великаны, один за другим закачались и почти одновременно рухнули на снег.

Волман, Сейша, Замир и Эрис застыв смотрели на догорающий огонь и на поверженных противников. Громадные туши неподвижно лежали на почерневшем, от сажи и копоти истоптанном и изрытом огромными лапами и когтями, подтаявшем от огня снегу. Было очень тихо. Долина замерла, как и обычно, как будто ничего не произошло, в своей холодной, безмолвной и величественной, застывшей красоте. Прекрасной и пугающей одновременно.

– Может быть это еще не все? Возможно, придется вернуться сюда опять? – Волман повернулся к Замиру. Победа далась довольно легко, но нервное напряжение предшествующее сегодняшней схватке, напряжение в котором они пребывали все последнее время, лишило их сил. Не осталось никаких эмоций. Внутри было пусто. Не было ни чувства торжества, ни мыслей о том, что будет дальше. –Может быть, пришли не все и их намного больше?...

Замир помотал головой. Он был очень бледный. Он тоже чувствовал непомерную усталость. Хотелось сесть на снег и больше не вставать, не двигаться. Так и оставаться в непо-

движности, до тех пор, пока холод не превратит тело в кусок льда.

– Нет. Их больше не осталось.

– Откуда ты знаешь? – спросил Сейша.

– Я не знаю, – Замир слегка пожал плечами. – Я просто это чувствую.

Эрис положила руку ему на плечо.

– Пойдем.

Они направились к саням, которые отогнали подальше и закрепили деревянными шестами, чтобы быки не убежали вместе с ними, испугавшись великанов.

Проехав расстояние, отделявшее их от гор, друзья немного пришли в себя. На лицах снова появились улыбки. Еще не пришло полное осознание, что все кончено, но способность радоваться, чувствовать не только усталость и равнодушное оцепенение вернулась. Они все были молоды. Они прошли через многое, многое пережили, но жизнь не стоит на месте. Когда человек силен духом и рядом есть надежное плечо друга, да к тому же по венам бежит молодая кровь, он легко преодолевает все, справляется даже с самым сильным потрясением. Они победили. Впереди была жизнь, и это было прекрасно.

– Переночуем в пещере, – указывая на темное отверстие в скале, сказал Замир. – Завтра, если погода будет по-прежнему ясная, проедем горные тропы и, возможно, к вечеру будем уже за пределами Алметин. Замир начал распрягать бы-

ков. Остальные, взяв с саней вещи, направились ко входу в пещеру.

– Я даже не ожидал, что все пройдет так легко, – повернувшись к товарищам, весело сказал Сейша. Лицо у него было радостное, совсем мальчишеское. Глаза сияли, а рот растянулся в широкой улыбке. Прямо за его спиной чернел вход в пещеру. Сейша чиркнул огнивом и поднес к нему факел.

– Сейша!!! – отчаянный крик, вырвавшийся из груди Эрис, отразился от скал, и пронесся по ним, полетел над долиной. На лице Сейши отразилось удивление, он начал поворачиваться в направлении, куда был устремлен взгляд расширившихся темных глаз Эрис. Послышалось рычание и из темноты, откуда-то сверху, на все еще продолжавшего радостно и беззаботно улыбаться молодого воина, бросилось большое пятнистое тело. Снежная кошка вцепилась в голову и спину Сейши, глубоко вонзив когти и раздирая теплую живую плоть. Сейша закричал. Кошка повалила его на снег. Разинув, зубастую пасть она нацелилась на голову своей жертвы.

– Гадина!!! Мерзкая гадина!!! – подбежав к катающимся по земле Сейше и снежной кошке, Эрис, выхватила топор и начала один за другим наносить удары по пятнистой шкуре. По лицу девушки катились слезы. Взгляд темных глаз наполненный гневом и яростью, был почти безумен. – Гадина! Тварь! Сдохни!

Кошка уже неподвижно лежала на снегу, залитом кровью,

рядом с таким же неподвижным, безжизненным телом Сейши. Эрис вновь и вновь опускала топор на изуродованное тело.

– Тварь!!! Тварь!!!

– Успокойся, Эрис. Она мертва, – Замир перехватил руку девушки и осторожно высвободил топор из ее не разгибающихся, намертво вцепившихся в рукоять, пальцев. Волман склонился над товарищем.

– Так недолжно быть! Не должно! Все закончилось! Мы победили! – сотрясаясь от рыданий, кричала Эрис. Плышался слабый стон.

– Посмотри, что ты наделала, глупая ты женщина! Испортила отличный мех, – голос Сейши звучал чуть слышно, лицо залитое кровью, было мертвенно бледным.

Вытирая продолжавшие катиться по щекам слезы, она засмеялась.

– В очередной раз жалею, что не выкинула тебя тогда из саней. Вечно доставляешь мне одни неприятности.

Сейша слабо улыбнулся.

– Ты бы этого не сделала, ты слишком меня любишь, хоть и не признаешь...

–

Тропа петляла между скалами. В одних из саней, укутанный шкурами, весь перемотанный повязками, лежал Сейша.

– Вы с Волманом, так и норовите поваляться и ничего не делать, – взглянув на повязку на голове приятеля, выгляды-

вающую из-под мехового капюшона весело сказала Эрис.

– Да, мы знатные господа такие, – улыбнулся Сейша. – Если есть возможность, непременно всю работу переложим на других. А ведь ты за меня испугалась, признайся, моя птичка, – он подмигнул здоровым глазом. Второй был почти закрыт распухшим веком, которое разорвали острые когти кошки.

Эрис фыркнула.

– Да просто кошка прыгнула неожиданно. Думаю, сейчас как откусит тебе голову, будут мне потом кошмары сниться по ночам, как вспомню тебя без головы.

– Конечно, ты же у нас девушка впечатлительная, вида крови не выносишь, не то, что откушенная голова.

Эрис улыбнулась.

– Ладно, признаю. Я испугалась, что эта тварь тебя прикончила. Хоть ты и болван, но я к тебе привыкла. Даже привязалась немного. – Она рассмеялась. – И, кстати, откушенная голова это и впрямь противно.

Замир посмеиваясь, вполуха прислушивался к разговору, долетавшему из соседних саней, едущих впереди. Привычно взглядываясь в дорогу и окружающие ее скалы, он пытался разобраться в себе. Что теперь? Он отомстил. Исполнил все данные клятвы. Что делать дальше? Мир за пределами гор по-прежнему чужой для него. И в горах для него тоже больше нет места. Может быть, было бы лучше, если бы он погиб? В его жизни не осталось смысла. Он осознал, что пере-

полнявшая его ненависть даже помогала ему. Теперь, когда ненависть отступила, осталась только пустота.

– Чего ты так нахохлился, простофиля? – обернувшись к нему, спросила Эрис. – Ты, как будто не рад, что все закончилось.

Замир посмотрел на девушку. Можно подумать она читает его мысли. С нее станется и в голову кому-нибудь залезть.

– Я рад.

– Что-то не похоже, – Эрис одарила его насмешливым взглядом.

– Можешь теперь заняться опытами вместе с Метхой, ты же хотел, – сказала Эрис, когда некоторое время спустя они устроили остановку.

– Да, наверное. Мы с ним говорили. Он сказал, что не прочь переехать из города на природу. Можно построить дом...

Она улыбнулась.

– Не нравится город?

– Не нравится. – Он приготовился к насмешкам с ее стороны.

– Мне тоже. Грязь, полно сброда, только и ждущего чтобы напасть из-за угла.

Замир удивленно посмотрел на нее.

– По-моему ты чувствуешь себя там, как рыба в воде. Я думал, тебе там нравится.

Она хитро посмотрела ему в глаза.

– Я везде, как рыба в воде, простофиля. Но это не значит, что мне везде нравится.

Горы кончились. На ночь, как и в прошлый раз, остановились на зеленом холме у их подножия. После ужина Замир улегся на траву и стал смотреть на звезды. Сейчас он не думал ни о чем. В голове не было мыслей. Он чувствовал внутри себя все ту же пустоту, и одновременно удивительную легкость. Впервые за все время с тех пор как они с Орчи выехали из дома, чтобы узнать, почему не возвращаются мужчины из их селения со свадебным караваном. Замир услышал легкие шаги по траве. Эрис подошла и села рядом. Скоро они расстанутся и скорее всего, на этот раз, насовсем. Он почувствовал, как сердце болезненно сжалось. Может быть, стоит сказать ей о своих чувствах? О том, что она нужна ему. О том, что рядом с ней ему хорошо, и он чувствует себя вновь живым. А когда ее нет, ему все кажется пустым и бессмысленным. Он представил, как она начнет смеяться и подшучивать. Он прикрыл глаза. Лучше он будет просто ее вспоминать...

– Дай руку, простофиля, – сказала Эрис. Он протянул руку, даже не пытаясь угадать, что еще она придумала. Пускай устраивает свой очередной розыгрыш. Скоро они расстанутся, и ее проделок ему тоже будет не хватать. Как и ее самой.

– Держи, простофиля.

На ладони у Замира лежал кошелек, тот который она тогда стянула на рынке. Он улыбнулся.

– Я думал, ты потратила деньги на лекаря для своей ма-тушки.

Эрис беззаботно махнула рукой.

– Он оказался так любезен, что вырвал ей больной зуб совершенно бесплатно, – она подмигнула. – Знаешь, мне везет на добрых людей. Такая уж я везучая.

Замир расхохотался.

– Если хочешь, можешь меня поцеловать, простофиля. – Темные глаза сверкнули.

Замир обнял тоненькое тело. Он притянул ее к себе, чувствуя сводящее с ума тепло и приятный аромат волос и нежной кожи.

Он впервые целовал девушку, и это было так прекрасно. Потому, что она была прекрасна.

– Ты станешь моей женой? – выдохнул он, с неохотой оторвавшись от ее губ. Он замер. Неужели он и впрямь это сказал? Эрис рассмеялась.

– Я уж боялась, простофиля, что я состарюсь, прежде чем ты решишься. – Взгляд у нее вновь стал озорным и лукавым. – Я же старше тебя, мне-то уже ужас сколько лет! Помнишь, я же тебе честно призналась, впрочем, как и всегда.

Он прижал ее к себе, чувствуя, как по щекам катятся слезы. Он снова испугался, что сейчас она увидит, что он плачет и будет потом до конца жизни подшучивать. Но она посмотрела на него и сказала:

– Поплачь, Замир. Выплесни свою боль. Очисти душу, и

потом мы сможем идти дальше. Начнем новую страницу.

Лицо у нее было серьезное, и даже озорной огонек в глазах, хоть никуда не делся, но был едва заметен, запрятанный где-то в самой глубине. В эту минуту в ее глазах были еще любовь и нежность, и боль, и сострадание. Замир уткнулся лицом в ее плечо, вздрагивая от сотрясавших его рыданий. Маленькая рука гладила темные кудри, и боль отступала, злость и ненависть, скопившиеся в душе отпускали, таяли, исчезали без следа. На смену им приходила грусть. Светлая, и легкая как облачко, бегущее по небу. Темнота рассеивалась и отступала.

—

Повозка покачивалась, время от времени легонько подпрыгивая на попадавшихся на пути кочках. Быки неторопливо шли вперед, поматывая головами, отгоняя назойливых мух. Растянувшись на дне повозки, рядом с сидящей на бычьих шкурах Эрис, Замир блаженно улыбался. Голова его лежала на коленях девушки, и он разглядывал ее лицо, наслаждаясь сознанием, что наконец-то все позади и теперь все будет хорошо. Они будут вместе, и их ждет новая страница жизни. Наполненная счастьем, светом и любовью.

— Кстати, насчет придания, — Эрис погладила темные кудри и задорно улыбнулась. — Как ты думаешь, а что стало с сокровищами? Они же тоже были все это время в пещере с коварными злодеями?

Замир внимательно посмотрел на нее и засмеялся.

– Эрис! Мы не пойдем в Алментины искать сокровища.
Она пожала плечами.

– Как скажешь, – темные глаза лукаво посмотрели на него, в них мелькнул знакомый озорной огонек. – Я знаю, просто-филя, когда заговорить с тобой об этом, – она засмеялась. – Уверена, в тот момент ты изменишь свое решение и скажешь – да. А этих двоих, – он кивнула на соседнюю повозку, в которой ехали Волман и замотанный в повязки Сейша, – и уговаривать не придется. Один через два дня уже будет жаждавать новых приключений, а другой, как только залечит свои болячки, опять будет изнывать от скуки в городе. Они оба бегом побегут, только скажи.

Он схватил ее и притянул к себе. Губы у нее были восхитительные, их вкус заставлял забыть обо всем. Сквозь затуманенное чудесным поцелуем сознание, Замир, где-то в самой глубине души, ощутил смутное беспокойство, возможно, она и впрямь знает какой-то особый момент, когда он не сможет отказать ей, чтобы она ни сказала. Но беспокойство быстро исчезло и забылось. В целом мире не осталось вообще ничего кроме их волшебного, сказочно прекрасного поцелуя.

–

Никому не известно, что нашел несчастный дурачок Ири-тай в пещере, в ночь, когда он блуждал в горах и едва не погиб. И откуда на самом деле взялись страшные снежные великаны, погубившие все живое в Алментинских горах. Точ-

но также, как никто не знает, вправду ли Алментинские горы были благодатным краем, наполненным жизнью и несметными богатствами до того, как его прокляли люди и божества. Все это, одна из сказок, рассказанных снежной метелью. Возможно, существует и впрямь бесчисленное количество миров, и, в каком-то из них, есть неприступные горы, скованные вечным холодом, между которыми раскинулись огромные снежные долины. В которых жили мужественные, стойкие, научившиеся преодолевать почти невыносимые условия люди. Считавшие суровый, безжизненный край самым лучшим местом. Своим домом. А может быть, и нет.

Но одно можно сказать точно. Если кажется, что в жизни ничего не осталось. Если душу поглотила тьма, и единственное, что чувствует израненное, заледеневшее сердце – это боль, горечь и ненависть, нужно найти в себе силы, и открыть свою душу свету. Подняться и идти вперед, не позволяя тьме одержать верх. Как бы непрогляден не был мрак, рано или поздно он рассеется и уступит место свету. Надежда всегда должна жить в сердце, чтобы ни случилось.

И нужно помнить что любовь, преданность и доброта – самая великая сила, способная противостоять любым трудностям, испытаниям и несчастьям. Она сильнее мрака и ненависти. И уж конечно сильнее любых снежных великанов и всех вместе взятых чудовищ во всех бесчисленных мирах, как в сказочных, так и в реальных.

С любовью, автор.

январь 2019г.